

МАТЕРИАЛЫ
ПО
АРХЕОЛОГИИ ДАГЕСТАНА

Том III

МАХАЧКАЛА 1979

МАТЕРИАЛЫ
ПО
АРХЕОЛОГИИ ДАГЕСТАНА

Том III

Редакционная коллегия:

Д. М. АТАЕВ — отв. редактор, С. Ш. ГАДЖИЕВА, В. Г. КОТОВИЧ,
М. Г. МАГОМЕДОВ, М. Г. ГАДЖИЕВ, М. М. МАММАЕВ

instituteofhistory.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ

Со времени выхода в свет II тома «Материалов по археологии Дагестана» (1961 г.) накоплен значительный археологический материал, имеющий важное значение для изучения прошлого Дагестана. Однако подавляющее большинство материала еще не введено в научный обиход. Восполнить хотя бы частично этот пробел — задача настоящего, третьего тома из серии «Материалы по археологии Дагестана». В нем содержатся статьи, написанные научными сотрудниками Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР, Институт археологии и этнографии Академии наук СССР.

Том открывается статьей В. И. Марковина «Каменные орудия с желобчатыми перехватами на территории Дагестана и северного Кавказа», представляющей собой исчерпывающую публикацию своеобразных орудий труда древности: каменных топоров и топоров-молотов, хранящихся в музеях Дагестана и Северного Кавказа.

В статье В. М. Котович, В. И. Марковина и Т. Д. Хехневой на основе археологических данных и материалов наскальных изображений делается попытка очертить ареалы диких копытных в древнем Дагестане и путем сравнения с соответствующими современными ареалами выявить их динамику, установить комплекс причин, обусловивших сокращение поголовья многих ценных видов диких животных.

В статье Д. М. Атаева и М. Н. Погребовой «Поселение эпохи бронзы у с. Ирганай Унцукульского района» приводятся сведения о небольших раскопках, произведенных на поселении эпохи бронзы, расположенном у аула Ирганай Унцукульского района. Публикуемый материал знакомит с интересными деталями, связанными с каменным домостроительством в бронзовом веке, говорит о синхронности

поселения и ранее исследованных, расположенных рядом, больших погребальных склепов.

Большой интерес представляет статья покойной М. И. Пикуль «Мугерганский могильник», восполняющая пробел, имеющийся в изучении памятников железного века в Дагестане. В ней приводится свежий материал, добытый при раскопках выявленного ею же в Южном Дагестане яркого памятника — Мугерганского могильника.

В статье Д. М. Атаева «Археологические исследования в горном Дагестане осенью 1962 г.» приводятся сведения о новых могильниках и поселениях средневековой эпохи, выявленных и частично раскопанных горным отрядом ДАЭ в 1962 г. в Аварии. Особый интерес представляет могильник близ аула Ботлих, материал которого помогает определить границы локальных культур средневекового нагорного Дагестана.

Статья В. Б. Ковалевской «Производство и импорт средневековых бус Дагестана» посвящена обобщению огромного бусинного материала, добытого при раскопках средневековых могильников Дагестана: Агачкалинского, Верхнечирюртовского, Гапшиминского, Бежтинского и др. Автором предложена типологическая классификация бус и сделан ряд важных выводов о местном производстве некоторых бус, о характере и направлении торговых связей средневекового Дагестана. Соглашаясь с основными положениями, выдвинутыми в статье, следует отметить, что данные автором датировки на основании только бусинного материала ряда могильников (Агачкала, Гапшима и др.) оказались непринятными большинством археологов.

В статье М. А. Агларова «Две деревянные чаши из Анчиха» вводится в научный оборот новый археологический материал из Ботлихского района, представленный двумя оригина-

нальными деревянными чашами, в которых автор видит прообразы знаменитых «албанских» (кубачинских) котлов. Свежий материал из раскопок известного средневекового городища Урцеки вводится в научный оборот в статье М. М. Маммаева «Знаки на керамике Урцекского городища». В статье М. Г. Магомедова «Андийские ворота» дается интерпретация оборонительным сооружениям, прикрывающим границы Андии в средневековое время. Накопившийся археологический материал позволяет уже ставить многие вопросы, связанные с этногенезом народов Дагестана. В этой связи особую ценность представляет привлечение палеоантропологического материала с территории Дагестана и соседних областей. Поэтому весьма отрядным фактом является включение в настоящий сборник статей антропологов.

Статья В. П. Алексеева «Материалы по краниологии народов Дагестана» посвящена исследованию черепов аварцев и удин (XVII—XIX вв.), хранящихся в музеях Москвы и Ленинграда. Изучение этих материалов дает возможность автору ставить вопрос о местном происхождении аварцев и удин.

Для этногенеза народов северо-восточного Кавказа, дагестанцев и вейнахцев интерес

представляет статья А. Г. Гаджиева «Некоторые данные по краниологии северо-восточного Кавказа», в которой описывается новый краниологический материал с территории Чечено-Ингушетии, полученный при раскопках в основном памятников эпохи бронзы (Гатын-кала). Статья Т. С. Кондукторовой «Антропологическая характеристика Верхне-Чирюртовского могильника» подробно знакомит с краниологическим материалом, добытым при раскопках Верхне-Чирюртовского катакомбного могильника, расположенного на среднем течении реки Сулак. К сожалению, автором, в силу ряда причин, не могли быть учтены имеющиеся к моменту выпуска новые публикации, посвященные палеоантропологии Дагестана.

В работе К. Н. Золотова «К истории коневодства в Дагестане», написанной на основании остеологического материала, освещается вопрос биологической изменчивости лошади после одомашнивания в условиях Дагестана.

Широкий круг вопросов, поставленных в сборнике, вызывает интерес не только специалистов-археологов, но и всех тех, кто интересуется древней и средневековой историей Дагестана.

В. И. МАРКОВИН

КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ С ЖЕЛОБЧАТЫМИ ПЕРЕХВАТАМИ НА ТЕРРИТОРИИ ДАГЕСТАНА И СЕВЕРНОГО КAVKAZA

В музеях Дагестана и Северного Кавказа хранится большое количество различных археологических предметов. Многие из них являются «случайными» находками. Описание таких разрозненных предметов, сопоставление их с вещами из комплексов позволяют порой сделать интересные выводы, составить типологические схемы, проследить развитие технической мысли древнего человека. Особенно важна такая работа для далеких и плохо изученных эпох неолита, энеолита и бронзы.

Среди случайных находок, происходящих с территории Дагестана и Северного Кавказа, большое место занимают изделия из камня (топоры, молоты, мотыжки, терочники, зернотерки и украшения). Изучение таких предметов и камня вообще, как материала для орудий древности, имеет большое научное значение¹.

В настоящей статье остановимся на каменных орудиях с желобчатыми перехватами, выбрав среди них молотовидные предметы и топоры-молоты².

Описание материала дается по краям и республикам. Изображения описанных предметов сведены в таблицы по типам (рис. 1—8).

Краснодарский край

1. Клиновидное рубящее орудие удлиненной формы. Сделано из обломка крупной гальки. Желобки-перехваты по узким сторонам. Обушная часть попорчена сколами: твердый коричнево-серый песчаник. Размеры: $20,5 \times 11 \times 5$ см³. Найдено в северо-западной части

¹ А. Е. Ферсман. Драгоценные и цветные камни России, т. I, Петроград, 1920, стр. 3; В. А. Кузнецов. Древние выработки медной руды в верховьях р. Большой Зеленчук. КСИА, вып. 108, М., 1966, стр. 63, 64.

² В данной работе учтены основные находки, известные вплоть до 1967 г.

³ Размеры даны в последовательности: высота — длина, ширина, толщина.

Геленджикской бухты (в 4 км от города). Музей г. Геленджика, № 301 (рис. 3, 1). Подобное орудие из желтого песчаника было обнаружено И. И. Ахановым в кургане № 2 (третья курганная группа) на Толстом мысе у г. Геленджика.

2. Обломок обушной (молоточной) части топора. Перехват проходил, вероятно, вокруг орудия. Молоточная часть плоская. Серый плотный песчаник. Размеры обломка: $5 \times 4,5 \times 3,5$ см. Найдено в 1946 г. среди мотыжек в неолитической мастерской на р. Мзымте. Музей г. Сочи, № 2234 (рис. 4, 11).

3. Небольшой клиновидный топор-молот прямоугольной формы. Округлый желоб обтекает орудие со всех сторон. Лезвие и обушок подправлены пунктирными ударами. Коричнево-красный песчаник. $9,5 \times 9 \times 5$ см. Орудие найдено вместе с человеческим черепом на реке Шахе в районе поселка Галагинка. Музей г. Сочи, № 5125 (рис. 5, 2).

4. Нижняя, лезвийная часть топора. Желобки проходят с двух сторон — по широким «щекам» орудия. Серый кварцит. $11 \times 7 \times 5,8$ см. Орудие найдено у разрушенного дольмена выше Солох-аула на р. Головинке (участок гражданина Мишина). Доставлен в музей г. Сочи А. П. Красновым, № 575 (рис. 4, 14).

5. Топор уплощенной формы с узким клиновидным лезвием. Снабжен одним желобком, идущим «поперек главной оси орудия». Темная зеленоватая порода. Длина 8 см (рис. 4, 9). Найдено Л. Н. Соловьевым в гроте Тоннель Воронцовской пещеры (р. Кудепста, Адлерский р-н)⁴.

6. Клиновидный топор. Одна узкая сторона

⁴ Л. Н. Соловьев. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры. Труды Абхазского института языка, литературы и истории, т. XXIX, Сухуми, 1958, стр. 153, 180, табл. IV, 2.

его тщательно подшлифована, другая, округлая, снабжена глубоким желобком, расположенным близ обуха. Поверхность орудия обработана пунктирными ударами. Обухок закруглен. Серый кварцит. $18,5 \times 6,5 \times 5,5$ см. Топор найден в 1950 г. в русле р. Уруп у ст. Советской. Краевой музей в г. Краснодаре, № 3752/188 (рис. 6, 3).

Ставропольский край

7. Небольшое орудие — молот округлой формы. Желобок проходит с четырех сторон. Края орудия сильно стертые, вероятно, после поломки оно использовалось как терочник. Серый гранит. $8 \times 8,2 \times 4,8$ см. Найдено в с. Кугульта Шпаковского района. Краевой музей г. Ставрополя, № 2866 (рис. 1, 6).

8. Орудие подпрямоугольной формы с желобком, охватывающим его со всех сторон. Порода камня неизвестна. Размеры ок. 14×14 см (рис. 1, 4). Найдено В. М. Сысоевым «в остатках старых мин» на Худесских рудниках близ Карт-Джурта (Карачаево-Черкесская А. О.)⁵.

9—11. Обломки трех молотов. «Имеют округлый обух и слегка приостренную нижнюю часть. Посередине — перехват в 3—4 см шириною... Высота или длина орудий от 20 до 15 см, ширина от 15 до 13 см». Орудия изготовлены из диорита (рис. 1, 5, 7, 8). Найдены Т. М. Минаевой в 1948 г. в урочище Ретышик ущелья р. Марухи, в пещере (Карачаево-Черкесская А. О.)⁶.

12. Орудие овальной формы. Через середину опоясано желобком. Серый кварцит. $12 \times 9,2 \times 8$ см. Точно место находки неизвестно. Происходит из Пятигорской коллекции члена бывшей Археологической комиссии В. Р. Апухтина. Музей г. Пятигорска, № 691 (рис. 1, 9).

13. Молот цилиндрической формы. Сечение орудия круглое. Желоб охватывает молот. Серая плотная магматическая порода. $12,5 \times 6$ см.

⁵ В. М. Сысоев. Древности по верхнему течению р. Кубани. МАК IX, М., 1904, стр. 153, рис. 62.

⁶ Т. М. Минаева. Следы древних выработок металлических руд в ущелье р. Марухи. КСИИМК, вып. XVIII, М., 1952, стр. 117, 118, рис. 36. 1. Т. М. Минаевой здесь было найдено четыре молота, опубликовано три. В данной пещере подобные молоты находили и раньше. См. Известия ГАИМК, вып. 120, М.—Л., 1935. (статья А. А. Иессена. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе), стр. 37. Из Карачаево-Черкессии известно еще три подоонных молота. Один из с. Хумара (хранится в музее школы с. Хумара), другие были найдены на Пастуховой горе на месте древних медных разработок (молоты были найдены вместе с бронзовым кинжалом и терочником). Сведения получены от В. А. Кузнецова.

Найден на территории МТС с. Константиновки. Музей г. Ставрополя, № 12757—1 (рис. 1, 10).

14. Клиновидный топор-молот прямоугольной формы. Желоб с четырех сторон. Обухная и лезвийная части подправлены пунктирными ударами. Черный кварцит. $12 \times 8,4 \times 3,7$ см. Находка 1910 г. в с. Надежда. Музей г. Ставрополя, № 2855 (рис. 5, 3).

15. Клиновидный топор-молот. Часть лезвия обломана. Желобки проходят с широких сторон орудия. После поломки орудие использовалось как гладилка. Черный базальт. $10,2 \times 4,9 \times 3$ см. Найдено Прикаспийской экспедицией (нач. Е. И. Крупнов) в 1952 г. в песках у с. Ачикулак (дача II). Музей г. Грозного (рис. 4, 13).

16. Узкий клиновидный топор-молот. Обухок слегка скошен. Лезвийная часть обработана ударами пунктира и имеет выпуклый подковообразный узор. Желоб опоясывает орудие с четырех сторон. Серый кварцит. $17,3 \times 6,8 \times 6$ см. Найдено в 1956 г. в с. Надежда на территории 8-ой бригады колхоза «Победа», на берегу речки, впадающей в р. Мутнянку. Дар С. А. Мелаевского музею г. Ставрополя № 12 876 (рис. 5, 19).

17. Клиновидный топор. Одна его узкая сторона совершенно гладко подшлифована, другая, округлая, снабжена широким желобком, расположенным близ округлого обуха. Поверхность орудия слегка подшлифована. Магматическая порода типа гранита (габбро-?) с включениями кварца. $24 \times 6,3 \times 6$ см. Найдено Муханадом и Ревякиным в 1955 г. на северо-восточном склоне горы Машук между ст. Горячеводск и г. Пятигорском. Музей г. Пятигорска, № 788 (рис. 6, 4).

18. Топорик-клевец. В средней части по углам орудие снабжено зарубками. Изготовлено из плотного серого известняка. $17,8 \times 3 \times 2,5$ см, ширина лезвия 6,5 см. Найдено в 1938 г. Гаевым на Горячей горе у Машука (г. Пятигорск). Музей г. Пятигорска, № 810 (рис. 8, 1).

18 а, б. Два молота. Сделаны из серого кварцита. Один из них тщательно описан В. А. Кузнецовым. Длина его 25,2 см, величина сечения — 15 см, ширина желоба — 3 см. Найден на горе Пастуховой, на правом берегу р. Большой Зеленчук, напротив пос. Богословка — в месте древней выработки медной руды⁷.

Кабардино-Балкария

19. Небольшое орудие типа молота подпрямоугольной формы. Желоб с четырех сто-

⁷ В. А. Кузнецов. Указ. соч., стр. 63, 64, рис. 22, 1.

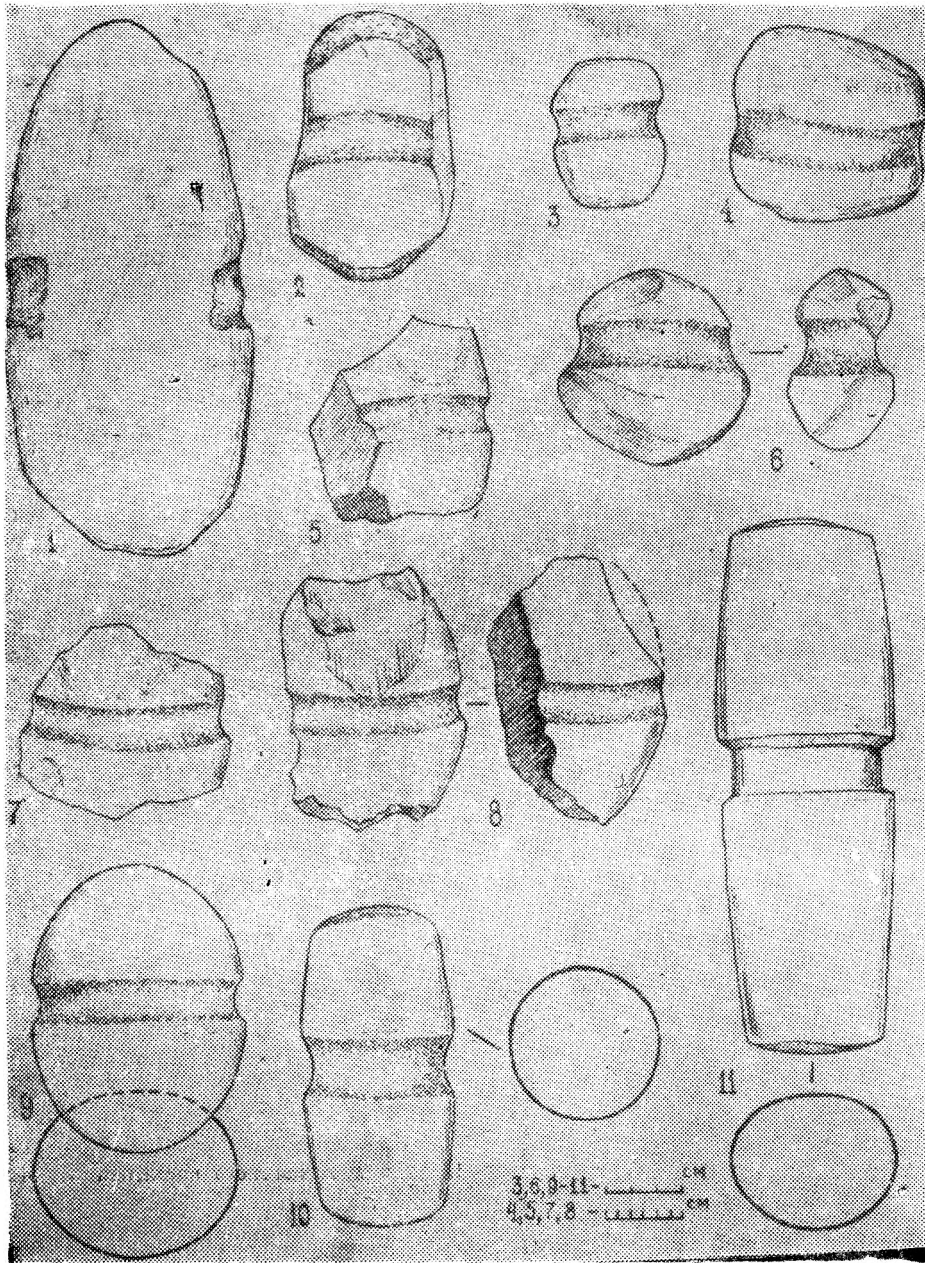

Рис. 1. Молоты (орудия 1 типа).

1. Сел. Бекович (Моздокские степи, Северная Осетия); 2. Городище Урбеки близ Уллубий-аула (Дагестан); 3. г. Нальчик (Кабардино-Балкария); 4. Карт-Джурт (по В. М. Сысоеву. Карачаево-Черкессия); 5. Урочище Ретьщик на р. Марухе (по Т. М. Минаевой. Карачаево-Черкессия); 6. Сел. Кугульта (Ставрополье); 7. 8. Урочище Ретьщик на р. Марухе (по Т. М. Минаевой. Карачаево-Черкессия); 9. Пятигорск (коллекция В. Р. Алухтина); 10. с. Константиновка (Ставрополье); 11. Сел. Куркужин (Кабардино-Балкария).

рон. Серый кварцит. Длина орудия ок. 6 см. Найдено в курганной насыпи за Домом советов в г. Нальчике. Республиканский музей в г. Нальчике, витрина II (рис. 1, 3).

20. Клиновидный топор-молот удлиненных пропорций. Желоб с четырех сторон. Красный плотный песчаник. Длина ок. 18 см. Найден за Домом советов (г. Нальчик) в курганной насыпи вместе с предыдущим орудием. Музей в г. Нальчике, витрина II (рис. 5, 10)⁸.

21. Топор-молот клиновидной формы (сечение овально-уплощенное). Сохранилась только лезвийная часть. Желоб опоясывает орудие. Серый кварцит. Высота обломка — ок. 9 см. Найден на территории Долинского древнего поселения близ г. Нальчика. Музей в г. Нальчике, витрина III (рис. 5, 6).

22. Топор-молоток клиновидной формы с желобком, охватывающим орудие. Черный кварцит. Высота ок. 5,5 см. Происходит также с территории Долинского поселения. Музей в г. Нальчике, витрина III (рис. 5, 5).

23. Топор-молоток. Желобок опоясывает орудие. Серый кварцит. Высота ок. 7 см. Найден на территории Долинского поселения. Музей в г. Нальчике, витрина III (рис. 5, 4).

Возможно о двух последних топорах упоминают А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий в работе, посвященной Долинскому поселению⁹.

24. Клиновидный топор-молот сильно удлиненных пропорций. Заостренное лезвие и обух тщательно обработаны пунктирными ударами. Желоб опоясывает орудие. Длина орудия 22 см. Темно-зеленый гранит. Найдено на территории Долинского поселения. Музей в г. Нальчике, витрина III (рис. 5, 11).

25. Топор-молот. «Имеет вид четырехугольного вытянутого клина, сильно утолщенного на одном конце и имеющего в этой части с двух сторон желобок» (рис. 4, 6). Сиенит $8 \times 3,7 \times 3,4$ см. Найдено А. П. Кругловым и Г. В. Подгаецким на Долинском поселении в раскопке № 1¹⁰.

26. Топор-молот в форме «широкого клина с глубокими желобками на боковых поверхностях». Диорит. $10,5 \times 8 \times 5,5$ см. (рис. 4, 10). Найден «в одной из промоин на площадке, занятой Долинским поселением»¹¹.

⁸ Это орудие опубликовано как относящееся к эпохе камня. См. «История Кабарды с древнейших времен до наших дней». М. 1957, стр. 15, рисунок (в центре).

⁹ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика, МИА 3. 1941. стр. 181.

¹⁰ Там же, стр. 181, 182, рис. 25. 1.

¹¹ Там же, рис. 25. 4.

27. Клиновидный топор-молот почти прямоугольной формы. Часть лезвия обломана. Желоб с четырех сторон. Серый кварцит. $16,8 \times 8 \times 5,2$ см. Найден в 1926 г. на территории г. Нальчика. Музей г. Нальчика, № 3366 (рис. 5, 13).

28. Обломок обухной части топора. Желоб опоясывал орудие. Кварцит. Размеры обломка — $12 \times 3,5$ см. при сохранившейся высоте 4,6 см. Найден в 1929 г. на городище в с. Куба. Музей г. Нальчика, № 1248 (рис. 4, 5).

29. Клиновидный топор-молот почти прямоугольной формы. Желоб на широких сторонах орудия. Серый кварцит. $11 \times 8 \times 6$ см. Найден в 1929 г. в г. Нальчике. Музей г. Нальчика, № 3192 (рис. 4, 12).

30. Топорик изящной формы с округлым и широким лезвием. Молоточная часть выпуклая. Орудие имеет круглое сечение. Желобок опоясывает топорик. Красный кварцит. Длина ок. 13,5 см. Найден в 1930 г. за сел. Вольный аул. Музей г. Нальчика, витрина II (рис. 7, 1)¹².

31. Ударное орудие округлой формы. Одна из узких сторон гладко зашлифована, на противоположной стороне — желобок. Рабочие части сильно закруглены. Длина орудия — 13 см. Зеленоватая магматическая порода. Найдено в 1929 г. за Агубековским поселением близ г. Нальчика. Музей г. Нальчика № 1830 (рис. 2, 1).

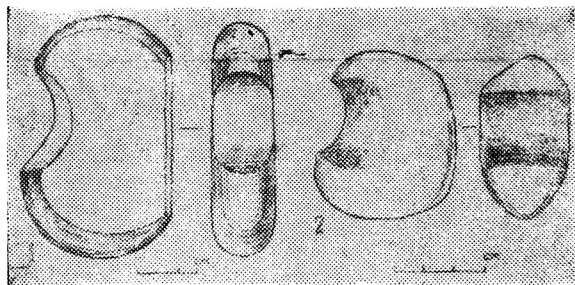

Рис. 2. Молоты-«булавы» (орудие 2 типа). 1. Близ Агубековского поселения (г. Нальчик, Кабардино-Балкария); 2. Затишье (г. Нальчик, Кабардино-Балкария).

32. Ударное орудие, напоминающее предыдущее. Рабочие части закруглены. Одна узкая сторона выпуклая, заглажена, другая с желобком. Серый песчаник. $7 \times 6 \times 4$ см. Найдена в местности Затишье (г. Нальчик). Музей в г. Нальчике, № 1213 (рис. 2, 2).

¹² Опубликовано как находка эпохи камня. См. «История Кабарды с древнейшего времени...», стр. 15, рисунок.

33. Двусторонний молот со слегка суживающимися рабочими концами. Сечение орудия овальное. Желобок тщательно врезан и охватывает орудие в средней части. Белый плотный известняк. $21 \times 6,7 \times 5,3$ см. Найден в 1932 г. в сел. Куркужин. Музей в г. Нальчике, № 1244 (рис. 1, 11).

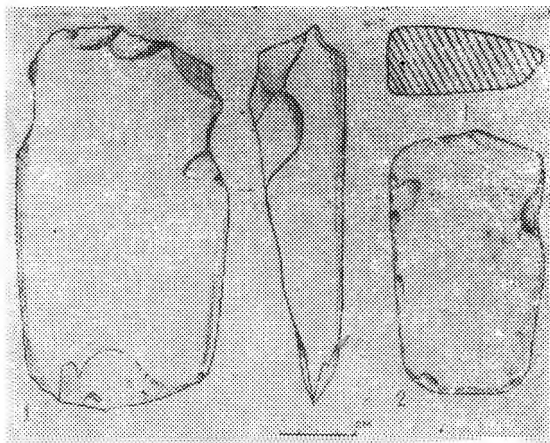

Рис. 3. Топоры-мотыги (орудия 1 типа).
1. Геленджик (Краснодарский край); 2. Могильник Гатын-Кале (с. Асланбек-Шерипово, Чечня).

Северная Осетия

34. Очень примитивное ударное орудие — галька овально-удлиненной формы круглого сечения с едва намеченными желобками — выбоинами. Серый песчаник. $21 \times 9,5$ см. Найден в районе бывш. сел. Бакович (Моздокские степи). Хранится в Республиканской детской экскурсионно-туристической станции г. Орджоникидзе (рис. 1, 1).

35. Примитивное ударное орудие клиновидной формы с односторонним глубоким желобком. $16,5 \times 6,9 \times 4,5$ см. Найдено в окрестностях г. Орджоникидзе, опубликовано Е. И. Крупновым (рис. 6, 1)¹³.

36. Топор неправильной клиновидной формы с желобом, охватывающим его с трех сторон. Обушная часть выпуклая, конусовидная. Серый кварцит. $15,9 \times 8,2 \times 5$ см. Найден в с. Старый Батакоюрт. Хранится в музее г. Орджоникидзе. Опубликован Е. И. Крупновым (рис. 4, 15)¹⁴.

37. Клиновидный топор-молот. Лезвие слегка подшлифовано и подправлено пунктирными ударами. Желобки по широким сторонам ору-

дия. Серый песчаник. $12,4 \times 8 \times 4,5$ см. Из коллекции Н. И. Репникова (1910 г.). Найден в с. Долокау. Гос. Эрмитаж, № 2191 (1) (рис. 5, 9).

38. Клиновидный топор удлиненных пропорций. Одна узкая сторона — гладкая, противоположная снабжена глубоким желобком. Обух округло-выпуклый, лезвие тщательно заострено. Серый песчаник. $21,4 \times 6,8 \times 6$ см. Найдено в с. Ольгинском. Республиканский музей в г. Орджоникидзе, № 3890 (рис. 6, 2).

Чечено-Ингушетия

39. Примитивный клиновидный топор с едва намеченными желобками-закраинами на узких сторонах. Закругленное лезвие и обух слегка подправлены пунктиром (рис. 3, 2). Коричневый песчанистый известняк с раковистыми сколами. $13,4 \times 8 \times 3,5$ см. Найден в коллективном погребении 18 могильника Гатын-Кале (ущелье Чанты-Аргуна, с. Асланбек—Шерипово)¹⁵.

40. Клиновидный топор-молот прямоугольной формы с неглубоким желобком, обтекающим орудием. Кварцит. $10,5 \times 5,3 \times 3$ см (рис. 4, 4). Найден в жилище 1 Серженюртовского поселения (раскопки 1960 г.)¹⁶.

41. Клиновидный топор-молот. Обух скошен, желобок с четырех сторон. Лезвие обломано. Коричневый кварцит. $9,2 \times 4,5 \times 3,3$ см (рис. 5, 15). Найден в 1957 г. на распаханном древнем поселении у с. Серженюрт (находка автора и Н. Г. Полихрониди)¹⁷.

42. Клиновидный топор-молот с четко выделенным широким обухом, тщательно подправленным лезвием. Желобок опоясывает орудие. Кварцит. $22 \times 10 \times 4,5$ см. Найден где-то в пределах бывш. Грозненской области. Республиканский музей в г. Грозном (рис. 5, 18).

Дагестан

43. Примитивное орудие типа молота. Слегка подправлено пунктирными ударами. Желобки на широких сторонах. Серый кварцит. $10,4 \times 6,2 \times 4,5$ см. Найдено на поверхности городища «Урцеки», близ Уллубий-аула (рис. 1, 2).

44. Обломок орудия — вероятнее всего топора. Сохранилась обушная часть округлой

¹⁵ Работы Аргунского отряда Северокавказской экспедиции 1958 г. (нач. экспедиции Е. И. Крупнов, нач. отряда В. И. Марковин).

¹⁶ Раскопки Е. И. Крупнова и Н. Я. Мерперта в 1960 г. (Северокавказская экспедиция).

¹⁷ Работы Разведочного отряда указанной экспедиции в 1957 г.

¹³ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА 23, 1951, стр. 29, рис. 4, 1.

¹⁴ Там же, рис. 4, 2.

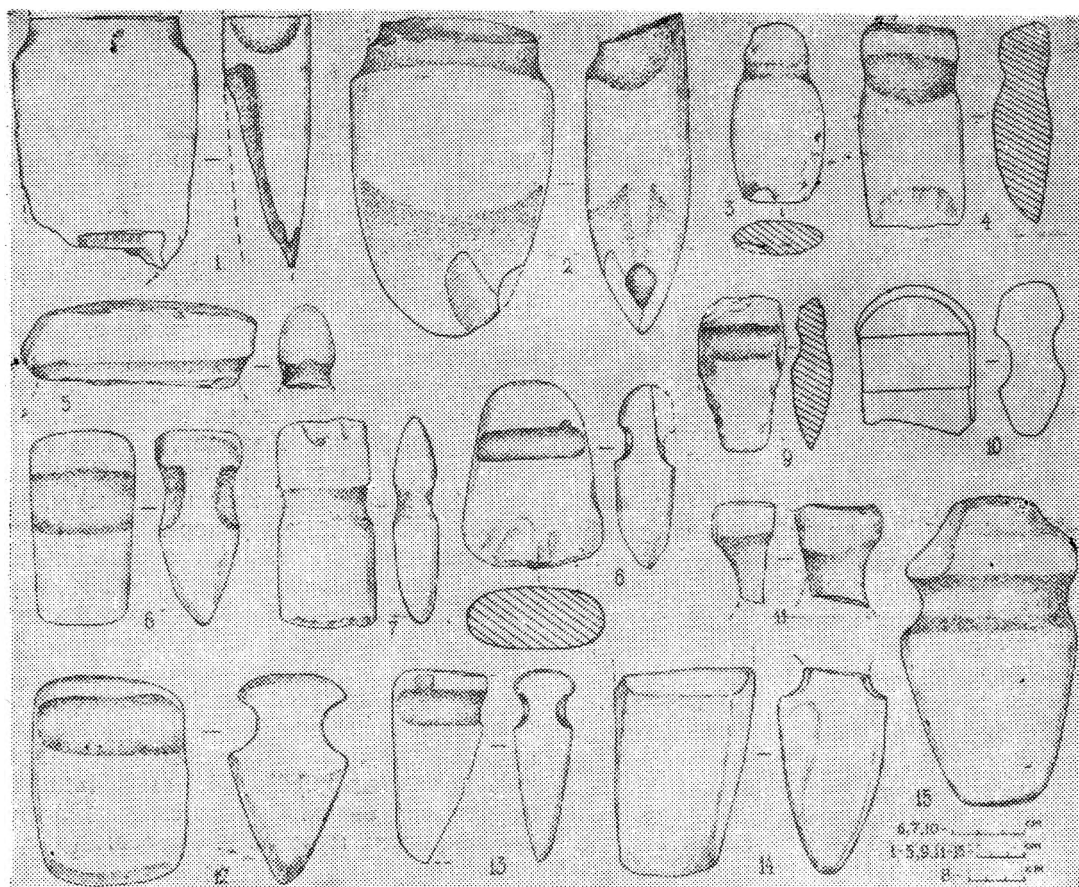

Рис. 4. Топоры-молоты (орудие 2 типа).

1, 2. Тарнаир (г. Махачкала, Дагестан); 3. Сел. Великент (Дагестан); 4. Сел. Серженюрт (Чечня); 5. Сел. Куба (Кабардино-Балкария); 6. Долинское поселение (Кабардино-Балкария); 7. Сел. Бавтугай (по М. И. Пикюль. Дагестан); 8. Городище Урцеки близ Уллубий-аула (Дагестан). 9. Воронцовская пещера на р. Кудепсте (по Л. Н. Соловьеву. Краснодарский край); 10. Долинское поселение (по А. П. Круглову и В. Г. Подгаецкому. Кабардино-Балкария); 11. Река Мзымта (Краснодарский край); 12. Нальчик (Кабардино-Балкария); 13. Ачикулак-дача II (Ставрополье); 14. Солох-аул (Краснодарский край); 15. Старый Батакоюрт (Северная Осетия).

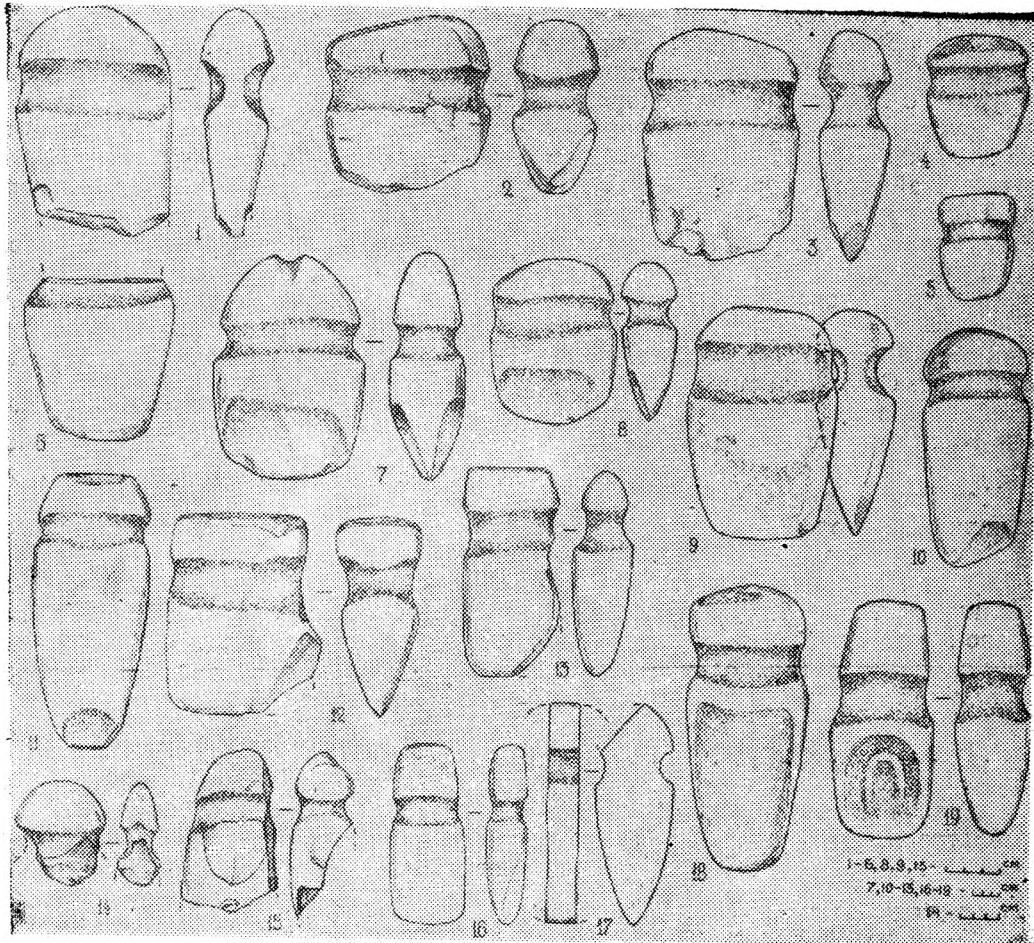

Рис. 5. Топоры-молоты (орудия 2 типа. Продолжение).

1. Сел. Мекеги (Дагестан); 2. Пос. Галагинка на р. Шахе (Краснодарский край);
3. Сел. Надежда (Ставрополье); 4—6. Долинское поселение (Кабардино-Балкария);
7. Андрей-аул (Дагестан); 8. Сел. Великент (Дагестан); 9. Сел. Долокау (Северная Осетия);
10. Нальчик (Кабардино-Балкария); 11. Долинское поселение (Кабардино-Балкария);
12. Сел. Альбурикент, близ Тарнаира (Дагестан); 13. Нальчик (Кабардино-Балкария);
14. Городище Урцки близ Уллубий-аула (Дагестан); 15. Сел. Серженюрт (Чечня);
16. Сел. Великент по В. Г. Котовичу. (Дагестан); 17. Сел. Берикей (Дагестан);
18. Бывшая Грозненская обл. (Чечено-Ингушетия); 19. Сел. Надежда (Ставрополье).

формы, слегка подправленная пунктирными ударами. Желобок проходит вокруг орудия. Серый песчаник. $9,1 \times 7,4 \times 3,8$ см (рис. 5, 14). Найдено в завале помещения на городище Урцеки (раскоп III, работы В. М. Котович).

45. Топор клиновидной формы с сильно расширенным лезвием. Обух округлый. Желобки только с широких сторон. Серый песчаник. $13 \times 9,8 - 7 \times 4,5$ см (рис. 4, 8). Найдено в завале помещения городища Урцеки (раскоп I, работы В. Г. Котовича)¹⁸.

46. Сильно фрагментированное орудие овального сечения. Лезвие и обух обломаны. Корпус орудия с боков слегка подправлен пунктирными ударами. По узким сторонам — неглубокие желобки. Серый кварцит. $12,8 \times 9,5 \times 4,8$ см. Найдено автором в 1952 г. на территории Тарнаира близ г. Махачкалы. Хранится в Республиканском музее г. Махачкалы (рис. 4, 1)¹⁹.

47. Клиновидный топор-молот овального сечения. Обух обломан. Округлое лезвие тщательно подправлено ударами пунктира. Желобок с трех сторон. Серый кварцит. $16,5 \times 11 \times 5,5$ см. Найдено автором в 1951 г. на склоне горы Тарки-тау, неподалеку от с. Альбурикент — в районе Тарнаира (г. Махачкала). Музей в г. Махачкале (рис. 4, 2)²⁰.

48. Клиновидный топор овальной формы. Желобок опоясывает орудие. Твердый серый песчаник. $9,5 \times 2,5$ см. Найдено в 1937 г. в окрестностях Великента. Музей г. Дербента, № 218. Опубликовано М. И. Исаковым (рис. 5, 8)²¹.

49. Обломок средней (продольной) части клиновидного топора. Черный песчаник. $18 \times 6,5 \times 3,5$ см. Найдено в 1935 г. в окрестностях с. Берикей. Музей г. Дербента, № 219. Опубликовано М. И. Исаковым (рис. 5, 17)²².

50. Клиновидное уплощенное орудие. Желобок с трех сторон. Песчаник. Высота ок.

10 см. (рис. 4, 3). Найдено Р. М. Мунчаевым в нижнем слое древнего поселения у с. Великент (работы 1954 г.)²³.

51. Клиновидный топор-молот удлиненных пропорций. Желобок опоясывает орудие. Серо-коричневый кварцит. Высота ок. 22 см (рис. 5, 16). Найдено В. Г. Котовичем в гончарном горне на древнем поселении сел. Великент (работы 1953 г.)²⁴.

52. Клиновидный топор. Обух округлый с небольшой перемычкой-желобком в «обушной» части. Лезвие тщательно подправлено ударами пунктира. Желобок опоясывает орудие. Серый кварцит. $17,8 \times 12,2 \times 6$ см. Происходит из сел. Андрей-аул. Музей в г. Махачкале, № 7007 (рис. 5, 7).

53. Массивный клиновидный топор-молот с очень широкой обушной частью. Желобок опоясывает орудие. Темно-серый кварцит. $16 \times 11 - 12,5 \times 7,8$ см (рис. 5, 12). Найдено автором в 1949 г. на склоне горы Тарки-тау у сел. Альбурикент. Место находки примыкает к урочищу Тарнаир г. Махачкалы. Музей в г. Махачкале, № 13931²⁵.

54. Клиновидный топор-молот с отбитой лезвийной частью. Желобки на широких сторонах орудия. Темный кварцит. $12 \times 8 \times 4$ см. Обнаружен В. Г. Котовичем в 1959 г. среди культурных остатков неолитического поселения у с. Мекеги (рис. 5, 1)²⁶.

55. Топор прямоугольной формы. Приострен с обеих сторон. Желобок опоясывает топор. Песчаник. $17 \times 8 \times 4$ см. Найдено близ сел. Бавтугай. Находка М. И. Пикуль (рис. 4, 7)²⁷.

Описанные орудия за исключением топора за № 18 изготовлены из речных сильно окатанных галек кварцита, песчаника и др. пород.

Наиболее характерной чертой всех орудий являются опоясывающие их желобки. Они почти всегда выполнены в пунктирной технике, заглажены, так как служили для прикрепления орудий к рукоятям. Подобными орудиями с давних пор широко пользовались индейцы

¹⁸ Приношу глубокую благодарность В. М. Котович и В. Г. Котовичу, предоставившим возможность опубликовать эти находки.

¹⁹ В. И. Марковин. Археологические находки с территории Тарнаира (Дагестан). КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 120, 121, рис. 50, 3; Он же. Неолитическая стоянка близ Махачкалы. МАД I, Махачкала, 1959, стр. 28, рис. 5, 2 (в тексте опечатка — неверны размеры орудия).

²⁰ В. И. Марковин. Археологические находки..., стр. 120, 121, рис. 50, 2; Он же. Неолитическая стоянка..., стр. 28, рис. 5, 3 (в тексте опечатка — неверны размеры орудия).

²¹ М. И. Исаков. Археологические памятники Дагестана. МАД I, стр. 209, табл. 3, 18.

²² М. И. Исаков. Археологические памятники Дагестана. стр. 209, табл. 3, 18. У М. И. Исакова эта находка отнесена к сел. Великент, а № 48 — Берикей.

²³ Используется с любезного разрешения Р. М. Мунчаева.

²⁴ В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана, МАД, I, стр. 121, 124, табл. 1, 5.

²⁵ В. И. Марковин. Археологические находки..., стр. 120, 121, рис. 50, 1; Он же. Неолитическая стоянка..., стр. 28, рис. 5, 1.

²⁶ Используется с любезного разрешения В. Г. Котовича.

²⁷ Используется с любезного разрешения М. И. Пикуль.

Северной Америки. У них орудие к рукояти прикреплялось ремнями, при этом рукоять плотно пригонялась к одной из узких сторон орудия²⁸. Довольно сложные рукояти имели молоты и топоры эскимосов²⁹.

Среди северокавказских и дагестанских орудий с желобчатыми перехватами четко выделяются молоты-кувалды и топоры-молоты.

Молоты сделаны более грубо. Желобок опоясывает их большей частью посередине, что позволяло использовать при работе обе стороны орудия.

Среди молотов выделяются два отдельных типа.

1 тип — крупные и тяжелые орудия с плоскими или округлыми молоточными частями. Форма симметричная (рис. 1). Наиболее поздним из них представляется орудие из Куркужина удлиненной формы с тщательно врезанным желобком (рис. 1, 10, 11). Оно напоминает каменные молотки со сверлиной из могил скифского времени³⁰.

2 тип — уплощенные орудия небольших размеров. Снабжены неглубоким желобком на узкой стороне. Форма несимметричная (рис. 2).

Каково назначение орудий этих типов?

Находки крупных молотков, как правило, приурочены к рудным месторождениям, залежам кремня и других полезных минералов. Так, в пещере с выходом медных руд на горе Большой Карабек (река Марух) в 1910 и 1948 годах были найдены каменные молоты. Молоты с Пастуховой горы в Карачаево-Черкессии также найдены в древних штольнях³¹. Подобные орудия обнаружены и в штольнях Худесской группы месторождений³². Находки молотов известны с Дзансульского месторождения меди (Турция)³³. Я. И. Гуммель нашел десятки молотов на месте выходов кремня в Киллик-

Даге (Азербайджан)³⁴. Помимо того в Азербайджане они найдены на месторождениях соли³⁵. Все это позволяет сделать вывод, что массивные орудия с желобчатыми перехватами действительно служили молотами. Они применялись также при строительных работах для обработки камня. В ст. Красноалександровской при раскопках дольмена было найдено «три молотообразных камня». Они лежали возле передней плиты дольмена³⁶. У дольмена близ с. Солох-аул был также найден молот (описан за № 4).

Но молотами могли служить массивные, тяжелые орудия, а среди описанных имеются более мелкие и тщательно сделанные орудия. Можно согласиться с предположением Г. Чайлда, что это были боевые булавы³⁷. Таковы орудия, относящиеся ко II типу (рис. 2) и, возможно, некоторые первого типа (рис. 1, 9).

В музеях очень часто молотообразные орудия выставляются как грузила. Это неверно, грузила не требуют тщательной обработки, они мельче и, как правило, это гальки с небольшими закраинами³⁸.

Топоры-молоты более многочисленны. Сделаны тщательно: все неровности камня, особенно на лезвийной части, аккуратно сколоты пунктирными ударами. Такой своеобразной «ретушью» подправлен иногда и обух орудия. Желобки расположены ближе к обуху. Топоры-молоты можно разделить на следующие типы:

1 тип. Клиновидные орудия примитивных форм. Обработаны грубыми сколами. Желобки в виде небольших зарубок расположены по узким сторонам. Таковы топоры из Геленджика и могильника Гатынкале (рис. 3).

2 тип. Клиновидные топоры-молоты симметричной формы (рис. 4, 5). Лезвие и обух тщательно подправлены пунктирными удара-

²⁸ Paul S. Martin, George J. Quimby, Donald Collier. *Indians before Columbus* Chicago—Illinois, 1947, стр. 36. См. также: А. С. Уваров. *Археология России (каменный период)*, т. I, М., 1881, стр. 42.

²⁹ Генрих Шурц. *История первобытной культуры*. СПб, 1907—1908 г., стр. 370, 371.

³⁰ Е. И. Крупнов. *Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 году*. Ученые записки КНИИ, т. V, Нальчик, 1949, стр. 250, рис. 46.

³¹ В. А. Кузнецов. *Указ. соч.*, стр. 61—67.

³² В. М. Сысоев. *Древности по верхнему течению р. Кубани*, стр. 153.

³³ А. А. Иессен. *К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе*. Изв. ГАИМК, вып. 120, М—Д., 1935, стр. 37; Т. М. Минаева. *Следы древних работ...*, стр. 117.

³⁴ Я. И. Гуммель. *Археологическая разведка на Киллик-Даге*. «Известия Азербайджанского филиала», № 2, Баку, 1938, стр. 19 и сл.; «История Азербайджана», т. I, Баку, 1958.

³⁵ Н. С. Поляков. *Дневник археологических работ, веденных в Закавказском крае осенью 1879 г.* Протоколы подготовительного комитета V арх. съезда в Тифл., I, М., 1879, стр. 117; «История Азербайджана», стр. 5, 6, рис.

³⁶ Б. В. Лукин. *Археологические исследования на Черноморском побережье в 1923—24 гг.* Бюллетень Северо-Кавказск. бюро краеведения, № 3—4, Ростов на Дону, 1926, стр. 36.

³⁷ Гордон Чайлд. *Древнейший восток в свете новых раскопок*. М., 1956, стр. 73.

³⁸ См., например, Н. В. Хоштария. *Археологические исследования Уреки*. «Материалы по археологии Грузии и Кавказа», I, Тбилиси, 1955, стр. 25.

ми. Желобок опоясывает орудие или проходит с двух-трех сторон. Это наиболее распространенный тип топоров-молотов с желобчатыми перехватами. Наиболее примитивным из них и близким первому типу является один из топоров Тарнаира (рис. 4, 1).

3 тип. Узкие клиновидные топоры-молоты несимметричной формы. Желобок на одной узкой стороне и близко расположен к обуху.

для отделки изделий. Топоры этого типа напоминают эскимосские орудия из камня и кости, с помощью которых с большим мастерством выделывались различные предметы.

Таким образом, три первых типа топоров-молотов являлись рабочими орудиями. Другое дело топоры двух последних типов — едва ли они могли служить орудиями труда. Это явно боевое личное оружие. Топорик четвертого

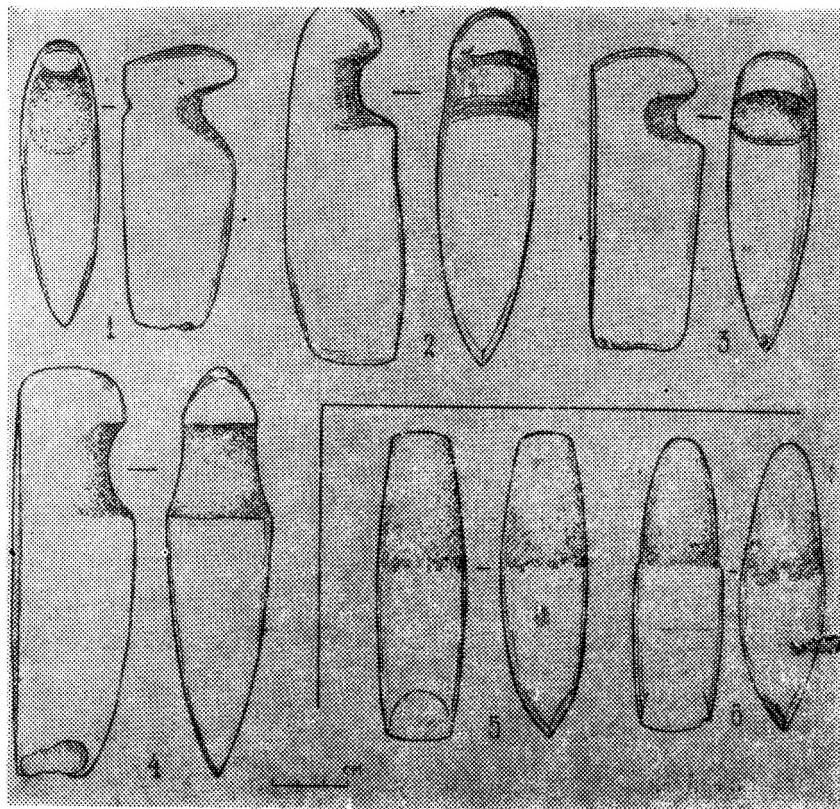

Рис. 6. Топоры (орудия 3 типа) и долота

1. г. Орджоникидзе (Северная Осетия); 2. Сел. Ольгинское (Северная Осетия); 3. Ст. Советская на р. Урул (Краснодарский край); 4. Гора Машук между Горячеводском и Пятигорском (Ставрополье); 5. Г. Железноводск (Ставрополье); 6. Пос. Константиновский (Ставрополье).

Другая узкая сторона тщательно заглажена (рис. 6, 1—4).

4 тип. Представлен одним предметом — топориком, напоминающим по форме каменные топоры со сверлиной. Это орудие описано за № 30 (рис. 7, 1).

5 тип также представлен одним орудием — топориком-клевцом, снабженным «зарубками». Описан за № 18 (рис. 8, 1).

Заостренные орудия первого типа могли служить не только топорами, но и для рыхления земли. Второй тип топоров служил, вероятно, для грубых работ по дереву, а третий — с тщательно отшлифованными лезвиями —

типа, хотя он и является пока единственной находкой, по форме близок сверленным топорам кабардино-пятигорского типа, их гладкому варианту³⁹ (рис. 7, 2). Описанный нами топор из Вольного аула имеет те же пропорции, полукруглую форму лезвия. Он является одним из прототипов «кабардино-пятигорских» топориков, широко распространенных в эпоху бронзы на территории всего Северного Кавказа.

Топорик пятого типа живо напоминает

³⁹ А. Аугрәпәә. Über die streitaxtkulturen in Russland. E. S. A. VIII. Helsinki, 1933, стр. 58, рис. 51, 52.

бронзовый топор-клевец из ст. Андрюковской, относящийся к эпохе бронзы (рис. 8, 2)⁴⁰, и еще более — железное оружие скифского

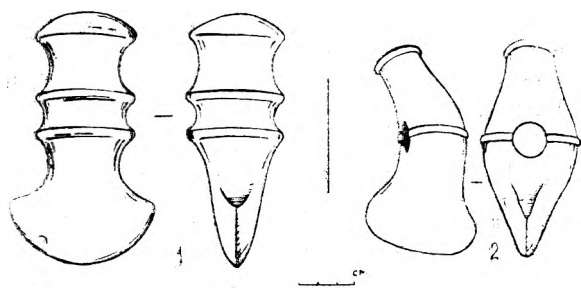

Рис. 7. Каменные топоры.

1. Вольный аул в Кабардино-Балкарии (топорик 4 типа);
2. Топорик Кабардино-Пятигорского типа из Дигории (Северная Осетия).

принадлежит Уманцу и относится к 1851 г.⁴² Затем в 1866 г. массивные молоты были обнаружены инженером фон-Кошкулем в Кульне (Армения), о чем в свое время сообщал Радде⁴³. Эти первые находки были собраны и изданы Э. Шантром⁴⁴. По поводу них делалась масса предложений. И. С. Поляков высказывал мысль, что найденные орудия принадлежат «народу, подобному Алтайской чуди»⁴⁵. Г. Вильке происхождение орудий с желобками связывал с Севером, откуда передвинувшееся население принесло их в Северную и Среднюю Германию, на Дунай и т. д.⁴⁶

В дальнейшем, когда увеличилось число находок описываемых орудий, интерес к ним незаслуженно пропал. Никто из отечественных археологов с конца XIX в. ими специально не занимался.

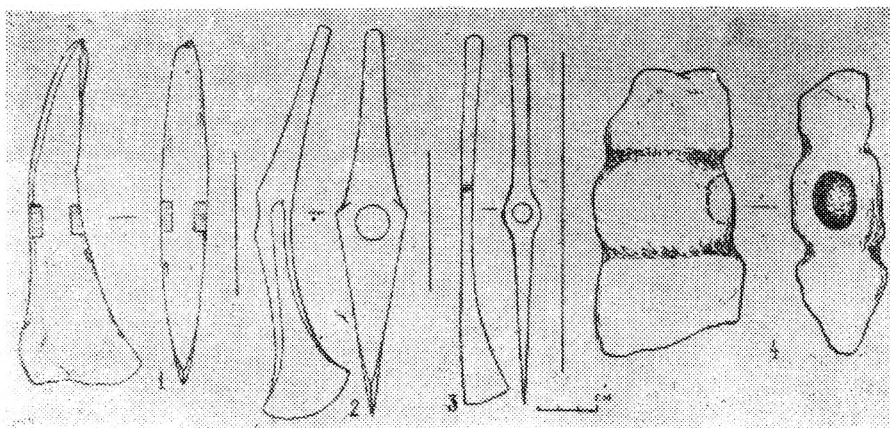

Рис. 8. Каменные и металлические топоры.

1. Каменный топорик 5 типа с Горячей горы близ Машука (Пятигорск, Ставрополье).
2. Бронзовый топор-клевец из ст. Андрюковской (Краснодарский край);
4. Железный топор-клевец из Лугового могильника (сел. Мужичи, Ингушетия);
5. Каменный топор из Гниловского городища (по А. А. Миллеру).

времени. Как на аналогию укажем на топор-клевец из Лугового могильника в Ингушетии (рис. 8, 3)⁴¹.

Попробуем выяснить ареал находок подобных орудий, хронологические рамки их распространения на Северном Кавказе, значение этих орудий для воссоздания древнего населения Северного Кавказа.

Первое печатное указание на находку подобных орудий в Нахичеване (Азербайджан)

В настоящее время орудия с желобчатыми перехватами известны не только из Армении,

⁴² Уманец. Аракс. Очерк местностей, по которым он протекает. «Кавказский календарь за 1851», стр. 36; Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. Изв. РГО, т. XX, вып. 4, СПб, 1884, стр. 361.

⁴³ Radde. Über die Völker und die vorhistorischen Alterthümer des Kaukasus und Transkaukasiens. Zeitschrift für Ethnologie. B. IV (Verhandlungen), Berlin, 1872, стр. 85—86; R. Virchow. Steinwerkzeuge auf Kaukasien. Zeitschrift, B. XIV, 1882, стр. 215—218.

⁴⁴ E. Chantre. Recherches anthropologiques dans le Caucase, t. I, Paris—Lyon, 1885, стр. 50, рис. 6, табл. II.

⁴⁵ И. С. Поляков. Указ. соч., стр. 214.

⁴⁶ G. Wilke. Archäologische Parallelen ans dem Kaukasus und den Unteren Donauländern. Zeitschrift, B. XXVI, 1904, стр. 73.

⁴⁰ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, 23, 1951, стр. 119, 120, рис. 55.

⁴¹ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 481, табл. XI, 5.

Азербайджана (они найдены в Килик-Даге и в энеолитических слоях Кюльтапа⁴⁷) и Грузии (район г. Сухуми и др. местонахождения⁴⁸), но и из стран Древнего Востока, Малой Азии. Находки их сделаны в центрально-черноземной полосе РСФСР, Поволжье, северных областях нашей страны (Карелии, Северном Урале), на западе — в памятниках унегицкой и другой культур⁴⁹, в Средней Азии, странах Дальнего Востока (Сахалина, Японии⁵⁰) и т. д.

Таким образом орудия с желобчатыми перехватами нельзя считать характерными только для Северного Кавказа. Эти орудия относятся к категории таких предметов, которые, отвечая потребностям человека, возникли в разных частях земли независимо от степени общения древних племен. Конечно, это не означает, что орудия, происходящие из разных частей земли (скажем из Сев. Америки и Кавказа) не имели бы своих особенностей. Так, среди описанных нами орудий немного молотков цилиндрической формы, а на Аляске они широко распространены в разных вариантах. На Кавказе мы почти не знаем образцов с перекрещивающимися желобками или с оградкой, а в Ираке (Тепе-Гиссар, Алишар) они найдены⁵¹. Четвертый и пятый типы топоров, хотя они и представлены пока отдельными образцами, связываются с местными орудиями более поздних эпох и, очевидно, в других районах не будут найдены.

Большие затруднения вызывает и датировка орудий с желобчатыми перехватами. Для того, чтобы попытаться решить этот вопрос, необходимо остановиться на некоторых из находок.

1. Обломок орудия с желобчатым пере-

⁴⁷ М. М. Гусейнов. Изучение каменного века в Азербайджане. Труды музея истории Азербайджана, т. II, Баку, 1957, стр. 69—74; Абибуллаев. Археологические раскопки в Кюльтепе. Баку, 1959, табл. 9 (на азерб. языке).

⁴⁸ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. II, Тбилиси, 1950, стр. 278, табл. 69, 3; М. И. Иващенко. Исследования архаических памятников материальной культуры в Абхазии. «Известия н.-исслед. инст. Кавказоведения», вып. 3, Тифлис, 1935, стр. 5.

⁴⁹ Ladislav Hájek. Yizni Cechy ve starsi době bronzove. Památku archeologicke. Cislo 1—2. Rocnik XLV. 1954, стр. 159, 184—189; Neil Gordon Munro. Prehistoria Yapan. Vokahama, 1908.

⁵⁰ М. В. Воробьев. Древняя Япония. М., 1958, стр. 29—30, 65, рис. XI, 8XII, 13; XXI, 6.

⁵¹ Erich F. Schmidt. Excavations at Tepe His-sar Damghan. Philadelphia, 1937, таб. LXIII, H2896; его же Anatolia Through the Ages. Chicago, Yllinois, 1931, стр. 94, рис. 140.

хватом был найден в неолитической мастерской на правом берегу р. Мзымта, у Казачьего брода (№ 2, рис. 4, 11). А. П. Красновым было собрано здесь более 200 мотыжек, 10 тесловидных орудий, отжимник, пластины и др. предметы. Наблюдения, проведенные С. Н. Замятниным⁵² и позже А. А. Формозовым⁵³, показали, что стоянки типа мзымтской предшествуют памятникам раннебронзового времени. А. А. Формозов склонен относить Мзымтскую стоянку «к последним столетиям IV тысячелетия—самому началу II тысячелетия до н. э.»⁵⁴. Возможно, находка интересующего нас орудия относится к этому времени.

2. Находки топоров с желобчатыми перехватами на территории Тарнаира (у горы Тарки-тау близ г. Махачкалы, рис. 4, 1, 2; 5, 12) приурочены к месту разновременных находок. Здесь были обнаружены остатки стоянки с прекрасным кремневым инвентарем: пирамидальными нуклеусами, концевыми скребками, скреблами, проколками, заготовкой тесловидного топорика и т. д. Основная масса кремневого инвентаря не вызывает сомнений в его неолитическом возрасте⁵⁵. Энеолитических материалов найдено не было. Возможно указанные молоты могут быть увязаны с наиболее поздним материалом стоянки, подобное мнение разделяет В. Г. Котович⁵⁶.

3. Находки А. Я. Гуммеля подобных орудий на Килик-Даге среди древних разработок кремня относили в основном к неолиту⁵⁷.

Эти данные могут быть дополнены некоторыми частными заключениями. Так, М. М. Гусейнов нахичеванские находки также склонен был относить к неолиту⁵⁸. В странах Востока находки орудий с желобчатыми перехватами

⁵² Абхазская экспедиция. КСИИМК, вып. 1, 1939, стр. 29.

⁵³ А. А. Формозов. О датировке неолитических стоянок Черноморского побережья Кавказа. КСИИМК, вып. 67. 1957, стр. 139.

⁵⁴ А. А. Формозов. Указ. соч., стр. 141.

⁵⁵ В. И. Марковин. Археологические находки с территории Тарнаира (Дагестан). стр. 117—122, рис. 49: 50, 1—6; В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет. «Ученые записки ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР», т. VIII. Махачкала, 1960, стр. 334.

⁵⁶ В. Г. Котович. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964, стр. 188.

⁵⁷ Н. Нариманов. Археологические памятники Гянджинского района. Баку, 1958, стр. 24—28 (на азербайджанском яз.); Он же. Археологические памятники Гянджачайского района Азербайджана (автореферат канд. диссертации). М., 1955, стр. 3.

⁵⁸ М. М. Гусейнов. Изучение каменного века в Азербайджане, стр. 73.

сделаны вместе с инвентарем неолитического вида⁵⁹.

Интересен и другой факт. Целая серия из описанных нами орудий напоминает по форме долотовидные орудия неолитического типа (рис. 6, 5, 6), но только снабженные закраинами (рис. 6, 1—4).

Сейчас, когда в Дагестане (Гинчи) и Закавказье найдены памятники, предшествующие куро-аракской культуре⁶⁰, описанный нами «неолитический» материал можно смело отнести к энеолиту. Однако можно думать, что первые орудия с желобчатыми перехватами появляются в эпоху неолита (вероятно, в позднюю пору неолита).

В эпоху ранней бронзы (III тыс. до н. э.) такие орудия получают широкое распространение. Бесспорно подобными находками являются следующие: топоры-молоты из Мекеги (рис. 5, 1), нижнего слоя Великентского поселения (находки Р. М. Мунчаева и В. Г. Котовича, рис. 4, 3; 5, 15) и орудия, найденные в Долинском поселении у г. Нальчика (рис. 4, 6, 7).

Как известно, Великентское поселение относится к памятникам куро-аракской культуры. Оно было обитаемо в период, когда жизнь на известном Каякентском поселении уже затухала⁶¹, а Каякентское поселение датируется второй половиной III тыс. до н. э. (его последними веками)⁶². Более ранней находкой надо считать орудие из Мекеги. Поселение, на котором оно было найдено, В. Г. Котович относит к середине III тыс. до н. э.⁶³ Одно из орудий Долинского поселения (рис. 5, 7) было найдено в нижнем слое раскопа I⁶⁴. Этот слой может быть отнесен к позднему этапу названной культуры — концу III тыс. до н. э. — времени перехода к эпохе бронзы⁶⁵. К этому же времени, вероятно относится и находка

(рис. 4, 4), сделанная в жилище I на поселении в Серженюрте. Б. А. Куфтин считал энеолитическими находки топоров подобного типа из Сухуми⁶⁶.

Почти все орудия эпохи ранней бронзы представляют собой топоры удлинненных пропорций, сделанные с большим мастерством. Вероятно, в этот период такие топоры-молоты получают наибольшее распространение и большинство из найденных предметов может быть отнесено к этому времени. Таковы топоры из Ачикулака, с. Надежда, Нальчика и др. мест (рис. 4, 11—13; 5, 13, 14, 16—18). К энеолитической эпохе мы склонны относить и топорик из с. Вольный Аул — прототип гладких боевых топорилов кабардино-пятигорского типа эпохи бронзы (рис. 7, 1).

М. Е. Фосс, много сделавшая для развития отечественной археологии, связывала с эпохой возникновения металлургии появление выемок в кремневых стрелах и перехватах на орудиях⁶⁷. И если ее наблюдение в основном верно для Северных областей нашей страны, то на Кавказе ко времени появления металлургии могут быть приурочены находки молотов и лишь некоторые из топоров с перехватами. В этот период, с появлением в большом количестве нового материала — металла, топоры и «булавы» с перехватами являются уже пережитками — они исчезают. Каменные полированные топорики и булавы различных форм — **со сверльной** в эпоху бронзы служат личным оружием и для работы не употребляются. Зато крупные молоты, наоборот, оставались незаменимым орудием древних горняков-металлургов. К эпохе развитой бронзы могут быть отнесены находки молотов из Худесского рудника и горы Карабек (рис. 1, 4, 5, 7, 8). Кинжалом эпохи бронзы документируются находки молотов на Пастуховой горе в Карачаево-Черкессии.

Для грубых работ в эпоху бронзы употреблялись и топоры, сделанные из приостренного обломка камня с закраинами. Таков топор (он мог служить и мотыгой) из кургана 2 (3-ей курганной группы) Толстого мыса Геленджикской бухты (рис. 3, 1). Это орудие было найдено в сопровождении керамики эпохи бронзы. Черные и красные тщательно сглаженные фрагменты орнаментированы вырезами, углами. Контур узоров мягкий, зало-

⁵⁹ Leonard Woolley. The Early Periods. (Ur Excavations, vol. IV), Philadelphia, 1952, таб. 13.

⁶⁰ А. А. Иессен. Кавказ и Древний Восток. КСИА, вып. 93, М.—Л., 1963; М. Г. Гаджиев. Новые данные о южных связях Дагестана в IV—III тыс. до н. э. КСИА, вып. 108, М., 1966; К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили. Древние культуры Южного Кавказа, М., 1970 (в этой работе дана библиография).

⁶¹ В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана, МАД I, стр. 132.

⁶² Р. М. Мунчаев. Каякентское поселение и проблема кавказского энеолита. СА, XXIII, 1955, стр. 16.

⁶³ История Дагестана. Т I, М., 1967, стр. 42—44.

⁶⁴ А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика, стр. 153.

⁶⁵ Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды, М., 1957, стр. 66.

⁶⁶ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. II, Тбилиси, 1950, стр. 278 и сл.

⁶⁷ М. Е. Фосс. Стоянка на оз. Лача у устья р. Кинемы. КСИИМК, 14, 1947, стр. 18.

ценный. Среди находок имеются также кремневый вкладыш и пастовые бусы. Керамика кургана 2 и по технике лепки и по форме (небольшие сосуды с уплощенным дном) напоминают находки из дольмена, расположенного у пос. Красная поляна⁶⁸. Дольмен и находки у Геленджикской бухты, сделанные И. И. Ахановым⁶⁹, можно датировать по аналогии с материалом северокавказской культуры, первой половиной II тыс. до н. э.⁷⁰

Таким же по типу и возрасту является и орудие из могилы 18 могильника Гатынкале в Чечне (рис. 3, 2).

Таков материал, относящийся к ранней поре эпохи бронзы.

Каменный топор-клевец (рис. 8, 1), напоминающий орудия из бронзы и железа, не может считаться их прототипом. Это скорее всего довольно позднее подражание металлическим образцам в камне — он выпадает из ряда последовательного развития орудий с перехватами. Думаю, что его можно отнести к началу I тыс. до н. э.

Можно предложить такую предварительную датировку для отдельных из описанных предметов (см. таблицу).

Таким образом, мы рассмотрели целую серию своеобразных орудий с желобчатыми перехватами, служившими для привязывания их к рукояти. Как показывает наш обзор, они появляются, вероятно, в эпоху позднего неолита и не внезапно, а закономерно развиваются из плоских и округлых подшлифованных топоров и долот неолитического типа. Несомненно, определенное время плоские тесла, долота и орудия с перехватами сосуществуют, постепенно вытесняя первые. Творческая мысль древнего человека, нащупав новый прием в создании инструментов, развивается. В эпоху энеолита орудия с перехватами приобретают наиболее совершенные и удобные для работы формы. Но человек не останавливается на этом. А. С. Уваров очень справедливо замечает, что дальнейшее усовершенствование орудий с желобами-перехватами приво-

дит к их сверлению⁷¹. Очень показательно в этом отношении орудие (топор-молот) с территории Гниловского городища в Приазовье. Это орудие имеет и небольшую сверлину — упор для рукояти и желобки для привязывания орудия к ней (рис. 9)⁷². Отметим также топорик из сел. Брагуны (Чечено-Ингушетия). Он имеет клиновидную форму, и наряду с просверленным отверстием, опоясан тремя желобками⁷³. Близкое орудие найдено И. И. Артеменко в кургане у с. Ходосовичи в Белоруссии⁷⁴. Вероятно, поиски способов прочного прикрепления рукояти к орудию и привело к сверлению орудий. Несомненно оба типа орудий (с желобками и сверлением) какое-то время сосуществуют. Такова хотя бы находка В. Г. Котовича в Великенте: в гончарном горне эпохи ранней бронзы им были найдены описанный нами топор с перехватами (рис. 5, 15) и очень простой топор со сверлиной⁷⁵. Несомненно, полное овладение методами сверления камня произошло именно в эпоху энеолита.

В эпоху развитой бронзы каменные топоры с перехватами употребляются мало, их заменяют топоры, тесла и долота из металла и лишь каменные молоты продолжают применяться в горнорудном деле. Очевидно, к эпохе бронзы относится основная часть молотов (но не топоров) с перехватами. Эти орудия в горнорудном деле могли употребляться и в период освоения железа.

Наибольшее число находок орудий с желобами-перехватами приходится на Дагестан и Центральный Кавказ с Пятигорьем. Это не случайно. В Кабардино-Пятигорье были широко распространены своеобразные сверленные топоры, которым А. Европеус дал название топоров «пятигорского типа», а Е. И. Крупнов предложил более верное их наименование «кабардино-пятигорские» топоры. Здесь и надо искать их прототипы. Один из таких топоров уже найден (рис. 7, 1). Находка этого предмета, а также целая серия описанных нами орудий указывает на непрерывность культур-

⁷¹ А. С. Уваров. Археология России, I, стр. 273.

⁷² А. А. Миллер. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924 и 1925 гг. Сообщения ГАИМК, I, Л., 1926, стр. 138, рис. 33.

⁷³ В. Б. Виноградов, В. И. Марковин. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966, стр. 107 (№ 586), табл. 1, 2.

⁷⁴ И. И. Артеменко. Племена верхнего и среднего Поднепровья в эпоху бронзы. МИА 148, М., 1967, стр. 48, рис. 33, 4.

⁷⁵ В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана, стр. 122, 124, табл. 1, 5, 7.

⁶⁸ А. Н. Мелихов. Памятники эпохи бронзы в Красной поляне. «Материалы по археологии Северного Причерноморья», вып. I, Одесса, 1957, стр. 43, 44, табл. 1. Материал хранится в музее г. Сочи, № 2972.

⁶⁹ Материал в музее г. Геленджика.

⁷⁰ В. И. Марковин. О границах и локальных вариантах культуры племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. «Ученые записки КБ НИИ», т. XVI, Нальчик, 1959, стр. 174, 175, 194, рис. 1, 1—4; Он же. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.). МИА 93, М., 1960, стр. 38—46, рис. 9, 14, 48.

ного развития древнего населения Кабардино-Пятигорья от эпохи неолита-энеолита и до эпохи железа (включая кобанскую культуру). Такой же процесс устанавливается и для Дагестана, лишь в Прикубанье, с проникновением племен катакомбной культуры, непрерывность развития местных племен несколько на-

рушается. Это прослеживается как в формах керамики, так и по отдельным категориям металлических предметов.

Необходимость и перспективность историко-археологического изучения массовых находок отдельных предметов — несомненна.

Таблица

Примерная датировка каменных орудий с перехватами (цифры в колонках означают номера списка орудий).

	Прикубанье	Ставрополье	Кабардино-Балкария	Северная Осетия	Дагестан	Чечено-Ингушетия	Примечание
Раннее железо		№ 18 (рис. 8. 1)					
Эпоха развитой бронзы	№ 1 (рис. 3, 1)	№№ 9—11 (рис. 5, 7, 8) № 8 (рис. 1, 4) № 7 (рис. 1, 6)	№ 33 (рис. 6, 11)		№ 45 (рис. 4, 8) № 43 (рис. 1, 2)	№ 39 (рис. 3, 2)	
Эпоха ранней бронзы	№ 3 (рис. 5, 2) № 6 (рис. 6, 3) № 4 (рис. 4, 14)	№ 17 (рис. 6, 4) № 16 (рис. 5, 19) № 15 (рис. 4, 13) № 14 (рис. 5, 3) № 13 (рис. 1, 10) № 12 (рис. 1, 9)	№№ 31—32 (рис. 2, 1, 2) № 30 (рис. 7, 1) № 27 (рис. 5, 13) № 25, 26 (рис. 4, 6, 10) №№ 20—24 (рис. 5, 4—6, 11) № 19 (рис. 1, 3)	№ 38 (рис. 6, 2) № 36 (рис. 4, 15) № 35 (рис. 6, 1)	№ 55 (рис. 4, 7) № 50 (рис. 4, 3) № 54 (рис. 5, 1) № 51 (рис. 5, 16) № 49 (рис. 5, 17) № 48 (рис. 5, 8)	№ 42 (рис. 5, 18) № 41 (рис. 5, 15) № 40 (рис. 4, 4)	№ 4 из Прикубанья. скорее энеолитический; Л. Н. Соловьев относит его к развитой бронзе. №№ 31—32 — булавы. №№ 19, 22, 23 — из КБАССР — могли быть булавами.
Энеолит (возможно, очень поздняя пора неолита)	№ 2 (рис. 4, 11)		№ 29 (рис. 4, 12)	№ 34 (рис. 1, 1) № 37 (рис. 5, 9)	№ 46 (рис. 4, 1) № 47 (рис. 4, 2) № 52 (рис. 5, 7) № 53 (рис. 5, 12)		

ДРЕВНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ АРЕАЛЫ ДИКИХ КОПЫТНЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ДАГЕСТАНА

В настоящее время весьма остро стоит вопрос об охране диких животных и создании элементарно необходимых условий для их существования. И, конечно, более всего это касается крупных животных, в первую очередь копытных.

Территория Дагестана по количеству обитающих здесь видов диких копытных является одним из богатейших районов Советского Союза. Однако несмотря на благоприятные природные условия ареалы их с каждым годом изменяются и сужаются. Изучение площадей обитания копытных в далеком прошлом и сопоставление их с современными имеет не только научный, но и несомненный практический интерес. Оно позволит выявить определенный комплекс причин, лежащих в основе сужения известных с глубокой древности ареалов ценных животных и, тем самым, подсказать пути их устранения.

Археологическое изучение древнейших бытовых памятников на территории Дагестана дало в руки ученых обильный остеологический материал, позволяющий составить представление о местной фауне, по крайней мере, с конца верхнепалеолитического времени (XV—X тысячелетия до н. э.).

Особый интерес для нашей темы представляет остеологический комплекс Чохской мезолитической стоянки, характеризующий животный мир горного Дагестана конца плейстоцена — начала голоцена¹. Здесь встречено много костей мелкого муфлонообразного барана (*Ovis sp. cf. Gmelini*), дикого барана или козла (*Ovis* или *Capra*), благородного оленя (*Cervus elaphus*), зубра (*Bison bonasus*), безоарового козла или кавказского тура (*Capra sp. cf. aegagrus* или *C. cylindricornis*), кабана (*Sus*

scrofa), лошади (*Equus caballus* L.). Аналогичную картину представляют остеологические материалы и других мезолитических стоянок. Так, на стоянках Козьма-нохо (Гунибский р-н) и Мекеги (Левашинский р-н) преобладают кости диких козлов и баранов (*Caprovinae*).

Состав дагестанской фауны этого времени показывает, что представленные в ней виды копытных животных были обитателями различных ландшафтных поясов. Наряду с животными, державшимися высокогорных труднодоступных пастбищ — баранами и некоторыми видами козлов, здесь водились такие обитатели леса и степи, как благородный олень, зубр и лошадь. Приведенные данные свидетельствуют, что известный нам видовой состав верхнеплейстоценовой фауны Дагестана, за исключением муфлонообразного барана, дикой лошади и зубра сохранился до нашего времени². Такая преемственность служит весьма убедительным доказательством эволюционного развития животного мира данной области, происходившего без резких катастрофических разрывов.

К сожалению, мы не располагаем пока остеологическим материалом из памятников неолитического времени. Однако на одной из самых ранних (среди известных сейчас в Дагестане) групп наскальных изображений, датруемых этим временем, зафиксировано изображение оленей и безоаровых козлов в глубине гор Салатавского хребта (окрестности сел. Чирката, Гумбетовский р-н). А остеологический материал Гинчинского поселения, характеризующего материальную культуру дагестанских племен в IV тысячелетии до н. э., показывает, что население Гидатлинской долины, находящейся далеко в глубине гор, на высоте около 2500 м. (Советский р-н), охоти-

¹ Н. К. Верещагин. Млекопитающие Кавказа. М.—Л., 1959, стр. 366—377; В. Г. Котович. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964, стр. 32—33.

² Н. Я. Динник. Звери Кавказа. ч. 1, ЗКОРГО, кн. XXVII, вып. 1. Тифлис, 1910.

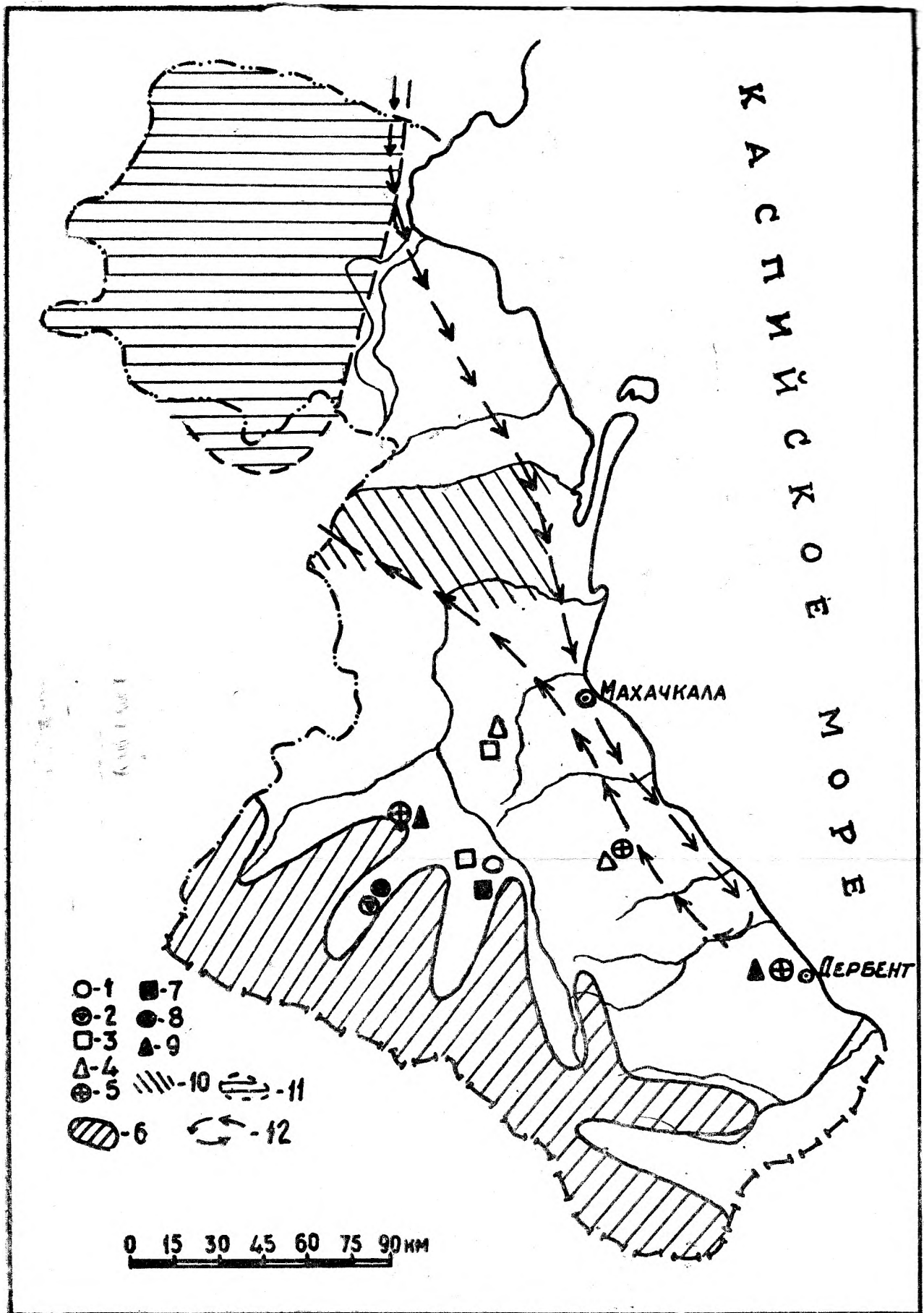

Рис. 1. Карта I. Ареал расселения дагестанского тура, лося, тарпана и кулана: 1—6—тур, 7—9, 11—тарпан (1,7—в XV—VII тысячелетиях до н. э. — верхний палеолит — мезолит. Стоянка Чох; 2, 8—в V—IV тысячелетиях до н. э. Поселение Гинчи; 3—в III—II тысячелетиях до н. э. Верхний Гуниб, Капчугай; 4—в I тысячелетии до н. э. Поселение Аркас; 5—9—в III тысячелетии до н. э. Поселения Чинна, Мекеги, тарпан — только у сел. Мекеги; 6—современный ареал тура; 11—ареал тарпана; в XVIII в.); 10—ареал лося; 12—ареал кулана в XVII—XVIII вв.

лось в то время на зубров, оленей, диких баранов, диких козлов, джейранов, серн, туров, кабанов и диких лошадей³.

Наиболее хорошо изученные в Дагестане памятники III—II тысячелетий до н. э. свидетельствуют, что и тогда здесь обитали стада тех же животных, которые были известны и в предшествующие исторические периоды.

Интересный материал для суждений по этому вопросу был получен в результате изучения поселений III тысячелетия до н. э. у сел. Великент, Мекеги и Чинна. Этот материал тем более ценен, что он характеризует различные естественно-географические зоны Дагестана этого времени — высокогорное плато, предгорья и равнинный приморский район. В остеологическом комплексе высокогорного поселения Чинна обнаружены кости зубра, оленя, тура, серны, джейрана, безоарового козла, диких овец и коз⁴. При раскопках Мекегинского поселения, находящегося в глубине предгорий, встречены кости оленя, дикой лошади, серны, тура и др. диких коз. Близкую картину показывают и остеологические материалы Великентского поселения, лежащего в приморской равнине. Среди них определены кости оленя, дикой лошади, кабана, сайги и др. диких коз.

Нетрудно заметить, что ареал таких животных, как олень, тур, серна и др. дикие козы был в III тысячелетии довольно широк и охватывал высокогорные и предгорные районы. Олени спускались и на приморскую равнину, а дикая лошадь (тарпан) обитала как в предгорьях, так и на равнине (рис. 1, карта I).

Богатейшие остеологические материалы высокогорного Верхнегунибского поселения (рубеж III—II-го тысячелетий до н. э.) убедительно доказывают, что охота на оленей, зубров, различные виды диких баранов и козлов играла немаловажную роль в обеспечении населения мясной пищей. В этой связи небезынтересно отметить, что материалы Верхнегунибского поселения беспристрастно документируют полное истребление некоторых видов копытных на таком сравнительно небольшом и изолированном в геоморфологическом отношении участке территории, каким является Верхнегунибское плато, на протяжении 6—7 столетий существования древнего поселения.

³ К. Н. Золотов. О животноводстве в древнем Дагестане. Труды Дагсельхозинститута, т. 18, Махачкала, 1968, стр. 240—241.

⁴ Пользуемся случаем выразить свою признательность К. Н. Золотову за видовое определение костей животных и М. Г. Гаджиеву за предоставленную возможность использовать неопубликованный материал.

Уже к концу II тысячелетия до н. э. здесь оказались совершенно истребленными олени, зубры, серны и муфлонообразные овцы.

При изучении древних наскальных изображений этого времени обращает на себя внимание такое характерное явление, как полное исчезновение из их тематики рисунков зубров к концу II тысячелетия до н. э. А ведь великолепные рисованные изображения зубров были довольно широко распространены в предшествующее время, особенно в горных районах Дагестана. Известны рисунки, не только натуралистически передающие облик животных, но и изображающие сцены охоты на них. Встречены и такие рисунки, на которых орудия охоты — лук со стрелой, помещены рядом с животным (рис. 2, 1). На некоторых же рисунках запечатлен момент, когда стрела пронзает тело животного. Очевидно, появление этих рисунков было связано с определенными магическими обрядами и предназначалось для обеспечения успеха в охоте. Такие рисунки обнаружены в окрестностях селений Согратль и Ругуджа (Гунибский р-н), резное изображение крупного тура или зубра известно и среди Капчугайских наскальных рисунков, неподалеку от Махачкалы⁵.

О чем, как не о постепенном уничтожении зубров в результате интенсивной промысловой охоты свидетельствуют подобные факты? А ведь еще в III—II тысячелетиях до н. э. больше стада этих животных можно было встретить и в горных, и в предгорных, и в равнинных районах Дагестана.

Заслуживает быть особо отмеченным факт почти полного совпадения основных видов диких животных, представленных в остеологических комплексах бытовых памятников III—II тысячелетий до н. э., с теми из них, которые изображены на древних наскальных рисунках, выявленных на территории Дагестана. Как известно, одним из излюбленных сюжетов этих изображений являются сцены охоты на оленей, туров, козлов, баранов и других животных. Остеологические данные свидетельствуют о некотором возрастании значения охоты к концу указанного периода. Особенно ярко это положение иллюстрируют материалы Верхнегунибского поселения, из которых видно, что если на рубеже III—II тысячелетий до н. э. кости диких животных составляли 4,67% от общего

⁵ В. И. Марков и н. Археологические памятники в районе с. Капчугай Дагестанской АССР. СА, XX, М., 1954, стр. 338; В. М. Котович. Изучение древних рисованных наскальных изображений в горном Дагестане. АО 1970, М., 1971, стр. 97—98.

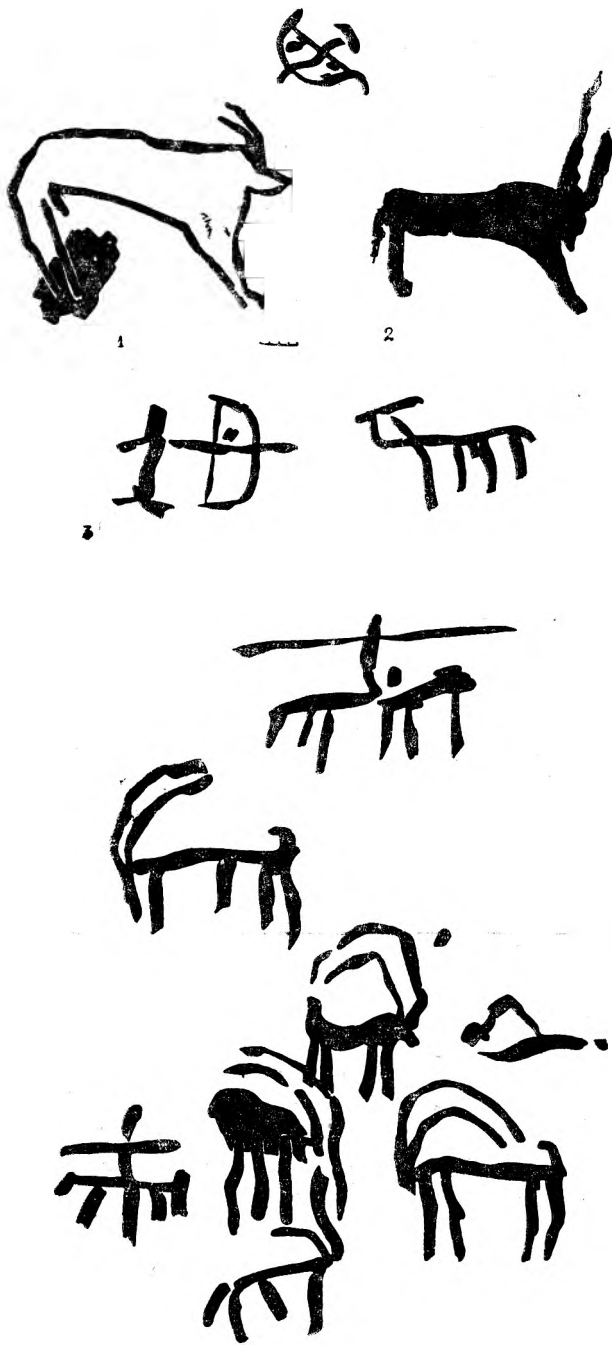

Рис. 2. Наскальные изображения (краска):
1, 2 — зубры, 3 — сцена охоты, 4 — группа жи-
вотных.
(1, 2 — Гунибский р-н, 3, 4 — Лакский р-н).

количества костей, то к концу II тысячелетия до н. э. они достигли уже 9,58%⁶. Очевидно в Дагестане, так же, как и в Закавказье⁷ на позднем этапе бронзового века имела место тенденция к некоторому увеличению роли охоты в хозяйственной деятельности населения.

В конце II—I тысячелетий до н. э. охота продолжала занимать видное место в хозяйстве горцев. В остеологических материалах памятников этого времени довольно значительна доля костей диких животных, среди которых преобладают кости кабанов, безоаровых козлов, дикой лошади, оленей и кулана⁸.

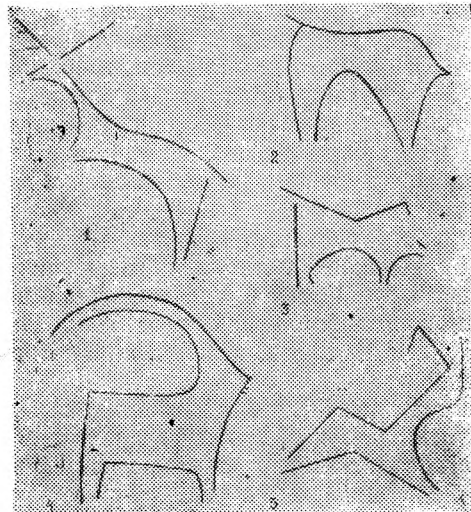

Рис. 3. Наскальные изображения (гравировка):
1 — олень (сел. Капчугай); 2, 3 — кабаны (г. Буйнакс, сел. Капчугай); 4 — безоаровый козел (г. Буйнакс); 5 — серна (Капчугай).

Поселения и могильники, давшие такой материал, расположены не только в горных районах республики (Советский, Чародинский, Докузпаринский, Гунибский), но и в равнинных (Каякентский, Кизилюртовский и др.). Богатейшие иллюстрации к остеологическому материалу этих памятников представлены в многочисленных группах наскальных изображений близ селений Кара и Варай (Лакский р-н), Трисанчи и Санжи (Дахадаевский р-н), Буглен, Манас-аул, Казанище и у г. Буй-

⁶ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1965, стр. 222.

⁷ Б. Б. Пиотровский. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. СА, XXIII, 1955, стр. 9.

⁸ К. Н. Золотов. Роль охоты и животноводства в хозяйственной жизни населения Дагестана в древности. МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 288—290.

накса (Буйнакский р-н), близ селений Капчугай, Ленинкент, Кумторкала, Уйташ (Ленинский р-н), т. е. также в горных, предгорных и равнинных районах. Очень многочисленные и выразительные сцены охоты на безоаровых козлов представлены, например, на Каринских наскальных изображениях. Здесь мы видим и группы всадников, окружающих и преследующих стада животных, и одинокого охотника, который, опершись на колено и напряженно натянув тетиву огромного лука, целится в пасущегося неподалеку козла.

Некоторым местонахождениям древних наскальных изображений сопутствуют культурные слои с костными остатками и керамикой. В большинстве случаев собранный там керамический материал может быть датирован концом II — самым началом I тысячелетия до н. э. К этому же времени относятся многие группы древних рисунков, особенно в предгорных и равнинных районах⁹.

Как в рисованных, так и в резных наскальных изображениях этого времени заметное место занимают сцены охоты на оленей, серн, туров, кабанов, безоаровых козлов, хищников (рис. 1, 1, 3). Трудности охоты на крупных копытных животных породили различные магические обряды, в том числе и ритуальное рисование. Рисунки на скалах обычно выполнены очень живо и реалистично, животные легко узнаются, т. к. древние художники умело подчеркивали характерные детали их экстерьера (рис. 2, 2). В этой связи интересно отметить, что многие группы древних наскальных изображений расположены поблизости от небольших рек, ручьев, источников, т. е. от мест естественных водопоев животных, там где особенно хорошо можно было их наблюдать.

Рассматривая наскальные изображения предгорных районов Дагестана, нельзя не обратить внимания на тот факт, что еще в начале I тысячелетия до н. э. здесь обитали те виды копытных, которые ныне почти не сохранились. Археологические данные, особенно охотничьи сцены в наскальных изображениях, позволяют понять, что причиной исчезновения этих животных послужила интенсивная охота.

Вообще нужно отметить, что охоту, как довольно значительное подспорье в хозяйственной деятельности населения Дагестана, можно констатировать для всех периодов его истории, вплоть до средневековья. Даже при раскопках

таких крупных средневековых дагестанских городов, как Урцеки и Аркас, было определено, что 17—19% остеологического материала здесь составляют кости диких животных¹⁰. Особенно много было найдено костей оленей и кабанов. Правда, нельзя не обратить внимания на то, что подобное соотношение остеологического материала характерно, как правило, для цитаделей, где проживала городская знать. Можно думать, что охота на этих животных была одним из излюбленных занятий местных феодалов.

Заметное сужение и изменение ареалов диких копытных в средневековый период определяется многими причинами, среди которых не последнее место занимали распашка больших земельных площадей, вырубка лесов и интенсивная охота. В результате этого количество диких животных и в первую очередь крупных копытных катастрофически сокращалось. Многие из них, такие, например, как тур, серна, безоаровый козел мигрировали в высокогорные районы.

Таким образом, опираясь на приведенный выше археологический материал, добытый как при раскопках памятников материальной культуры ранних периодов человеческой истории, так и при изучении древних наскальных изображений, можно составить довольно ясное представление об ареалах диких копытных на территории Дагестана в древности.

Стада зубров, например, обитали в высокогорных районах Дагестана — Гунибском, Хунзахском, Советском в продолжение длительного времени, зафиксированного нашими источниками с XV тысячелетия до н. э. Они были, очевидно, столь многочисленны, а охота на них играла все это время такую заметную роль в жизни древних горцев, что следы ее мы находили не только в остеологических материалах раскопанных памятников того времени, но и в многочисленных наскальных изображениях, где они отражают уже определенный, сложившийся круг идеологических представлений и ритуальных действий, связанных с охотничьей магией. Однако интенсивная охота привела к тому печальному факту, что к концу II тысячелетия до н. э. зубры практически были здесь выбиты и уже ни костей их, ни изображений мы не встречаем в памятниках последующего времени.

Широкий ареал, включающий и высокогорные (Гунибский, Советский, Хунзахский),

⁹ В. И. Марковин. Древние изображения на скалах в районе г. Буйнакса. МАД, т. II, Махачкала, 1961.

¹⁰ К. Н. Золотов. О животноводстве в древнем Дагестане, стр. 243.

и предгорные (Левашинский), и приморские (Дербентский) районы имели в древности в Дагестане и дикие лошади, кости которых встречаются в остеологических материалах раскопанных памятников (рис. 1, карта 1).

Особенно обширен был в древности ареал оленя, который с неолитического времени охватывал все естественно-географические зоны Дагестана. Однако к рубежу I тысячелетия до н. э. — I тысячелетия н. э. он заметно сузился до района предгорий и приморской равнины. Значительный процент костей оленя в остеологических материалах раскопанных памятников не оставляет сомнений в том, что основной причиной сокращения поголовья и сужения ареала этих ценных животных была интенсивная охота. Вместе с тем, такое медленное, но неуклонное сужение площадей обитания оленей за счет высокогорных районов, по-видимому, свидетельствует и о некотором изменении экологических условий и связанном с ними процессе обезлесения гор, немалую роль в котором, кстати, сыграла и активная хозяйственная деятельность человека.

Нельзя не отметить значительный ареал, занимаемый в древности дагестанским туром. Тогда стада этих животных паслись во всех горных районах и предгорьях. Еще во второй половине I тысячелетия н. э. тур обитал в предгорьях центрального и северо-западного Дагестана, о чем свидетельствуют кости его, — находимые в остеологических комплексах таких средневековых памятников, как Урцеки и Аркас. Однако к нашему времени ареал тура сузился до пределов склонов и отрогов Главного Кавказа и немалую роль в сохранении этого животного играет сейчас категорическое запрещение охоты на него.

Несравненно более широкую территорию обитания занимали в древности и такие виды копытных, как джейран и серна. Тогда они спускались не только в предгорья (Мекеги, Аркас), но и до границ приморской равнины (Капчугай, Урцеки). Такое положение нередко отмечалось еще в конце I тысячелетия н. э. За последнее же тысячелетие ареал серны сократился до размеров узкой полосы вдоль северных склонов Главного Кавказа, а джейран сохранился только в Закавказье.

Пожалуй, лишь ареалы таких копытных, как безоаровый козел и кабан, не подверглись существенным изменениям с глубокой древности и вплоть до настоящего времени (рис. 4, карта 2). И хотя поголовье их вследствие интенсивной охоты значительно сократилось, они по-прежнему занимают свои привычные ар-

лы: безоаровые козлы — центральные районы горного Дагестана, а кабаны — практически все его естественно-географические зоны от лесистых горных хребтов и до Сулакско-Терских плавней.

Подводя итоги всему сказанному о древних ареалах диких копытных в Дагестане, нельзя не упомянуть и о таком событии уже нового времени, как Кавказская война, в немалой степени способствовавшем сокращению диких животных. Весь Дагестан в те годы был заново прорезан сетью дорог, систематически уничтожались большие массивы лесов, что приводило к эрозии почвенного покрова и сокращению пастбищ. В уничтожении поголовья диких животных в это время большую роль сыграла и возросшая охотничья активность, вызванная необходимостью обеспечения мясной пищей большого скопления войск. Охота же была и любимым видом развлечения офицерской молодежи. Кстати, описанию такой охоты в дагестанских предгорьях времен Кавказской войны посвящены многие чудесные страницы повести Л. Толстого «Казачьи».

Таковы факты прошлого. Теперь обратимся к современным. Попробуем наметить современные ареалы диких копытных по отдельным видам. Такие животные, как кавказский зубр и лось, совершенно исчезли в начале XVIII века, дикие ослы (куланы) перестали встречаться в начале, а тарпаны — в конце прошлого столетия.

Однако в Дагестане сохранились кабан, козуля, кавказский олень, сайгак, серна, безоаровый козел, дагестанский тур.

Кавказский кабан — *Sus scrofa attila* Thomas (1912) распространен здесь широко. Он обитает в тростниково-камышовых зарослях, плавнях и заболоченных местах по поймам рек — Сулака, Терека, Акташа, вдоль Аграханского залива, а также в кустарниковой и лесной зоне предгорий и в лесах передовых горных хребтов. В горах преобладает более темная, очень подвижная разновидность кабана с массивной грудью¹¹, а в равнинной зоне — светлоокрашенная и более миролюбивая.

Для кабанов характерны сезонные миграции. Так, зимой они перекочевывают на южные склоны гор, где теплее, а в летние месяцы — на северные. По мере созревания диких фруктов кабаны перекочевывают на довольно большие расстояния, совершая опустошительные набеги на сады и кукурузные поля.

Материалы госохотинспекции при Совете

¹¹ Н. Я. Динник. Звери Кавказа, стр. 269.

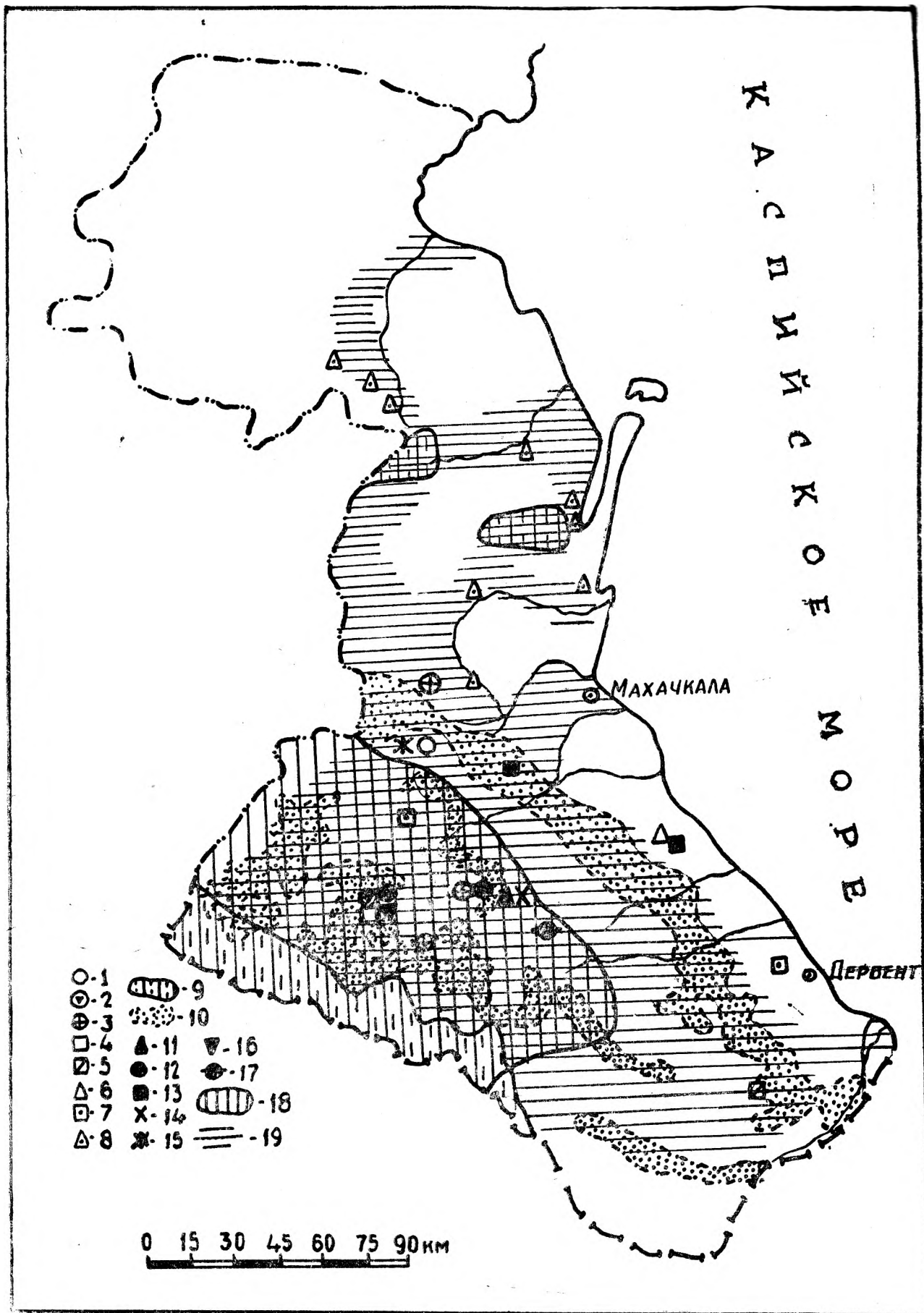

Рис. 4, карта 2. Ареалы расселения козули и оленя, безоарового козла и кабана: 1—10 — олень и козуля; 11—13, 18 — кабан; 14—17, 19 — безоаровый козел (1, 15 — в IV—V тысячелетиях до н. э. Харитани, Чирката; 2, 12, 16 — в V—IV тысячелетиях до н. э. Поселение Гинчи; 3, 17 — в III—II тысячелетиях до н. э. Олень и козуля — поселения Верхний Гуниб, Тад-Шоб, Кучраб, безоаровый козел — Верхний Гуниб; 4 — во II тысячелетии до н. э. — могильник Гинчи; 5 — в I тысячелетии до н. э. — могильник Шаракун; 6, 13 — в I тысячелетии н. э. Урцки, Аркас; 7, 14 — в III тысячелетии до н. э. Олень — поселение Чинна, Мекеги, Великент, кабан — Великент 8 — ареал в 1950—56 гг.; 9 — ареал оленя; 10 — ареал козули; 11, 14 — в XV—VII тысячелетиях до н. э. Стоянка Чох; 18 — ареал кабана; 19 — ареал безоарового козла).

Министров ДАССР, анкетные данные опроса старейших охотников и личные наблюдения (Т. Д. Хехнева) позволяют отметить наибольшую плотность расселения кабана: из горных районов в Тляратинском, Цунтинском, Цумадинском, Кайтагском, Казбековском, а из равнинных — в Кизилюртовском, Бабаюртовском и Хасавюртовском. Причем, плотность эта в горных и высокогорных районах вдвое выше, чем в равнинных, хотя это животное не типично для высокогорий.

По подсчетам на всех плавневых участках Прикаспийской низменности Дагестана осталось не больше 150 голов кабана, при средней плотности 2,7 особи на 1000 га¹². Самая высокая численность кабана в республике отмечалась в 1961 г. — 7400 голов, что объясняется введением лицензионного отстрела. В последующие годы идет резкое сокращение площадей обитания и численности этих животных за счет освоения сельским хозяйством новых кормовых угодий и в связи с развитием промышленности. Выжигание и выкашивание на больших площадях камыша и тростника, большие осушительные работы вызывают массовую миграцию кабана как в горные районы Дагестана, так и в соседние республики — Азербайджан и Чечено-Ингушетию.

Только с 1965 г. начинается медленное увеличение численности кабанов в Дагестане (до 2000 голов), преимущественно за счет миграции из соседних республик в горный Дагестан (рис. 4, карта 2). Немалую роль в этом играет усиление охотнадзора и борьба с браконьерством. В дальнейшем численность кабанов в Дагестане будет в значительной степени зависеть от формы развития сельского и лесного хозяйства республики.

Европейская косуля — *Capreolus capreolus* L. (1758) обитает в Дагестане в кустарниковых и широколиственных массивах предгорий и в лесах горных хребтов, но всюду встречаются единичные особи (рис. 4, карта 2). В летний период косули пасутся выше 2000 м над уровнем моря, зимой мигрируют в нижние, менее снежные районы, но везде избегают крутых склонов и скал. Кормовая база для них вполне благоприятна (летом — разнотравье, листья кустарников, желуди, фрукты, зимой — мох, молодые побеги деревьев, кустарников, хвоя сосны, можжевельник). Наибольшая плотность расселения косуль наблюдается в Чародинском, Курахском, Унцукуль-

ском, Цумадинском, Цунтинском и Тляратинском районах. Самая высокая численность косуль была отмечена в 1960—1961 гг. — более 4000 особей. Из-за вырубki лесов и выкорчевки кустарников, а также в силу старения популяции площади обитания косуль резко сократились, а численность их упала в 1963 г. до 1300—1400 особей. В последние годы вновь наблюдается некоторый рост стада косуль, так, в 1965 году поголовье их насчитывало около 3200 особей.

Быстрое сокращение ареала и поголовья косуль в последнее столетие произошло в результате неограниченного промысла животного и уничтожения лесов. Создание полезащитных лесных полос в равнинном Дагестане, несомненно, открывает возможность для разведения косуль в культурном ландшафте.

Кавказский, или каспийский олень — *Cervus elaphus parval* Ogilby (1840) имеет большую область вертикального распространения¹³. Ареал его простирается от Терских и Сулакских плавней и Прикаспийских камышей до предгорий и нижнего пояса гор, охватывая северную низменно-полупустынную зону и восточную подзону полынно-солянковой поймы реки Терека. Животные избегают сильно заболоченных участков и зоны плавней (рис. 4, карта 2). Так, на пойменной территории рек Акташ и Сулак, на площади 30 тыс. га обитает сейчас не более 28—30 оленей. Тогда как учет 1961—1962 гг. показывал около 100 особей только на территории Кизилюртовского района, занимающего площадь 20 тыс. га. В связи с выжиганием камыша и освоением целинных земель по поймам рек Терека, Сулака и Акташа за последние годы наблюдается медленная, но непрерывная миграция оленя в сторону широколиственных лесов предгорий республики и в соседнюю Чечено-Ингушетию.

Вторая зона обитания оленя — кустарниковые предгорья и широколиственные горные леса. За период с 1956 по 1965 год госохотинспекция неоднократно проводила учет численности оленей по 12 высокогорным и равнинным районам. Анализируя эти данные, можно отметить самую высокую плотность (90 оленей на 1000 га) и самую большую площадь обитания (более 300 тыс. га) в Тляратинском районе (Гутонский заказник) в 1956—1957 гг. Самая высокая численность оленей по республике отмечалась в 1961—1965 гг. — 3800 особей.

¹² А. Гинеев. Копытные в плавнях Дагестана. «Охота и охотничье хозяйство». 1968, № 12.

¹³ Н. Я. Динник. Кавказский олень. Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи. Отдел Зоологический, вып. VI, М., 1904, стр. 1—43.

Уменьшение стада в последующие годы объясняется рядом причин: сокращением обитания за счет вырубki лесов и выжигания тростника, обилием осадков в горах, частыми обвалами и оползнями, систематически уничтожающими звериные тропы через перевалы и затрудняющими миграцию их из Закавказья.

Особое место среди диких копытных Дагестана занимает сайгак, или сайга — *Saiga tatarica* L. (1768) — небольшая быстроногая антилопа. Еще несколько десятилетий тому назад она считалась исчезающим животным. В результате охраны запасы ее стали постепенно восстанавливаться. В Дагестане ареал сайгака охватывает небольшой северо-восточный участок солончаковой пустыни в низовьях реки Кумы. В связи со снежными зимами 1952—1953 гг. сайгак большой массой мигрировал из астраханских и калмыцких степей в северную низменность Дагестана, а из Черных земель через Аграханский залив на Аграханский полуостров и о. Чечень. Весной 1954 г. в междуречье Терека и Сулака паслось несколько тысяч животных. Летом и осенью началась обратная миграция, и к маю 1955 г. на Аграханском полуострове оставался один табун в 18 голов, а на острове Чечень — 300 особей (рис. 5, карта 3).

По учету 1957—1958 гг. ареал сайгаков охватывал 122300 га, на которых обитало 8500 особей, при средней плотности 7 животных на 1000 га. А летом 1961 г. на Сулакско-Терской низменности оставалось около 3700 особей. В 1965 г. сайгаки мигрировали вплоть до Южно-Сухокумьска, и все поголовье их составляло 8000—8200 особей. Дальнейшие перспективы существования сайгаков в Дагестане невелики — распашка и орошение больших массивов степей и полупустынь будут с каждым годом сужать их ареал.

Кавказская серна — *Rupicapra rupicapra* Dinnik (1910) встречается по обоим склонам Главного Кавказского хребта. Вертикальные пределы распространения ее широки — от нескольких сот до 4500 м. над уровнем моря. Обитают серны и в лесу, и на альпийских лугах, предпочитая крутые скалистые склоны. Зимой спускаются в долины. Встречаются они в Тлярятинском районе, а также на обрывистых склонах гор Чародинского, Кахибского, Агульского и Цунтинского районов. Самая высокая численность их (до 1000 голов) отмечалась в 1960—1961 гг. (рис. 5, карта 3). В сокращении стада этих животных в последние годы повинен беспланный выпас скота. Под летние пастбища овцам стали отводиться

лучшие альпийские луга, что значительно сузило ареал обитания этих красивых промысловых животных.

Кавказский безоаровый, или бородатый козел — *Sariga aegagrus aegagrus* Erxl. (1777) — вид самых мелких диких козлов. Ареал его охватывает крутые и скалистые склоны Центрального горного Дагестана. Животные предпочитают места, где леса чередуются с кустарником на крутых скалистых склонах, поднимаются вплоть до границы вечных снегов. Кормятся они часто на пологих альпийских лугах с разнотравьем (рис. 4, карта 2), зимой поедают древесные побеги, хвою, лишайники.

В 1957—1958 гг. в Дагестане насчитывалось более 1100 особей козлов. В последующие годы число их сократилось до 700—750 голов, а площадь обитания — почти вдвое. Сильно сказалось на численности этого вида копытных влияние деятельности человека особенно в последнее десятилетие, в связи с применением в охоте дальнобойного огнестрельного оружия. Однако при правильном ведении охотничьего хозяйства и действенной борьбе с браконьерством в Дагестане можно сохранить безоаровых козлов.

Дагестанский тур — *Sariga sariga cilindricornis* Bluth (1840) — крупный козел, распространенный в Дагестане на альпийских и субальпийских лугах. Ареал его в зимнее время захватывает лесной пояс Богосского массива, а также Шах-даг, Шалбуз-даг, Базар-дюзю.

Уже в начале XIX в. в таких горных районах, как Ботлихский, Хунзахский и Гунибский¹⁴ тур совершенно не встречался. В наше время самая высокая плотность туров (5—5.7 особи на 1000 га) наблюдалась в Чародинском, Тлярятинском, Кулинском, Цумадинском и Курахском районах, а самая большая площадь обитания (113—198 тыс. га) — в Чародинском и Тлярятинском¹⁵ (рис. 3, карта 1).

Начиная с 1965 г. численность туров резко возрастает, особенно в Чародинском районе, где сейчас организован заказник. Проведенный там в 1968 г. учет показал общую численность туров в заказнике 5500 особей, со средней плотностью 66 туров на 1000 га.

Дагестанский тур не исчезает, несмотря на затруднения с осуществлением охотнадзора в недоступных горных районах. А существо-

¹⁴ Н. Я. Динник. Звери Кавказа, стр. 48.

¹⁵ М. Г. Абдурахманов. Популяция туров Богосского хребта. В сб. «Исследования по зоологии и паразитологии в Дагестане». Махачкала, 1970, стр. 3—9.

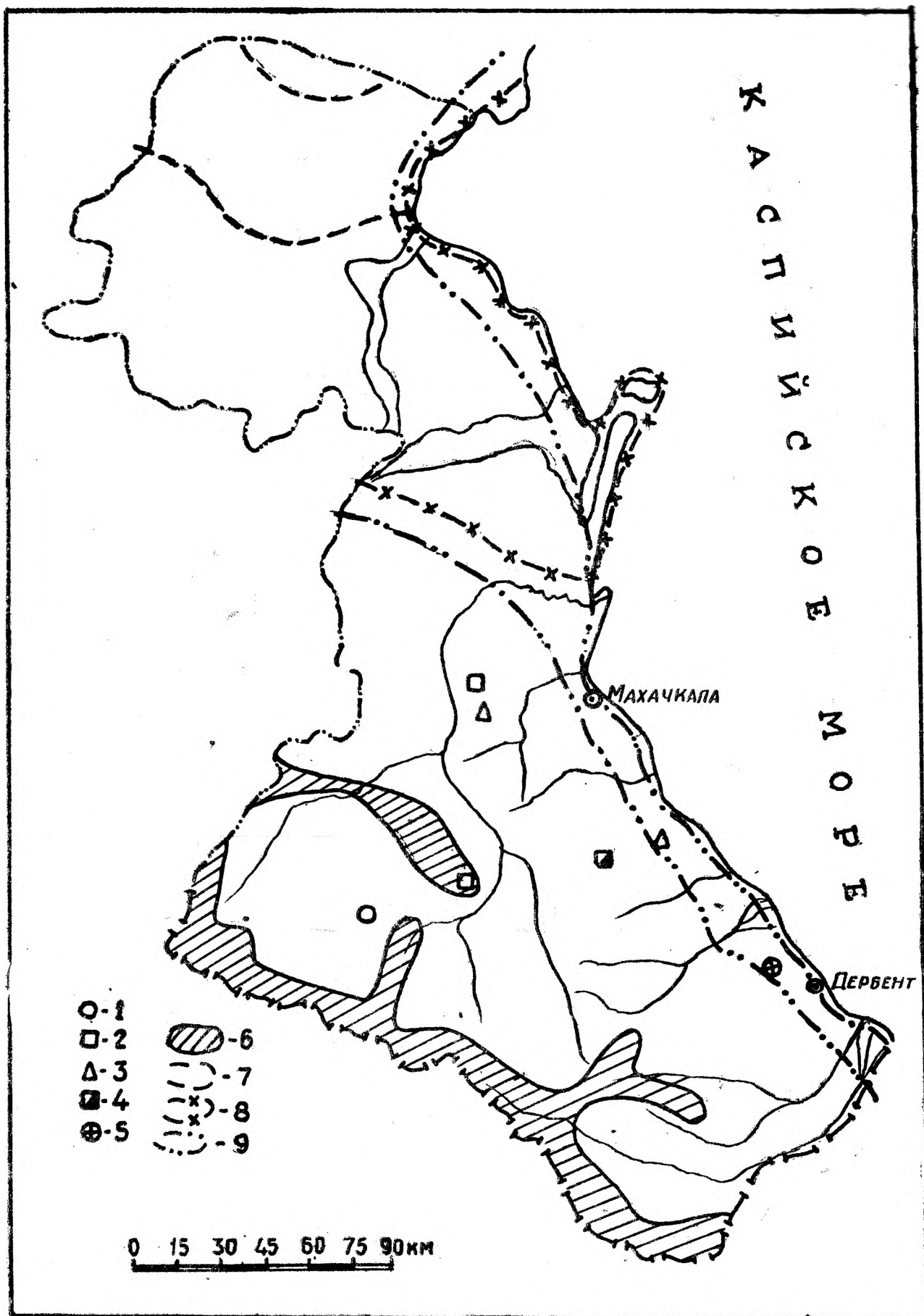

Рис. 5, карта 3. Ареал расселения серны и сайгака: 1—4, 6—серна (I—в V—IV тысячелетиях до н. э. Поселение Гинчи; 2—в III тысячелетии до н. э. Мекеги; 3—в III—II тысячелетиях до н. э. Верхний Гуниб, Тад-Шоб; 4—I тысячелетие н. э. Урцеки, Аркас; 6—современный ареал), 5, 7—9—сайгак) 5—в III тысячелетии до н. э. Великент; 7—к 1967 г.; 8—к 1951—52 гг.; 9—в плейстоцене.

вание Гутонского и Чародинского заказников дает гарантию для длительного обитания на территории республики многочисленных популяций этого подвида.

Джейран — *gazella sybgturosa* из рода газелей — поздний, послеледниковый посланец с юга. Его ареал тогда простирался на север, до линии Астрахань—Ставрополь. Сейчас джейран распространен в Казахстане, Средней Азии и Восточном Закавказье. Еще в прошлом столетии отмечались его заходы в Южный Дагестан. В настоящее время джейран на территории нашей республики не встречается.

Сопоставление данных далекого прошлого с современными ясно показывает, что в уменьшении численности и в сужении ареалов диких животных в Дагестане, в первую очередь, повинен человек. Интенсивная охота, трудовая деятельность человека, без учета потребностей жизни животных привели к тому, что предгорные и равнинные районы республики оказались почти лишенными диких животных. Там сейчас обитают лишь грызуны и некоторые хищ-

ники. Животные уходят в горы, покидают привычные места, гибнут в процессе миграций. Лишь внутренний горный и высокогорный Дагестан остается прибежищем оленей, туров, серн и безоаровых козлов, но и здесь их подстерегает браконьер или бездумное уничтожение.

Прав Н. К. Верещагин, считая, что совершенно особое место в разведении и сохранении диких копытных Кавказа должен занять внутренний Дагестан, так как горный скалистый рельеф и бедность растительного покрова препятствуют развитию здесь интенсивного земледелия, садоводства и скотоводства¹⁶. Благодаря таким условиям внутренний Дагестан может быть использован в качестве огромного заповедника для разведения ценных видов высокогорных копытных, не нуждающихся в лесной растительности и хорошо приспособленных для обитания в горах.

¹⁶ Н. К. Верещагин. Млекопитающие Кавказа, стр. 576.

Д. М. АТАЕВ и М. Н. ПОГРЕБОВА

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ У С. ИРГАНАЙ УНЦУКУЛЬСКОГО РАЙОНА

(Предварительное сообщение)

В 1958, 1959 и 1960 гг. вторым горным отрядом Дагестанской археологической экспедиции исследовалось поселение, расположенное в Унцукульском районе горного Дагестана¹.

Поселение (обнаружено в 1957 году) расположено на правом берегу Аварского Койсу. С западной и южной сторон оно ограничено глубоким оврагом, размытым горными потоками.

Рис. 1. Общий вид Ирганайского поселения.

В 1958 году рядом с поселением были обнаружены каменные погребальные сооружения².

¹ Научный состав отряда: Д. М. Атаев — начальник отряда, М. Н. Погребова, М. Г. Гаджиев, А. Г. Гаджиев — научные сотрудники, М. Хизроев — лаборант.

² М. Н. Погребова. Ирганайский склеп эпохи бронзы. «Материалы по археологии Дагестана», т. II. Махачкала, 1961, стр. 109—123.

ми, с востока — скалистой возвышенностью (около 15 м. высоты), с севера — отрогами Салатдуских гор. Юго-западная часть поселения разрушена дорогой, ведущей из Ирганая в Унцукуль. Общая протяженность поселения с северо-запада на юго-восток — 50 м., с северо-востока на юго-запад (до дороги) — 70 м. (рис. 1). На юго-западном краю холма, отде-

ленном от основного поселения дорогой, располагались две небольшие каменные насыпи. В срезе дороги хорошо прослеживался культурный слой с зольными и угольными прослойками: следы культурного слоя отмечены на холме, расположенном к северу от оврага.

Подъемный материал, состоящий из фрагментов грубой лепной керамики, костей животных, кусков обожженной глины, чаще встречается по краям поселения, особенно на скалистой возвышенности в северо-восточной его части. На юго-восточном склоне оврага была обнаружена большая зернотерка, сделанная из необработанного камня.

Основной раскоп был заложен на краю дороги, в том месте, где особенно интенсивно прослеживался культурный слой. Раскопками 1958, 1959 и 1960 гг. были выявлены три стены каменного сооружения, прямоугольного, вытянутого с запада на восток. Четвертая стена, очевидно разрушенная дорогой, отсутствует, но можно предполагать, что она находилась недалеко, т. к. по другую сторону дороги ее

следов незаметно. Протяженность продольных стен в их сохранившейся части 11 м. Общая площадь каменного сооружения была немногим больше 100 кв. м. (рис. 2). Толщина каменных стен — около 40 см. Направление стен прослеживалось очень четко, хотя с обеих сторон были многочисленные каменные завалы, сосредоточенные главным образом на уровне верхнего края стены. В высоту стены сохранились неравномерно. Лучше всего сохранилась восточная часть южной стены. Ее высота достигает 170—175 см. в восточной и 60 см. в западной части (рис. 3). Особенно сильно разрушена западная стена, от которой остался, по существу, только нижний ряд камней. В западной части южной стены обнаружен проем, шириной 78 см., служивший, очевидно, входом в помещение. На дне прохода на 3—5 см. выше подошвы стены лежат рядом две плоские плиты (60—20 и 20—40 см.), образовавшие нечто вроде порога (рис. 3). Никаких следов, которые позволили бы судить о том, как закрывался этот проем, не обнаружено. На

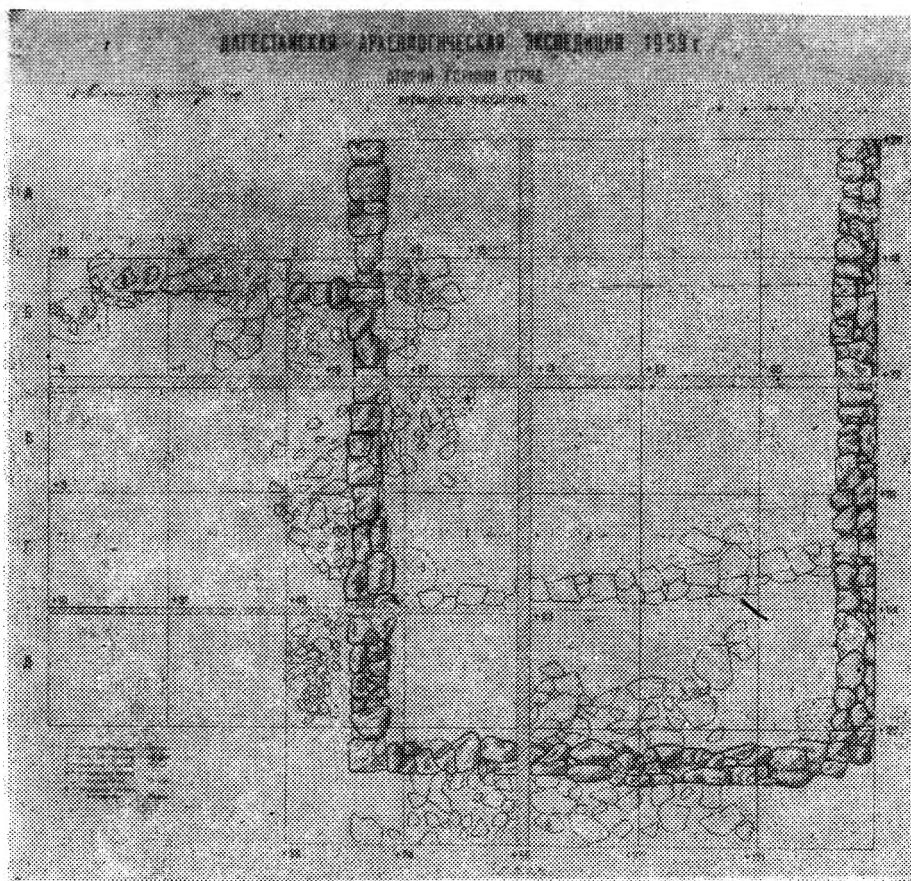

Рис. 2. Иргайское поселение. План раскопа.

уровне этих плит, у входа, были заметны следы плотного белого известкового слоя, возможно имевшего отношение к полу. Остатки этого слоя были прослежены на том же уровне ещё в нескольких местах, иногда вместе с угольными включениями и следами обгоревшего дерева.

хорошо прослеживаются остатки глинобитного слоя, условно названного полом. Очевидно, эта стена наиболее ранняя из всех стен помещения. Внутри помещения было обнаружено три интенсивных угольных пятна. Два из них были расположены вдоль южной стены помещения, одно — в северо-восточном углу. Все

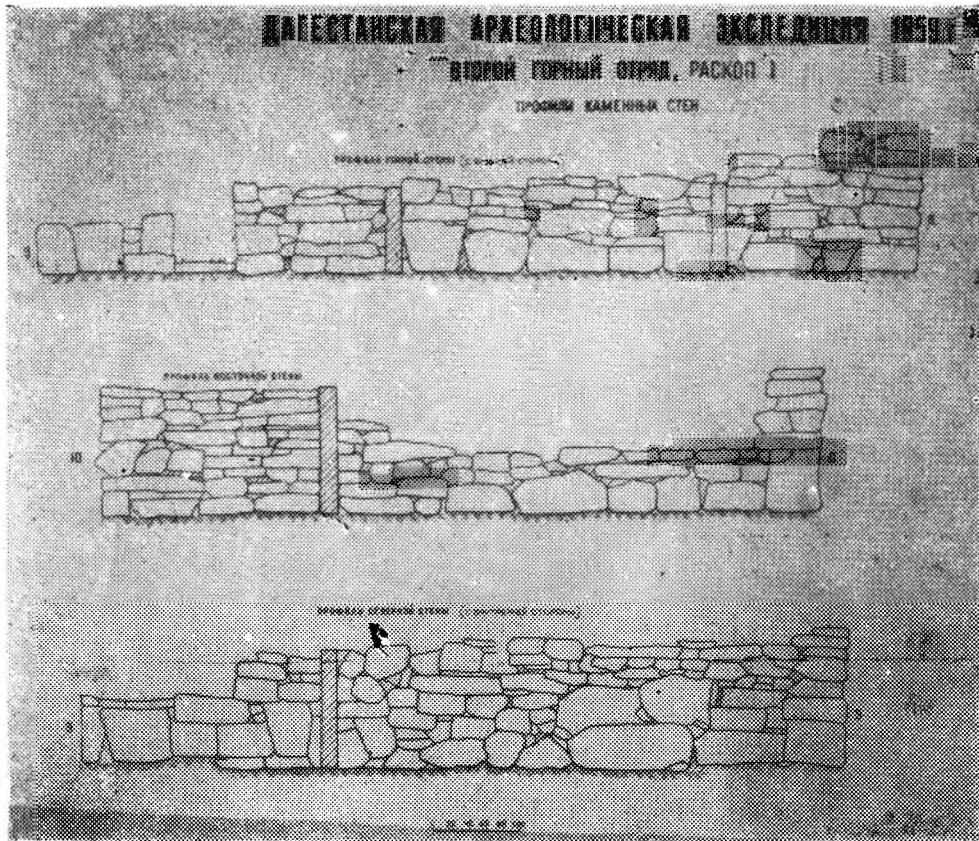

Рис. 3. Ирганайское поселение. Профили стен помещений.

Узкая часть (2 м. в ширину) у восточной стены отделена невысокой (30 см. в высоту) стеной (рис. 4). Подошва этой небольшой стены лежит несколько выше подошвы основных стен, на культурном слое (рис. 5). Ширина ее около 40 см. (рис. 6).

Еще одна небольшая сильно разрушенная каменная стена была обнаружена к западу от поперечной стены (рис. 4). Направлена она по линии север—юг, в основном параллельно поперечной стенке. Северный ее конец примыкает к северной стене помещения, южный кончается на половине ширины помещения. Камни частично впущены в материк (рис. 5). Общая протяженность этой стены около 5 м. На

уровне верхних камней в северной части стены с них находились примерно на одном уровне, у самого подножия основных стен или вблизи. В северо-восточном углу помещения под слоем золы была обнаружена яма, вырытая в материке и достигающая 43 см. глубины. В яме найдено четыре альчика, три фрагмента обычной для поселения грубой серой, обмазанной жидкой глиной керамики, костяная проколка и куски необработанного кремня.

Подобная же яма глубиной 110 см. обнаружена в южной части помещения. (рис. 4). Она была заполнена вперемежку культурным золистым слоем и мягкой материковой глиной.

Основные стены сложены из больших известняковых плит, довольно правильных по форме, но неотесанных (рис. 6). Наиболее крупные плиты достигают 100—120 см. длины и 20—40 толщины. Внизу, как правило, лежат крупные камни. Кладка беспорядочная, местами повторяется принцип, характерный для кладки стен ирганайского склепа³ — на

большой, вертикально поставленной плите располагаются меньшие, положенные плашмя плиты (в средней части южной стены, в южной и северной части восточной стены). Углы образованы двумя стенами, плотно примыкающими друг к другу, что хорошо видно сверху, но сбоку точного сочленения проследить невозможно, т. к. сначала клались ниж-

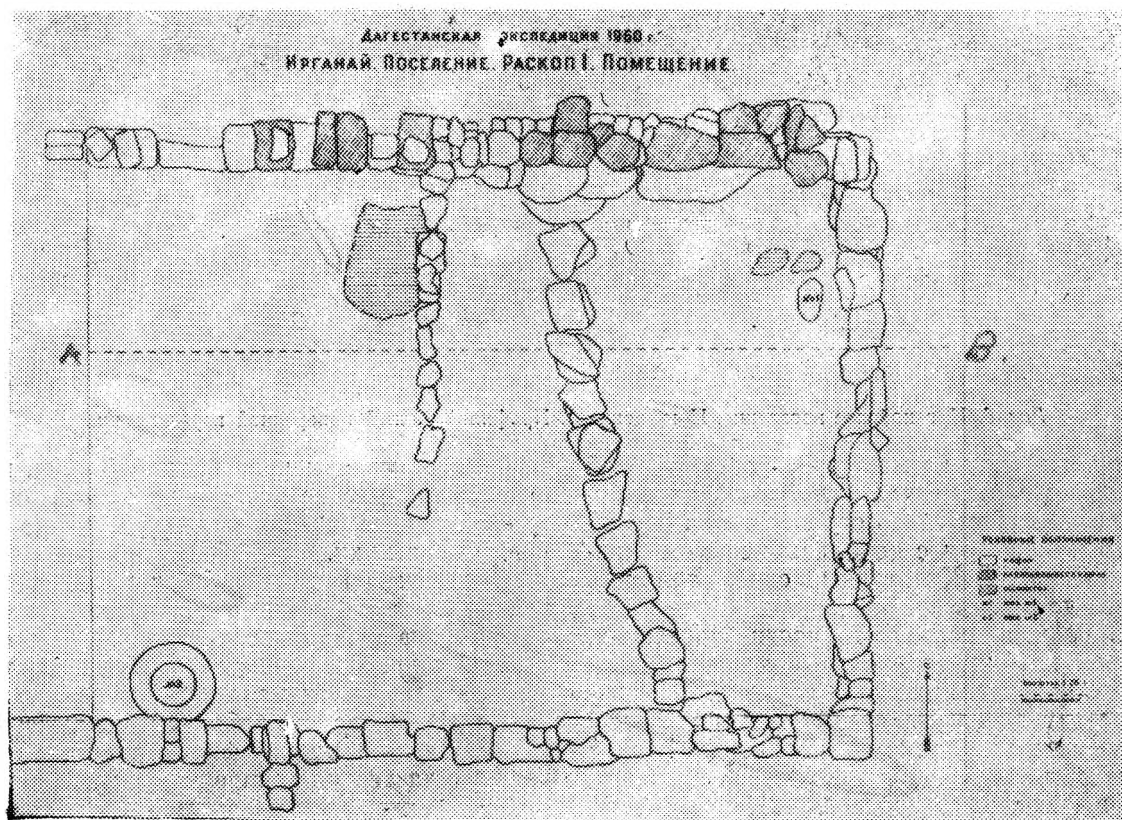

Рис. 4. Ирганайское поселение. Раскоп I. План помещений.

Рис. 5. Ирганайское поселение. Профиль помещения № 1.

³ М. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 110.

ние ряды обеих стен, состоящие из больших камней, а затем на них накладывались более мелкие камни, попадавшие уже на обе стороны без строгого порядка, так что с внутренней стороны угол выглядит несколько округленно. Верхний край стены, как правило, совпадает с верхней границей культурного слоя. Подо-

большой культурной прослойке. Было вскрыто пересечение двух каменных стен, расположенных в форме буквы «Т». Кладка обеих напоминает кладку стен в помещении № 1, но обе стены сильно разрушены, так что характера сооружения выявить не удалось.

В культурном слое часто встречались ка-

Рис. 6. Ирганайское поселение. Помещение 1. Профиль средней поперечной перегородки.

шва ее лежит или на материке, или на тонкой в несколько сантиметров культурной прослойке, что доказывает связь строительства описываемого помещения с начальным этапом жизни на поселении. Культурный слой, толщина которого достигает одного метра в западной и 1 м. 80 см. в восточной части поселения, заполняет как внутренность помещения, так и окружающую его площадь раскопа. В основном состоит он из нескольких, но одной рыхлой консистенции золистых прослоек. В слое встречаются включения обожженной глины, камни и угольные прослойки. Интенсивная угольная прослойка прослежена в самом низу культурного слоя у основания стены, особенно внутри помещения. В основном характер культурного слоя однороден на всем протяжении поселения, но чередование прослоек внутри и вне помещения не совсем совпадает. С внешней стороны помещения, за его южной стеной, обнаружено три очага, расположенных на разных уровнях в нижнем горизонте культурного слоя и вытянутых приблизительно по линии север—юг. (рис. 2). Очаги эти были обложены сильно обгоревшими камнями; на них находились обгоревшие кости животных.

На западном склоне поселения была исследована каменная насыпь, имевшая формы не совсем правильного круга с наибольшим диаметром 8 м. Обнаружилось, что каменная насыпь являлась результатом развала каменных стен, лежавших на материке или на не-

менные зернотерки ладьевидной формы, костяные поделки, чаще всего — проколки, иногда просверленные клыки, альчики, а также кремневые пластинки.

Фрагменты керамики, представленные довольно хорошо, сосредоточиваются, главным образом, в нижних горизонтах. В раскопе втором керамики вообще больше и культурный слой насыщен на всем его протяжении.

Керамика, за небольшими исключениями, представлена мелкими фрагментами, так что редко удается восстановить форму сосуда. Вся без исключения керамика — лепная. Тесто грубое, пористое. Часто встречается обмазка жидкой глиной, а также черноглиняные фрагменты со слабым лощением. Сейчас восстанавливается четыре основных формы сосудов:

1. Довольно большие сосуды с широким раструбным венчиком, раздутым туловом и плоским дном. Горло обычно заглажено и часто по плечикам сосуда располагается налипной валик.

Тулово сосуда ниже валика покрыто слоем обмазки жидкой глиной. Подобный тип сосудов известен в поселениях Новолакском, Ленинкентском I и в верхних слоях Гунибского поселения⁴.

2. Небольшие по-видимому круглодонные сосуды с стогнутым в верхней части венчиком и круглым туловом, темной или светлой глины.

⁴ Фонды Института истории Дагфилиала АН СССР.

3. Сосуды горшковидные, с широким горлом, со слегка отогнутым в самой верхней части венчиком, слабо расширяющимся туловом и плоским дном, часто с обмазкой жидкой глиной.

4. Небольшие сосуды очевидно баночной формы, с прямыми стенками и маленькими ручками у самого горла.

Последние два типа находят аналогии среди керамики Ирганайского склепа⁵. Количественно преобладающим является первый тип сосудов, остальные встречаются значительно реже, но все вместе и не могут быть разделены хронологически. Встречаются и орнаментированные фрагменты. Части налепные валики, главным образом острореберные, но нередко совсем смазанные. Валики часто расчленены пальцевыми зажимами с косыми или почти вертикальными параллельными нарезками (рис. 7). Обычно валики помещаются параллельно краю сосуда, но иногда образуют треугольники, фестоны и т. д. Помимо валиков встречались вдавления, сделанные очевидно штампом и расположенные в один или в несколько рядов, а также круглые вдавления по краю, того же типа, что и в Чохских склепах⁶. Есть и нарезные узоры в виде параллельных линий, зигзагов, ромбов и т. д., иногда пересекающиеся валиками. Нарезные узоры находят ближайшие аналогии в материале позднего Сигитминского поселения.

Таким образом, весь материал поселения, в первую очередь керамический, находит аналогии в памятниках эпохи бронзы, датирующихся в основном серединой — второй половиной II тыс. до н. э. Поселение относится к периоду, предшествовавшему формированию каякентско-хорочоевской культуры. Однородный характер материала дает основание считать все поселения относящимися в основном к одному хронологическому периоду.

Общий характер керамики, сходство теста и структуры черепка, а также некоторые непосредствен-

ные аналогии в формах сосудов с материалом Ирганайского склепа позволяют думать, что памятники эти близки по времени, а может быть и полностью синхронны.

Как уже отмечалось, соотношение каменных стен с культурным слоем указывает на то, что строительство каменных сооружений связано с начальным этапом жизни на поселении.

Каменное сооружение I, было полностью наземным и очевидно в первый период своего существования жилым. Об этом свидетельствуют угольные пятна, возможно оставленные очагами, хозяйственные ямы, пол. Очевидно

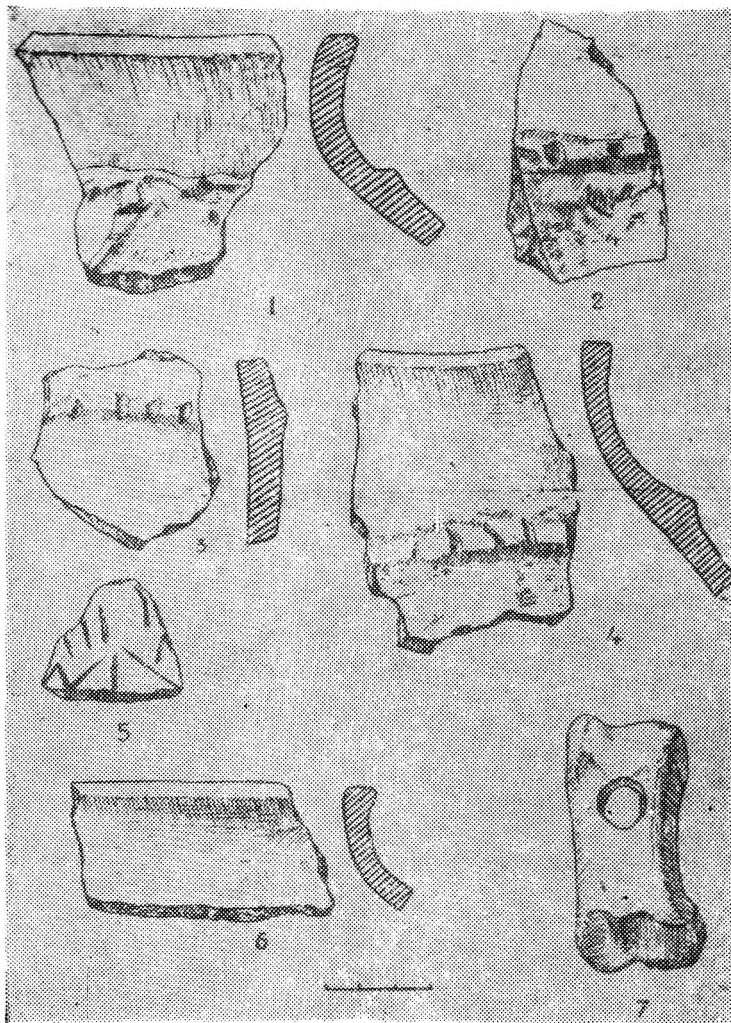

Рис. 7. Керамика и костяная поделка с Ирганайского поселения.

несколько позже, но ещё в самый ранний период была построена стенка, отделявшая восточную часть помещения.

⁵ М. Н. Погребова. Указ. соч., рис. 8, 9.

⁶ Р. М. Мунчаев. Отчет за 1954 г. о работе в нагорной части Дагестана. Архив института АН СССР. Дело 1000.

Сооружение начало разрушаться уже после окончания жизни на поселении. Камни завала все сохранились на месте и сосредоточены главным образом в верхних слоях. Очевидно постепенно, с нарастанием культурного слоя, часть стен оказывалась засыпанной, и именно она уцелела и при разрушении верхней части сооружения.

Трудно сказать, оставалось ли помещение жилым или со временем его назначение изменилось. Судя по мощности культурного слоя внутри помещения, можно скорее предполагать последнее.

Небольшой объем произведенных на поселении работ, позволивших лишь оконтурить помещение № 1, не дает возможности строить убедительные гипотезы о его характере и назначении.

Несомненно, однако, что дальнейшее исследование Ирганайского поселения должно дать интересный материал и выявить место

описанного сооружения в общем комплексе построек.

Эти данные, при привлечении многочисленных, известных сейчас аналогий древнейшим жилищам соответствующего времени, позволят ответить на ряд вопросов, касающихся общественного строя и организации жителей Ирганайского поселения.

Следует отметить, что каменное строительство зафиксировано в поселениях Дагестана эпохи бронзы. Например, Сигитлинское и Верхнегунибское поселения⁷.

Каменные сооружения, мощный культурный слой, многочисленные находки зернотерок, костей животных, фруктовых косточек подтверждают вывод об оседло-земледельческом характере Ирганайского поселения.

⁷ В. И. Каницев. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г., Уз т. III, Махачкала, 1959 г., стр. 105; В. М. Котлович. Верхнегунибское поселение. МАД. II Махачкала, 1967 г., стр. 340.

М. И. ПИКУЛЬ

МУГЕРГАНСКИЙ МОГИЛЬНИК

Мугерганский могильник, обнаруженный учителем средней школы с. Кирка Алискеровым А., находится в 3,5 км к северо-западу от низовьев реки Самур в Магарамкентском районе.

Местность, на которой расположен могильник, представляет собой слегка всхолмленную ложину, покрытую растительностью ксерофитного типа и редкими кустарниковыми зарослями. Она прорезана по линии ската глубоким оврагом, вытянутым в восточном направлении. От левобережья Самура её отделяет небольшая седловидная вершина, с противоположной, северо-восточной стороны — полого спускающаяся возвышенность, а с запада — высокая гора, на которой находилось селение Верхний Мугерган (рис. 1).

Могильник начинался у подножья горы и тянулся на 300 метров к востоку, по обе стороны оврага.

Частичное исследование Мугерганского могильника было произведено южным отрядом Дагестанской археологической экспедиции Института истории, языка и литературы Дагфилиала АН СССР в летние сезоны 1959, 1961—1962 гг.¹

Так как территория могильника представляет собой сильно пересеченную местность, раскопки производились малыми площадями — непосредственно над обнажившимися в обрыве погребениями. В итоге на 13 заложенных раскопках площадью в 90 м² было вскрыто и исследовано 22 погребения:

Ниже дается описание 20 исследованных погребений.

¹ М. И. Пиккуль. Итоги археологических разведок в Южном Дагестане в 1959 г. (Отчет). Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 2642; М. И. Пиккуль. Раскопки в Южном Дагестане в 1961 г. (Отчет). Рукоп. фонд, д. № 3062; М. И. Пиккуль. Раскопки в Южном Дагестане в 1962 г. (Отчет). Рукоп. фонд ИИЯЛ.

Погребение № 1 (раскопа 1, 1959 г.).

Находится на глубине 3,5 м от поверхности в северной стенке оврага. Представляет собой глубокую грунтовую могилу с навалом из камней над дощатым перекрытием, в которой была погребена на правом боку женщина в сильно скорченном положении, головой на запад. Кости посыпаны углем. За её спиной и в изголовье стояло в ряд 6 сосудов: три из них обмазаны снаружи раствором глины; широкоустный сосуд с небольшим прямым дном (рис. VIII, 9), корчага с широко развернутым устьем, хорошо выраженной шейкой и неустойчивым дном и горшок с западающими краями (рис. VIII, 7). Другие сосуды имели лощеную поверхность, у одного из них сферический корпус и «веревочный» узор с косыми насечками по узкому валику пухлого венчика (рис. VIII, 22), а у другого — выпуклые бока и гофрированное неглубокими поперечными желобками горло (рис. VIII, 20).

В области черепа находились сердоликовые бусы (рис. V, 6) и бронзовая игла с ушком (типа V, 8), около груди — височная привеска (рис. IV, 2), ближе к бедренным костям — многовитковые привески из бронзовой проволоки (рис. IV, 8). У нижних конечностей обнаружен скелет козы.

Погребение № 2 (раскопа 2, 1959 г.).

Располагалось на глубине 3 м от поверхности, в 20 м к западу от погребения 1, но в противоположной стене оврага. Оно было отмечено на линии древнего горизонта надмогильным знаком из нескольких камней, погребальным костром и перекрыто, после засыпки землей, навалом из камней. Судя по некоторым костям нижней половины скелета, здесь также была погребена женщина, на правом боку с согнутыми конечностями. Сопровождающий покойницу инвентарь — пять поставленных вдоль правой продольной стороны сосудов. Среди

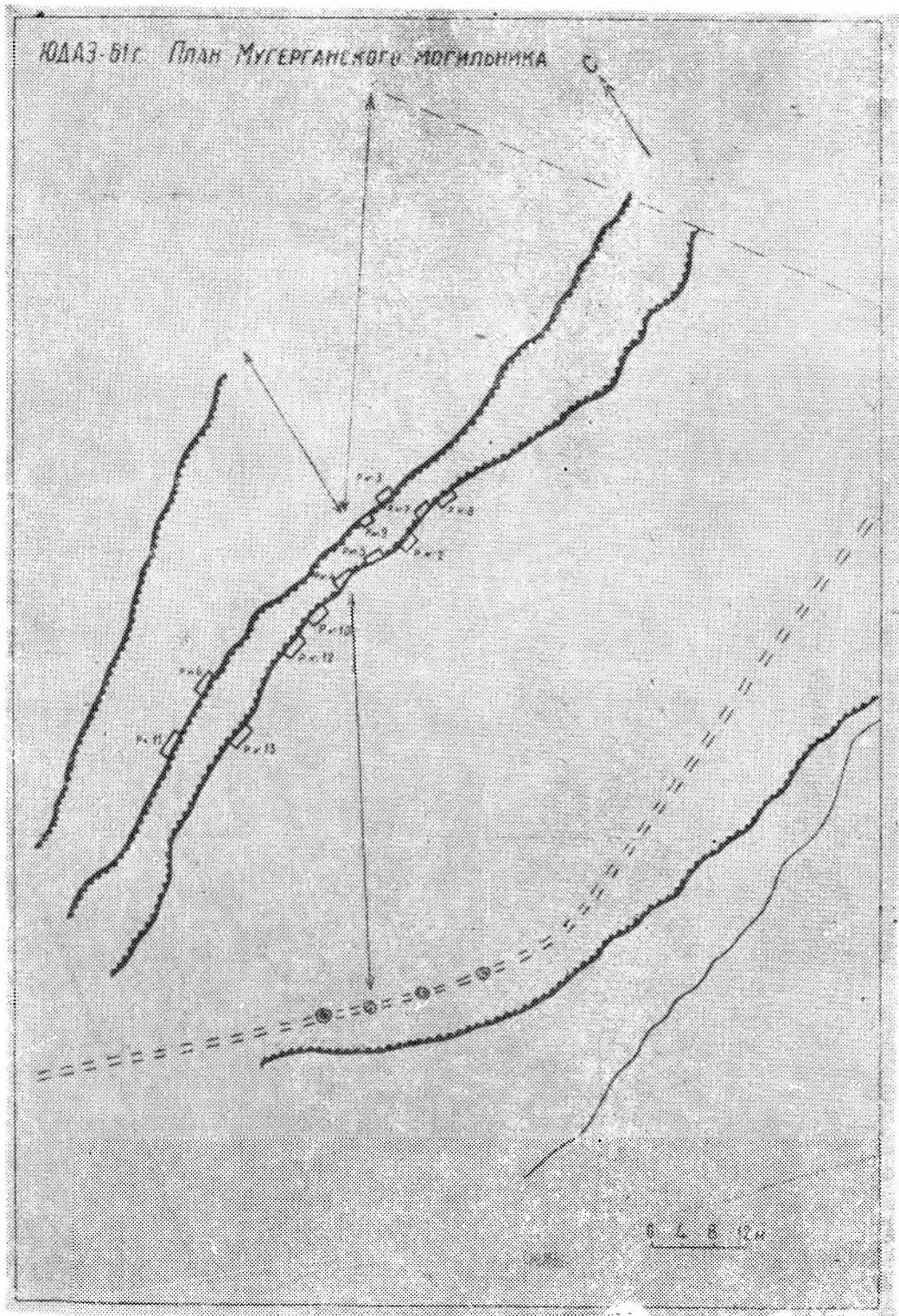

Рис. 1. План местности и могильника у селения Мугерган.

них более или менее хорошей сохранности оказались серолощенный кувшин с довольно округлыми боками и узкой шейкой и два горшка с обмазанной наружной поверхностью. Один горшок имел довольно выпуклые, расширяющиеся книзу бока (рис. VIII, 11), а другой — западающие внутрь края устья и высокий поддон (рис. VIII, 12).

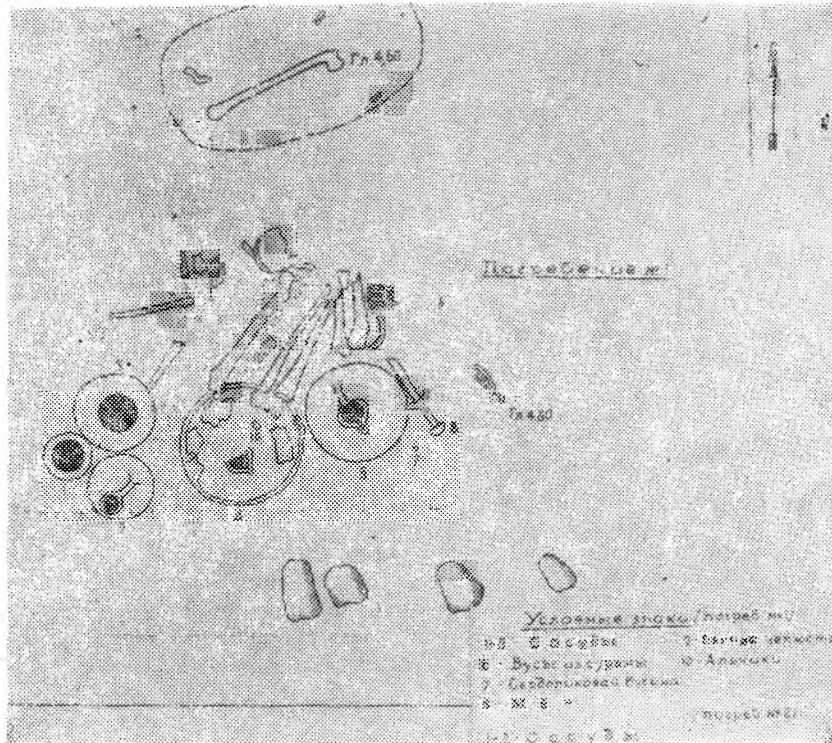

Рис. 2. План грунтовой могилы № 1 раскопа 1 1959 года.

Помимо сосудов, по всему дну могилы были разбросаны сердоликовые бусы (рис. V, 1); пастовый бисер коротко-цилиндрической формы (рис. V, 5), тонкие бляшки полусферической формы (рис. V, 4) спиральные пронизки (рис. VI, 6) и височное колечко с заходящими концами (типа IV, 5).

Костные остатки несут следы посыпки углем, особенно таз. О напутственной пище свидетельствуют отдельные кости свиньи.

Погребение № 3 (раскопа 3, 1959 г.).

Было на глубине 3,10 м от поверхности, в нижнем основании северной стены оврага. Оно почти полностью смыто сточными водами. От погребения сохранились только фаланги пальцев руки, рядом с которыми обнаружена ножная кость барана и две сероглиняные миски с горизонтально отогнутым венчиком, орнаментированным нарезкой в виде сетки

(таб. VIII, 23). Отсюда происходили многовентковые привески, найденные раньше местными жителями.

Погребение № 1 (раскопа 5, 1961 г.).

Находилось в южной стене оврага, на глубине 4,86 м от поверхности, в грунтовой могиле овально-округлых очертаний, ориентированной с В на З. Размерами 1,70 м × 1,10 м. Здесь

оказалось мужское захоронение. Положение сохранившейся части скелета дает возможность полагать, что умерший был погребен на правом боку, с сильно согнутыми в коленных сочленениях ногами, с кистью правой, также согнутой руки, возле лица. Ориентация была северо-западной. Дно могилы и частично кости были посыпаны углем.

В ногах полукругом стояло пять сосудов: тонкостенная мисочка темносерого цвета (рис. VIII, 1) и сероглиняный горшок со срезанным горизонтально устьем (рис. VIII, 3), украшенные семячковидными вдавлениями и мелкой неглубокой штриховкой. Помимо них были найдены 3 серолощенных кувшина с орнаментом из неглубоких углублений. Один из них имел сферическое тулово и водосливной

носик (рис. VIII, 7), другой — широкий раструб устья (рис. VIII, 19) и третий — грушевидное тулово.

Помимо сосудов, у локтя правой руки найдена пастовая рифлёная бусина (рис. VI, 2-а), возле сосуда — овально-приплюснутая бусина из розового сердолика (рис. VI, 2-ж). У ног оказался железный меч с бронзовой рукоятью (рис. IX). Возле миски обнаружено два альчика и баранья челюсть.

Погребение № 2 (раскопа № 5, 1961 г.).

Оно было на глубине 4 м от поверхности, покрыто валунами и заключало в грунтовой могиле только костный тлен от скелета. Здесь найдены два горшка с внешней поверхностью, обмазанной раствором жидкой глины.

Погребение № 3 (раскопа 4, 1961 г.).

Находилось в южной стене оврага и залегало на глубине 3,80 м от поверхности. Представ-

ляло собой грунтовую могилу, размерами 1 м×0,35 м, ориентированную с В на З. В ней был погребен подросток, на спине, головой на З. Обнаружены следы посыпки его углем. Ближе к черепу были обнаружены фаланги пальцев левой руки. Инвентарь: на фалангах пальцев левой руки было два колечка с заходящими заостренными концами (рис. IV, 5) и многовитковая привеска с загнутыми в обратную сторону концом (рис. IV, 7). Около черепа располагалось полукругом 13 пастовых бус биконической формы, иногда с рифлением (рис. V, 4 и VI, 2e) и два разделителя утолщенно-дисковидной формы (таб. 2д). У лопатки лежал бронзовый браслет с несомкнутыми затупленными концами (рис. VII, 5).

Кроме того найдены: сероглиняная чашечка с развернутым устьем (рис. VIII, 14) и два широкогорлых, украшенных гофрировкой кувшина (рис. VIII, 18). Севернее погребенного обнаружены костные остатки поросенка. Погребение № 4 (раскопа 7, 1961 г.).

Обнаружено в южной стороне оврага на глубине 6 м от поверхности. Оно отмечено на линии древнего горизонта надмогильным знаком в виде валунов и засыпано валунами. В самой грунтовой могиле оказался только один человеческий череп лицом вниз.

При черепе были сердоликовые рубленные бусы с кратеровидной впадиной вокруг отверстия (рис. V, 2) и бронзовое кольцо из круглой в сечении проволоки, с несомкнутыми концами. Погребение № 5 (раскопа 8, 1961 г.).

Обнаружено на глубине 4,86 м от поверхности в южной стене оврага. Над ним, по линии древнего горизонта, имелись следы каменной выкладки в виде сближающихся полуколец из камней и валунов. Сама же грунтовая могила значительно ниже выкладки была завалена камнями.

Погребение было ограблено и в нем сохранились только лобная часть черепа и фрагмент плечевой кости, при которых найдена темносерая миска с хорошо выраженной шейкой, наполненная костями барана, и фрагмент височного колечка из плоской бронзовой ленты с заостренным концом.

Погребение № 6 (раскопа 6, 1961 г.).

В северной стене оврага на глубине 3,67 м от поверхности. Отмечено каменной оградкой и перекрыто навалом из камней. Грунтовая могила содержала детское погребение и большой инвентарь. Дно могилы было обильно посыпано углем.

Вдоль южного края могилы стояли в ряд семь сосудов: два красно-глиняные горшка с обмазанной раствором жидкой глины внеш-

ней поверхностью и западающими внутрь краями устья (рис. VIII, 10, 7), чаша баночной формы со слабо-выпуклыми боками, сероглиняный толстостенный сосуд с прямым венчиком и слабо выпуклыми боками, украшенный семячковидными вдавлениями (рис. VIII, 2) и еще один сосуд с обмазкой, у которого было высокое горло и чуть выпуклые бока, красноглиняный сосуд с трубковидным горлом очень слабого обжига (рис. VIII, 6) и серолощенный кувшинчик с приземистым туловом (рис. VIII, 15).

Возле черепа стояли два кувшинчика: красноглиняный с шаровидным туловом и низким горлом и узкогорловый с биконическим корпусом, украшенным выпуклинами, около которых лежала овечья челюсть. За затылком находилась головная булавка с гвоздевидной головкой (рис. X, 1), слева от черепа — височные колечки с заходящими заостренными (рис. IV, 6), сомкнутыми притупленными (рис. IV, 2) и заостренными несомкнутыми концами (рис. IV, 1) и пастовый бисер оранжевого и зеленого цвета.

Погребение № 7 (раскопа 6, 1961 г.).

Находилось в северной стене оврага, на глубине 3,67 м от поверхности. Оно было перекрыто камнями и отмечено надмогильным знаком из валунов. Благодаря темному цвету перекрывавшей дно подстилки, удалось определить форму могильной ямы, оказавшейся овальной, имевшей размеры 1,1×1,1 и ориентацию с ЮЗ на СВ.

Здесь была погребена женщина, лежащая на спине, головой на юго-запад, с сильно согнутыми конечностями. Кисть левой руки покоилась на груди. Слева от ее плеча обнаружена кучка золы.

Данное погребение отличалось обилием инвентаря и разнообразием погребального обряда.

В области груди и черепа находились украшения: пятивитковая бронзовая привеска (таб. IV, 3), пластинчатый перстень с неспаянными концами (таб. IV, 4). На груди сохранился отпечаток пластинчатой железной нагрудной бляхи.

У таза слева обнаружено костяное пряслице усеченно-конической формы (рис. V, 11), а также овечья челюсть.

В изголовье стояла красноглиняная миска на высоком поддоне (рис. VIII, 8) и сероглиняная чаша баночной формы, обмазанная снаружи глиной.

Над изголовьем погребенной женщины было устроено жертвенное место с поставленными там сосудами — мисками, из которых одна

имела украшенное горизонтальными желобками срезанное устье (рис. VIII, 5). Тут же стоял узкогорлый кувшинчик с небольшим округлым и приземистым туловом, орнаментированный рельефными змейками (рис. VIII, 1, 6).

В отличие от остальных погребений, могила в одной из поперечных (западной) сторон была выложена в несколько ярусов камнями. Судя по сохранившимся костям покойник лежал скорченно, на левом боку.

В западной стороне найдены сердоликовые

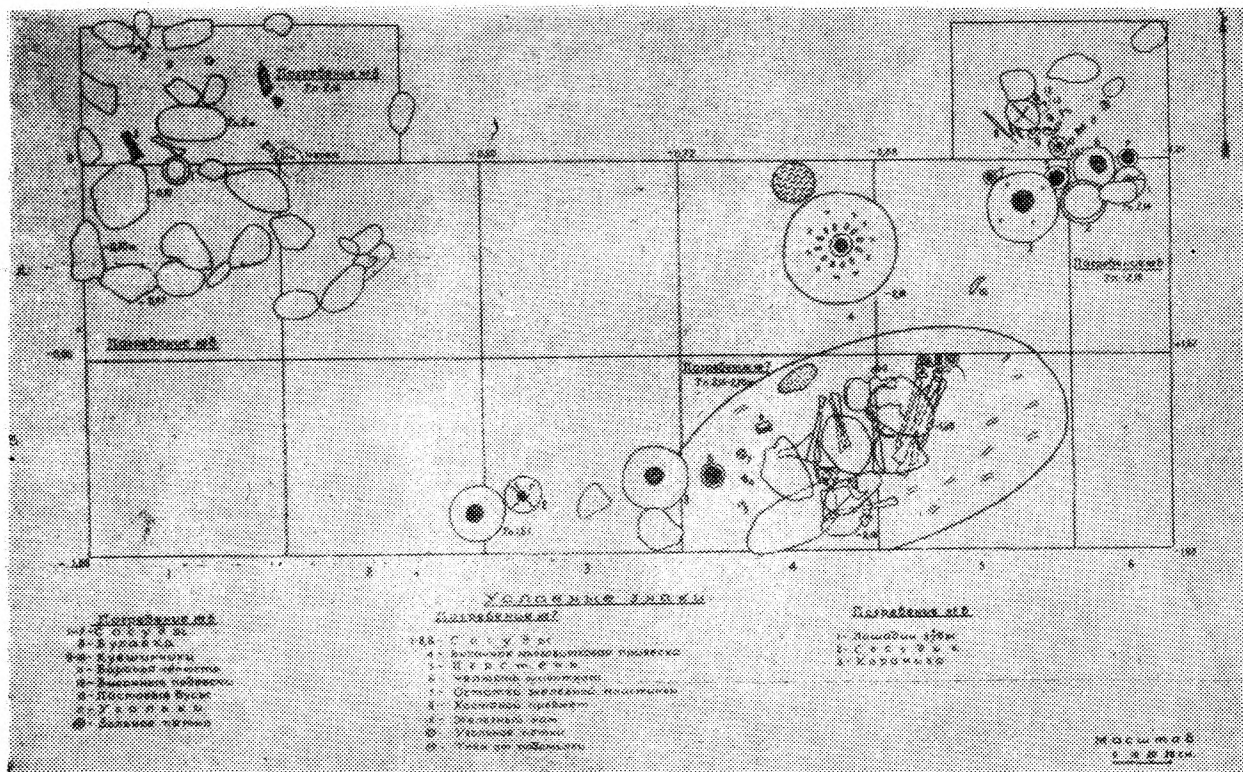

Рис. 3. План погребений №№ 6, 7 и 8 раскопа 1961 года.

У ног были зафиксированы остатки костра и найден сосуд большой емкостью с лощеной поверхностью, украшенной орнаментом из лунок и наклепных лент (рис. VIII, 13). Недалеко от него найден железный ножичек (рис. X, 7). Погребение № 8 (раскопа 6, 1961 г.).

Располагалось в северной стене оврага, на глубине 3,70 м от поверхности. Оно было отмечено на линии древнего горизонта камнями, образующими нечто вроде каменной овальной оградки. В грунтовой могиле сохранился только череп и нижняя часть плечевой кости, возле которых стояли сероглиняный сосуд с отогнутым наружу венчиком и тонкостенная миска с темно-серой поверхностью (типа VIII, 2).

Погребение № 9 (раскопа 9, 1961 г.). Обнаружено в северной стене оврага на глубине 3,40 м от поверхности. Представляло собой узкую грунтовую могилу, ориентированную с В на З и перекрытую навалом из кам-

бусы красно-бурого цвета с белыми прожилками и кратеровидными впадинами вокруг отверстий (типа V, 2). Вдоль северной продольной стороны были поставлены: красноглиняная миска с обмазанной наружной и лощеной внутренней поверхностью, содержащая коровью челюсть, сероглиняные лощеные кувшины: один с гофрированным горлом и сферической поверхностью, а другой с грушевидным туловом и с узором по горлу из параллельных неглубоких поясков (типа VIII, 18—19). Возле сосудов найдена челюсть и задние конечности барана.

Погребение № 10 (раскопа 10, 1962 г.).

Располагалось на глубине 2,48 м от поверхности. Было отмечено надмогильным знаком—большим валуном и представляло собой грунтовую могилу, в которой был погребен подросток. Кости были обильно посыпаны углем. В ногах обнаружена верхняя часть кувшина

с водосливным носиком, украшенная поперечными нарезками и семячковидными вдавлениями (типа VIII, 17).

В области нижних конечностей лежала голова лошади, около которой находилась бронзовая полая зооморфная привеска (рис. VI, 3).

Над погребением было устроено жертвенное место, отмеченное вертикально поставленным камнем. Здесь же найдены два сосуда: серолощенный кувшин, украшенный по горлу неглубокими каннелюрами (рис. VII, 6), миска (рис. X, 5) и сердоликовая бусина с кратеро-видной впадиной вокруг отверстия.

Погребение № 11 (раскопа 10, 1962 г.).

Находилось, как и погребение № 10, в северной стене оврага на глубине 3,38 м от поверхности. Над ним было устроено жертвенное место с погребальным костром, от которого сохранилось зольное пятно диаметром 0,60 м и толщиной 0,05 м, рядом лежал кувшин. Погребение было отмечено камнем, а ниже — каменной грядой валунов. Оно представляло собой узкую грунтовую могилу размерами 2×0,90 м, ориентированную с СВ на ЮЗ.

В этой могиле был погребен взрослый человек, судя по массивности костей — мужчина. Расположение костей позволяет говорить о том, что покойник был погребен в слегка скорченном положении, головой на юго-запад. В изголовье сохранились фрагменты сосудов — часть черноглиняной чарки, ornamentированной вдоль ручки елочным и семячковидным узором, и горшок.

В центре дна могилы найдена бронзовая трубочка с неспаянными концами (типа VI, 7).

Погребение № 12 (раскопа 10, 1962 г.).

Было обнаружено на глубине 3,08 м от поверхности общего репера. Над ним был устроен погребальный костер, от которого сохранилось полуовальное зольное пятно радиусом 0,60 м, толщиной до 0,10 м.

В грунтовой могиле этого погребения был погребен подросток. Кости скелета потревожены. Нижние ребра смещены со своего положения, позвонки истлели. *In situ* сохранились только обе пары конечностей и череп. Судя по расположению костей и пятнам костного тлена, покойник был погребен на спине, с подогнутыми ногами, головой на запад. Левая рука согнута в локте и обращена к лицу, а кисть правой руки была прижата к плечу.

Погребальный инвентарь состоял из сосудов и украшений. В изголовье справа стоял кувшин, от которого сохранилась лишь боковая

часть (типа VIII, 19), на груди стояла миска с отогнутым наружу венчиком и хорошо выраженной шейкой, украшенная полосками и семячковидными вдавлениями (типа VIII, 3). Справа у бедра найдены следующие изделия: два височных круглых колечка (рис. VI, 1), бусина из сердолика, браслет из бронзы с заходящими затупленными концами. У локтя правой руки лежала сдвоенная витая гривна с расплюснутым щитком у одного из концов (рис. X, 2), а также два наконечника в виде трубочек (рис. VI, 7). Слева от бедра находилось массивное железное кольцо с заходящими концами (рис. VI, 8) и сердоликовые бусы. Погребение № 13 (раскопа 12, 1962 г.).

Находилось на глубине 2 м от поверхности. Отмечено на линии древнего горизонта каменной кладкой и прикрыто несколькими камнями. Здесь оказалось детское захоронение в простой грунтовой могиле. Кости ребенка весьма плохой сохранности. Более ясными были очертания согнутых под углом друг к другу бедренных и берцовых костей.

В изголовье, в области черепа стояло два сосуда: миска со скошенной нижней частью тулова (рис. X, 3) и маленький горшочек с округлыми боками (рис. X, 4).

К северо-востоку от погребения найдено жертвенное место, где стоял большой сероглиняный сосуд с обмазанной наружной поверхностью (рис. X, 6).

Погребение № 14 (раскопа 12, 1962 г.).

Находилось в южной стороне оврага на глубине 1,28 м. Было отмечено каменной кладкой в виде полукольца, при нем два жертвенных места: одно непосредственно над могилкой, где лежала прикрытая валуном конская челюсть и фрагменты разбитой сероглиняной миски; другое — несколько восточнее погребения, и представляло собой небольшую вымостку из тонких плиток, на которой лежала голова быка и передняя нога. Здесь же оказались фрагменты от трех сосудов (горшки и миски — типа X, 5). Эти находки были покрыты камнями и отмечены высоким, вертикально поставленным камнем. От самого погребения сохранились скрещенные нижние конечности, плечевая кость и лопатка. Около них найдено несколько фрагментов керамики.

Погребение № 15 (раскопа 12, 1962 г.).

Было обнаружено на глубине 2,67 м и отмечено надмогильными знаками — каменной грядкой из валунов, поставленных в ряд, и погребальным костром. В грунтовой могиле овальной формы оказались останки детского захоронения.

Погребение № 16 (раскопа 11, 1962 г.).

Находилось в северной стене оврага на глубине 3,55 м и отмечено каменной овальной оградкой размером 2,10×1 м, ориентированной по линии ЮЮЗ—ССВ. В грунтовой могиле этого погребения было индивидуальное захоронение взрослого, кости которого оказались в очень плохой сохранности. Здесь можно было различить только лежавшие под углом друг к другу и немного сдвинутые с места своего первоначального положения бедренные и плечевые кости. Костные остатки прикрыты камнями.

Погребение № 17 (раскопа 11, 1962 г.).

Над ним были обнаружены камни, половенные без всякой системы. Интересно отметить наличие второго яруса камней под верхними валунами. Погребение носило следы опрабления и было разрушено — большинство костей скелета разбросано и частично обнаружено среди камней кладки. Одна из поперечных сторон этой грунтовой могилы была облицована камнями, уложенными в чётуре яруса.

Археологические исследования этого интересного во всех отношениях памятника древности позволяют уже в настоящее время сделать некоторые выводы.

Для Мугерганского могильника единственным типом погребального сооружения являлась простая грунтовая яма овальных очертаний, прикрытая навалом из камней, иногда над дощатым перекрытием*. Она отмечалась по линии древнего горизонта надмогильными знаками в виде отдельных валунов и продольной или полуовальной оградки из камней (погр. №№ 5, 8 раскопа 1961; №№ 14—16, раск. 1962 г.). Размеры могил небольшие — 1,2(2)××0,6(0,8) м, ориентация продольных сторон с В на З или же СВ—ЮЗ.

Чаще всего погребения на глубине от 2 до 5 м от уровня современной поверхности, примерно, в пределах 1—2 метров друг от друга.

Как правило, в каждом погребении было заключено индивидуальное захоронение. Обычно умершего хоронили на боку, очень редко на спине, с сильно согнутыми конечностями. Кости рук находились чаще всего возле лица, а если костяк лежал на спине — то и на груди. Ориентировка погребенных была преимущественно северо-западной, реже западной и юго-западной.

К особенностям погребального культа следует отнести посыпку дна могилы или трупа

угольками, устройство погребальных костров. (Жертвенное место).

От погребальных костров оставалась овальная или округлая площадка диаметром 0,60—0,85 м со следами огня и остатками золы. Толщина такого слоя не превышала 0,10 м.

В редких случаях погребальный костер зажигался возле жертвенного места (погр. № 7, раскопа 1961 г.).

Жертвенные места устраивались в самой непосредственной близости от погребения и на одном и том же уровне с погребальными кострами, то-есть выше глубины залегания костяка на 0,50—0,60 м. В жертвенном месте находили чаще всего кувшин и миску, иногда сосуд был с остатками мясной пищи.

Возле богатых инвентарем погребений иногда обнаруживали два жертвенных места, очевидно, одновременных. Одно из них сопутствовало акту захоронения, а другое, расположенное выше, устраивалось, очевидно, через какой-то промежуток времени (погр. № 14, раск. 1962 г.).

Напутственная пища являлась обязательным атрибутом почти каждого погребения. Чаще всего клали головы свиньи, козы, коровы и барана, реже целые остовы козленка (погр. № 1, раск. 1959) или поросенка (погр. № 3, раск. 1961 г.).

Погребальный инвентарь состоял из керамики, украшений, орудий труда и крайне редко — оружия. Сосуды, в количестве от 2 до 9 шт. в каждой могиле, ставились в изголовье или же в ряд за спиной, украшения — соответственно их назначению. Меч клали в ногах, нож — рядом с сосудом.

Весь металлический инвентарь был отлит или откован из бронзы. Железные предметы находили только в единичных экземплярах и лишь в таких погребениях, которые отличались от остальных большим количеством сосудов, многочисленными украшениями и особо подчеркнутым ритуалом. Так, железный меч с бронзовой рукоятью обнаружен вместе с 5 сосудами в мужском погребении (погр. № 1, 1961 г. — рис. IX), железный браслет оказался в детском погребении (№ 12, раск. 1962 г.), где были найдены бронзовые браслеты с гривной и сосудами. Остатки нагрудной железной бляшки и железный нож (рис. X, 7), находились в отмеченном двумя жертвенными местами и погребальным костром женском захоронении (погр. № 7, раск. 1961 г.).

Украшения Мугерганского могильника выделялись из круглой или овальной в сечении проволоки (височные кольца и браслеты), лис-

* Сведения о дощатом перекрытии не подтверждаются дневневыми данными М. И. Пиккуль (Ред.).

товой бронзы (накосники в виде трубочек, перстни, лунницы, привески) и не подвергались дополнительной обработке, за исключением гривны и головной булавки, орнаментированных пуансомом или нарезками.

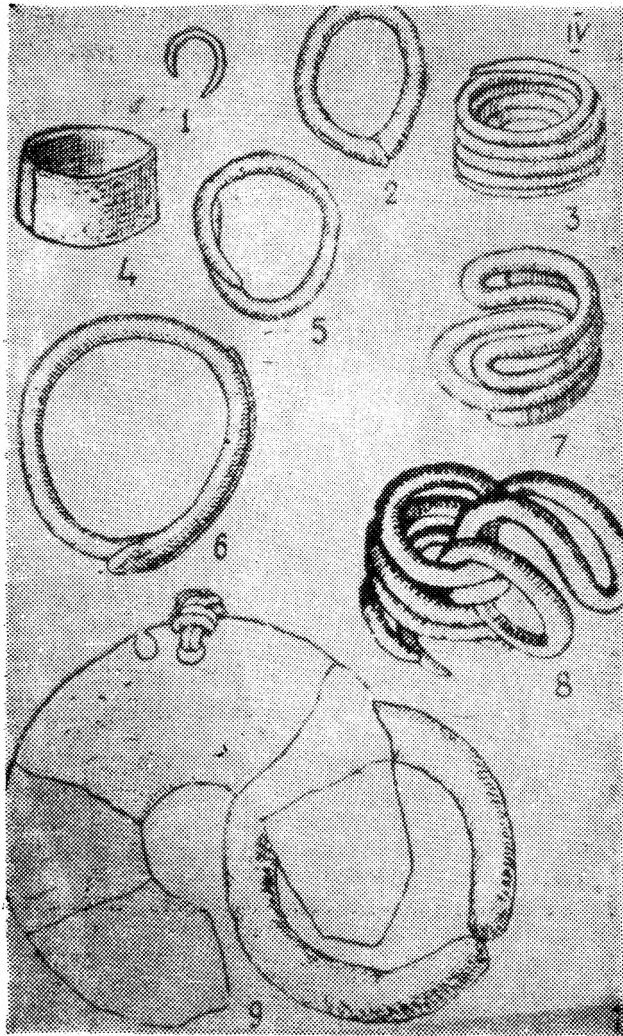

Рис. 4. Бронзовые украшения из комплексов Мугерганского могильника.

Височные колечки следующих разновидностей: а) в виде овального колечка с сомкнутыми (рис. IV, 2) или разомкнутыми закругленными концами (рис. VI, 5); б) округлого (рис. IV, 6) или овального (рис. IV, 5) колечка в полтора оборота, из толстой проволоки с заостренными концами и в) многовитковых, в 4—5 оборотов, круглых колечек с обрубленными обоими концами (рис. IV, 3) или же с загнутым в обратную сторону одним концом (рис. IV, 7). А при детских захоронениях

иногда находили миниатюрные тонкопроволочные колечки с заостренными не сходящимися концами (рис. IV, 1).

В инвентаре погребения № 5 (раск. 1961 г.) имелась нижняя часть височной привески, столь типичной для Каякентского могильника эпохи поздней бронзы, проволочные браслеты—легкие, с заостренными концами (рис. VII, 4); более массивные с затупленными или слегка заостренными, чуть заходящими (рис. VII, 1) или несомкнутыми (рис. VII, 2—3) концами.

К шейным украшениям относились гривны. Одна из них была гладкой, с расплюснутыми концами (из разрушенного погребения), а другая—витой, с расплюснутым, орнаментированным щитком у одного конца (рис. X, 2).

Накосники имели две разновидности: в виде спиральных пронизок и гладких трубочек с неспаиваемыми концами (рис. VI, 6—7).

Среди прочих украшений найдены привески в виде лунниц, вместе со скипевшимися бронзовыми массивными кольцами (рис. IV, 8 и V, 9), гвоздевидная головная булавка со сквозным отверстием (рис. X, 1).

Следует упомянуть зооморфную полую подвеску (рис. VI, 3).

Единственными украшениями, откованными из железа, являлись: тонкостенная круглая нагрудная бляшка и железный браслет с заходящими концами (рис. VI, 8).

К довольно распространенному в Мугерганском могильнике типу украшений следует отнести сердоликовые бусы одностороннего сверления. Среди них преобладали так называемые «рубленные» бусы кольцевидной или коротко-цилиндрической формы с кратеровидной впадиной вокруг отверстия красного или сургучно-яшмовидного цвета (рис. V, 6); встречались и такие, как уплощенно-овальная бусина из розового сардолика (рис. VI, 2ж), коротко-цилиндрические хорошей шлифовки густо красного цвета, уже без кратеровидной впадины (рис. V, 1—2) и мельчайший бисер бочонковидной формы красного ровного тона.

Помимо сердоликовых, иногда обнаруживали пастовые бусы белого или зеленого цвета: бисер цилиндрической формы (рис. V, 5), крупные бусы-разделители дисковидной формы (рис. V, 7), но чаще всего бочонковидной, амфоровидной или кольцевидной формы (рис. VI, 2е), иногда украшенные глубокими поперечными нарезками (рис. VI, 2в, е).

Следует упомянуть полусферические бронзовые бляшки, заполненные с обратной стороны цементовидной серой массой (рис. VI, 4).

Орудия труда были представлены предметами домашнего обихода. Это бронзовые козанные иглы с ушком (рис. V, 8. погр. № 1, раск. 1959 г.), массивное костяное пряслице усеченно-конической формы (рис. V, 11) и железный ножик с небольшим черенком для прикрепления к рукояти (рис. X, 7 — там же).

До сего времени из Мугерганского могильника было известно только одно оружие — бронзовый наконечник копья с листовидным пером и хорошо сформированной закрытой втулкой с двумя отверстиями для прикрепления к древку (рис. V, 10).

При раскопках в 1961 году найдена верхняя часть железного меча с бронзовой рукоятью (рис. IX), у которой было грибовидное навершие, узкая втулка и довольно продолговатое перекрестье с опущенными по бокам крыльями.

Керамика, составлявшая основное содержание погребального инвентаря Мугерганского могильника, подразделяется по своим технологическим особенностям и формам на три группы.

Первая группа керамики из тщательно отмученной красной глины с редкими, но крупными примесями дресвы и кварца (реже шамота), равномерного хорошего обжига, с лощеной желтовато-серой или светло-серой внешней поверхностью, представлена следующими формами: сосудами с приплюснутыми или же горизонтально отогнутым венчиком вокруг срезанного устья, со сферойдным туловом (рис. VIII, 22), кувшинами с водосливным носиком (рис. VIII, 18), со сферойдными — (рис. VIII, 4, 17, 19) или резко очерченными боками биконического профиля (рис. VII, 6).

Среди кувшинов найден узкогорлый, небольшой по величине сосудик, украшенный по приземистому округлому тулову тремя рельефными змейками (рис. VIII, 16).

К этой же группе керамики следует отнести миски с утолщенным бортиком или же горизонтально отогнутым венчиком, чашечку усеченно-конической формы (рис. VIII, 14) и безручный кувшан с высоким цилиндрическим горлом (рис. VIII, 20). Той же техники изготовления был сосуд большой емкости с лощеной поверхностью желтоватого цвета, украшенный радиально расходящимися от широкого горизонтального венчика глубокими лунками и рядом поперечно расположенных фризов из широких наlepных лент с насечками и лунками, которые опоясывали сферойдный корпус с коническим нижним основанием (таб. VIII, 13).

Большинство кувшинов орнаментировались неглубокими параллельными насечками по горловине (гофрировкой — таб. VIII, 18—20). Миски с горизонтально отогнутыми венчиками украшались широкими наlepными лентами с насечками, а сосуды со сферойдным туловом «веревочным узором» по узкому наlepному валику и параллельными друг другу желобками (таб. VIII, 22).

Вторая группа керамики буровато-серого или красноватого цвета из плохо вымешанной серой глины, с большим содержанием преимущественно песка и кварца (реже битой глины и шамота), отличалась слабым и неравномерным обжигом и обмазкой внешней поверхности густым или легким раствором жидкой глины. Для этой группы керамики характерны широкодонные баночные горшки с прямым венчиком (рис. VIII, 11), со слабо-выпуклыми боками (рис. VIII, 12) и западающими внутрь краями (таб. VIII, 10 и X, 4), корчаги с выпуклым туловом, хорошо выраженной шейкой и отогнутым наружу венчиком, миски красно-серого цвета с резким биконическим профилем боков и гофрированным срезанным устьем (рис. VIII, 5), а также и горшочек с высоким цилиндрическим горлом (рис. VIII, 6). Все они имели толстые стенки.

Такая посуда орнаментировалась крайне редко. Это был наlepной валик с вмятинами и, в виде исключения, простые косые насечки прямо по корпусу.

К третьей керамической группе Мугерганского могильника относятся тонкостенные сосуды с внешней поверхностью темно-серого или черновато-коричневого цвета, изготовленные из хорошо вымешанной глины с очень незначительными примесями мелко истолченной раковины и дресвы, подвергнутые неглубокой горизонтальной штриховке и достаточному, но не всегда равномерному обжигу.

Такая керамика состояла обычно из широкоустных мисок с высокой шейкой, у которых были или плавно-закругленные бока (рис. X, 5), или более резкие очертания биконического тулова (рис. VIII, 1). Они орнаментировались по бортику и шейке параллельными врезными линиями и тонкими косыми насечками (рис. X, 3), реже — семячковидными вдавлениями (рис. VIII, 1).

Таким образом, если в первой или третьей группе керамики мы имеем посуду хорошей работы, то во второй — слабого обжига и со значительными примесями формовочной глины, т. е. плохого качества, в которой нельзя не видеть выделанной специально для погребения

ний. Интересно отметить, что в каждом погребальном комплексе могилы имеется как та, так и другая керамика.

Археологические материалы, полученные в результате раскопок Мугерганского могильника, показывают, насколько глубокими были здесь местные традиции, идущие от эпохи бронзы.

Известно, что грунтовая овальная могила, являющаяся единственным типом погребального сооружения на территории этого могильника прослеживалась sporadически среди археологических памятников эпохи бронзы Дагестана: в Карабудахкентском могильнике № 2 с теми же надмогильными знаками в виде вертикально поставленного камня или плиты² и на Джемикентском поселении³.

В эпоху поздней бронзы и раннего железа грунтовые погребения в виде простых могильных ям прямоугольной или овальной формы встречаются чаще и сосуществуют во времени с каменными ящиками (Таркинский могильник)⁴. Они также имеют надмогильные выкладки в виде круга или полукольца, которых в Мугерганском могильнике стало уже немного (погр. №№ 14—16, раск. 1962 г. и № 5, раск. 1961 г.). В отличие от мугерганских, они не столь глубоки.

В Хорочоевском могильнике⁵ небольшую часть погребений составляют грунтовые могильные ямы с небольшими навалами из камней (погр. № 25, 26, 29, 41, 48). Здесь же встречаются и легкие дощатые перекрытия.

А в эпоху раннего железа на территории Дагестана грунтовые могилы становятся особенно характерными⁶.

Известно, что скорченность костяков зафиксирована для всех почти могильников эпохи бронзы Дагестана, но сильная скорченность

стала характерной чертой преимущественно в эпоху поздней бронзы.

Еще дольше задержалась в погребальном обряде традиция хоронить покойника с кистями рук возле лица.

Существование преобладающего скорченного захоронения с редко встречающимся пока положением погребенных на спине было отмечено А. П. Кругловым при раскопках могилы с коллективным захоронением на территории Джемикентского поселения⁷ с той же северо-западной ориентировкой покойника и аналогичным положением ног, какое было прослежено в погребении № 7 Мугерганского могильника (раск. 1961 г.).

Что касается таких особенностей заупокойного культа, как посыпка дна могилы углем, устройство жертвенных мест или зажигание погребальных костров, которые постоянно обнаруживались при раскрытии погребений Мугерганского могильника, — то все это было свойственно и культуре эпохи бронзы (особенно на ее поздней стадии развития — Хорочой, Кабарты-Кутан и т. п.)⁸.

Характерно, что здесь зафиксирован, как и в эпоху поздней бронзы (Кабарты-Кутан)⁹, культ быка. Достаточно вспомнить, что на одном из жертвенных мест погребения № 14 Мугерганского могильника (раск. 1962 г.) обнаружена на каменной вымостке с вертикально поставленным камнем, рядом с тремя сосудами, голова быка.

Материальная культура Мугерганского могильника дает основания считать ее генетически связанной с культурой эпохи бронзы Дагестана.

Такие морфологические и технологические особенности второй группы керамики, как недостаточный окислительный обжиг посуды, большое содержание примесей в обезжиренной формовочной глине, особенно прием обмазки внешней поверхности сосудов жидкой глиной, — являлись спецификой керамики каякентско-хорочоевского типа. Схожими являются и их формы. Например, сосуды в виде корчаги с выпуклыми боками¹⁰, горшки вытянутых пропорций на высоком поддоне с западающими внутрь краями устья, имели своим прототипом

² Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ с. Карабудахкент. МИА 68, М., 1958, стр. 149—151.

³ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ II—I тыс. до н. э. МИА 68, М., 1958, стр. 45—46.

⁴ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе с. Тарки МИА 23, М., 1951, стр. 232, 244.

⁵ А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 120—124, 135, 138.

⁶ В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана. МАД I, Махачкала, 1959, стр. 139—140; М. И. Пиккуль. Итоги археологических разведок на территории Ю. Дагестана в 1959 г. Рук. фонд ИИЯЛ, стр. 9—25, д. № 2642; М. И. Пиккуль. Хабадинский могильник. МАД II, Махачкала, 1959, стр. 196; Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ Карабудахкента. МИА 68, М., 1959, стр. 170—172.

⁷ А. П. Круглов. Указ. раб., стр. 45.

⁸ М. И. Пиккуль. Раскопки на Сулаке в 1955 г. МАД I, Махачкала, 1959 г., стр. 160—161.

⁹ Там же, стр. 161.

¹⁰ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе с. Тарки, стр. 245, рис. 10, 5; М. И. Пиккуль. Указ. раб., стр. 162, рис. 3, 4.

сосуды из Кабартыкутанского могильника¹¹, Тарков¹², Мамай-Кутана¹³, Талгов¹⁴.

Близки к позднебронзовым — горшки баночной формы, чаши с раздутыми боками и широкоустные чашечки усеченноконической формы, находящие себе аналогию в погребальном инвентаре курганов бронзового века, на побережье реки Сулак¹⁵.

Что касается остальных двух керамических групп Мугерганского могильника, то им нет аналогии в инвентаре эпохи бронзы Дагестана, имеются только сходные орнаментальные мотивы в виде семячковидных вдавлений, луночек и прием сплошной штриховки внешней поверхности, впрочем, более глубокой и всегда имевшей характер украшений.

Среди металлических изделий, обнаруживаемых в погребальных комплексах Мугерганского могильника, имеются сходные с изделиями эпохи поздней бронзы украшения, а именно: тупоконечные или остроконечные проволочные браслеты с несходящимися или заходящими концами, наконечники, многовитковые привески с обрубленными концами, височные овалы привески с заостренными, заходящими друг за друга концами, височные колечки в полтора оборота из плоской бронзовой ленты, или же массивные проволочные с заостренными концами, которым почти всегда сопутствовали бусы, рубленные сердоликовые с кратеровидной впадиной вокруг отверстия и пастовые рифленые. Все эти родственные черты, обнаруженные в погребальном обряде и предметах материальной культуры, являются не только основанием для утверждения местного происхождения культуры населения данной местности Южного Дагестана, но и хронологическим определением, которое позволило установить, что памятники поздней бронзы и Мугерганский могильник не отделены друг от друга во времени.

Неоспоримым доказательством того, что Мугерганский могильник относился к периоду переходному к эпохе раннего железа является полное вытеснение такого ведущего типа погребального сооружения, как каменный ящик и появление тех признаков, которые станут

характерными для культуры эпохи раннего железа. Симптоматично и появление первых, пока еще единичных, экземпляров погребального инвентаря, откованных из железа.

Первые железные изделия на Северном Кавказе были обнаружены в материалах Каменноостского могильника IX—VII вв. до н. э.¹⁶ В Восточном Закавказье они появляются примерно в это же время¹⁷, а в Центральном Закавказье — еще в XI—X вв., хотя в могильниках VIII—VII вв. до н. э. их еще мало¹⁸.

Также немногочисленны среди целиком бронзового инвентаря железные предметы и в Южной Осетии, например, в погребениях VIII—VII вв., до н. э. Тлийского могильника¹⁹.

Что касается предметов вооружения, составленных из бронзовых и железных деталей, найденных, как правило, в материалах именно переходного периода, то все это является наиболее ярким свидетельством самого процесса освоения этого нового металла. В этой связи следует вспомнить обнаруженный в Дагбашском могильнике X—VIII вв. до н. э. бронзовый клинок кинжала с железной рукоятью в сопровождении посуды с обмазанной жидкой глиной поверхностью, височные привески и такой новой формы керамики, как кувшины с высоким цилиндрическим горлом и раздутым туловом²⁰.

Аналогичные по форме рукояти, весьма похожие на рукоять меча из Мугерганского могильника (рис. IX), имелись только на Северном Кавказе (Каменноостское, Березовское, Баксан, Кескем, Кольцо-гора). К этому же подтипу следует отнести сильно окислившуюся рукоять из Нальчикского могильника²¹. Но главное отличие состоит в том, что все рукояти кабардино-пятигорского типа были от кинжалов, в то время, как рукоять из Мугергана, благодаря своей величине перекрестья

¹⁶ К. Э. Гриневич. Новые данные по археологии Кабарды. МИА 23, М., 1951, рис. 13, стр. 135.

¹⁷ Н. М. Минкевич — Мусафаева. О датировке и хронологических этапах некоторых памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа. «Материальная культура Азербайджана», т. IV, Баку, 1962, стр. 115.

¹⁸ Р. М. Абрамашвили. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике. «Вестник Государственного музея Грузии», XXI-V, Тбилиси, 1956, стр. 140.

¹⁹ Б. В. Техов. Позднебронзовая культура Динахского бассейна, Сталинир, 1957, стр. 188; Б. В. Техов. Могильник эпохи бронзы в с. Тли. С. А. 1960, стр. 177, № 1.

²⁰ М. И. Пиккуль. Дагбашский могильник. «Ученые записки ИИЯЛ», т. IX, Махачкала, 1961, стр. 317.

²¹ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, таб. X, IV, 2.

¹¹ Там же, стр. 162, рис. 1, 3.

¹² К. Ф. Смирнов. Указ. раб., стр. 245, рис. 10, 1 и 12, 9.

¹³ В. Г. Котович. Новые археологические памятники, таб. VI, 9, стр. 157.

¹⁴ М. И. Исаков. Талгинский могильник. КС ИИМК, вып. 67, М., 1957, рис. 54, 1.

¹⁵ И. П. Костюченко. Раскопки Миатлинского курганного поля в 1955 г. МАД I, Махачкала, 1959, стр. 113, таб. III.

и равномерной ширине железного клинка, скорее всего от меча.

Если кинжал из Кескема с подобной же рукоятью сопровождали скифские шипастые наконечники стрел, рукоять из Каменномогильника — железные ножи, то погребение № 1 с мечом из Мугергамского могильника датировали найденные там же, характерные для ванской эпохи (Цинцикаро и Так-Килиси)²² пастовые бусы с рифленой поверхностью, миндалевидная овально-приплюснутая бусина из розового сердолика, весьма типичная для древнейшего слоя Самтаврского могильника, датируемого XIII—XII вв. до н. э.²³, а также темносерая миска биконического профиля (рис. VIII, 1). Она была аналогична по форме сосудам из погребений Самтаврского²⁴ и Тлийского²⁵ могильников конца II — начала I тыс. до н. э.

В материалах Мугерганского могильника имеется наконечник копья с закрытой втулкой (рис. V, 10). По заключению таких авторитетных исследователей, как Б. А. Куфтин и А. А. Иессен, подобные наконечники в отличие от наконечников с раскованной раскрытой втулкой, представляют уже позднее явление — они появились к концу эпохи поздней бронзы и особенно в переходный период. Так, аналогичные по форме и технике изготовления наконечники копий были обнаружены в могильнике близ с. Тли Южной Осетии²⁶ и в Триалете²⁷. Их находят также в погребальных комплексах первых веков эпохи раннего железа (Каменномогильское)²⁸.

Следует сказать и о полусферических пуговицах (рис. VI, 4), заполненных изнутри глинистой серой массой, которые известны на Кавказе начиная с эпохи поздней бронзы и особенно характерны для переходного периода Восточного Закавказья. Их, как и лунницы, относят к развитому периоду Хаджалы-Кедабекской культуры (XI—X вв. до н. э.)²⁹.

²² Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, I, Тбилиси, 1941, таб. XXIX, XXII.

²³ Р. М. Абрамашвили. Указ. раб., стр. 139.

²⁴ Коллекция Госмузея Грузии.

²⁵ В. В. Техов. Позднебронзовая культура, стр. 54.

²⁶ Там же, стр. 73, таб. XIII, I.

²⁷ Б. А. Куфтин. Указ. раб., таб. XI—IX, стр. 333.

²⁸ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки МИА, 2, М., 1951, рис. 50, 5.

²⁹ Я. И. Гуммель. Археологические очерки. Баку, 1940, стр. 42—44, стр. 30, фиг. 12, 1—3; Н. В. Минкевич—Мустафаева. О датировке и хронологических этапах некоторых памятников Азербайджана эпохи поздней бронзы и раннего железа. Материальная культура Азербайджана. IV,

Из всего этого следует, что Мугерганский могильник стоит во времени между памятниками каякентско-хорочоевской культуры поздней бронзы — с одной стороны, и памятниками эпохи раннего железа — с другой, то есть определяется переходным периодом, датируемым в пределах XI—VIII вв. до н. э. Данная культура переходного периода почти укладывается,

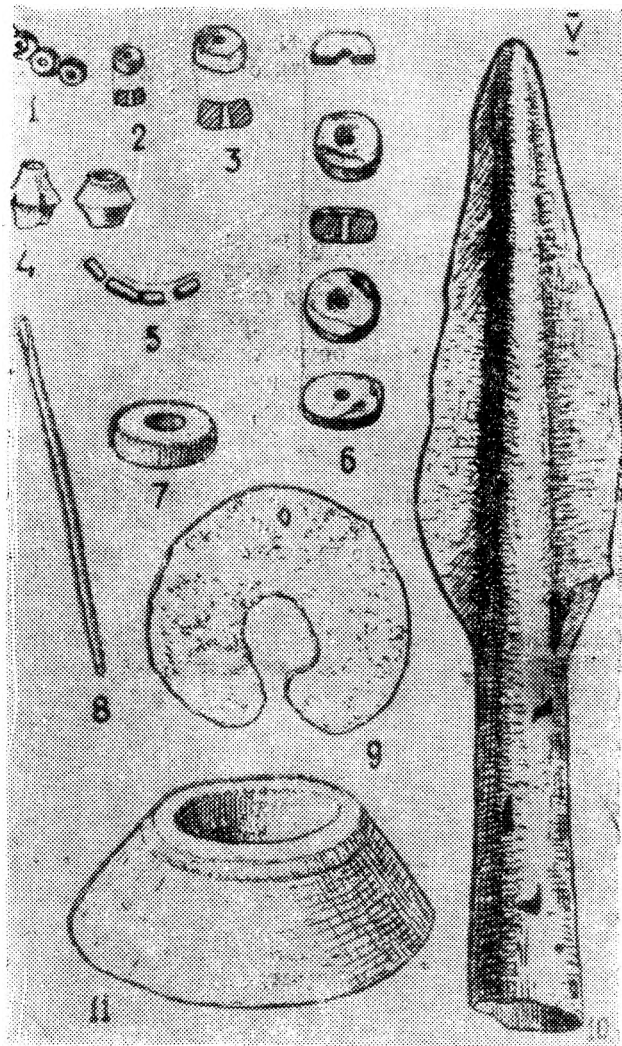

Рис. 5. Орудия труда, оружие и бусы.

по Е. И. Крупнову, в рамки второго периода существования каякентско-хорочоевской культуры (X—VIII вв. до н. э.)³⁰.

Баку, 1962, стр. 114; Г. М. Асланов. Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе. Древний Мингечаур, Баку, 1959, XXI, 7.

³⁰ Е. Крупнов. «A. propos de la Chronologie de l'âge du fer au Caucase Nord VI Congrès international des Sciences préhistoriques et protohistoriques». Moscou, 1962, p. 13.

Вместе с тем, некоторые, правда небольшие материалы, из залегающих в верхних горизонтах погребений (на глаз от 2 до 3 м) дают возможность полагать, что могильник функционировал еще до конца VII века, а может быть и в VI в. до н. э. Довольно вескими основаниями для этого является в погребении найденная витая гривна № 12 (раск. 1962 г.)

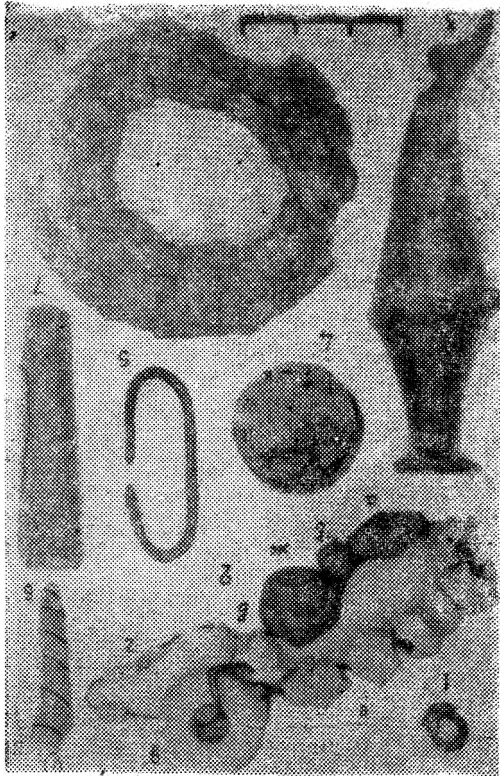

Рис. 6. Украшения из бронзы и железа.

с расплюснутым щитком, которую находили обычно на территории Северного Кавказа (Нестеровское, Воздвиженское) в материалах V века до н. э.³¹ (рис. X, 2). Это относится и к части кубка с ручкой, идущей от края устья до самого дна, который имел себе аналогию среди северокавказской керамики с. Урванское и Зеюково³². Не исключена возможность, что детское погребение № 6 (раск. 1961 г.), в котором найдена бронзовая гвоздевидная булава, могло быть несколько моложе по времени. Разновидности таких булавок весьма характерны для переходного к эпохе

³¹Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, рис. 48, 33.

³²А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА 23, М., 1951, т. V, 4. К. Э. Гриневич. Новые данные по археологии Кабарды. МИА 23, М., 1951, стр. 138, рис. 15 (третий справа).

раннего железа периода³³, имелись в материалах раннескифского времени. Это же относится к височным привескам с заходящими концами (рис. IV, 6), имевшими аналогию как в погребальном комплексе XI—VIII веков до н. э. (В. Рухти на Северном Кавказе)³⁴, так и в погребениях IX—VII веков до н. э. (Маралын-Дереси в Закавказье)³⁵.

Особенно интересно превалирование в инвентаре более верхних погребений Мугерганского могильника мисок третьей керамической группы, украшенных косыми насечками и семячководными вдавлениями. Они имеют аналогию материалам могильника близ Маралын-Дереси³⁶.

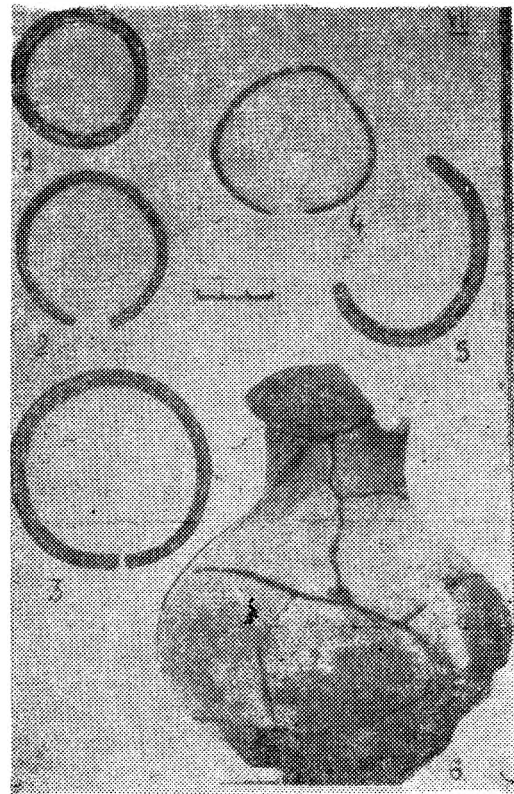

Рис. 7. Украшения и керамика из различных комплексов.

Как показывают материалы Мугерганского могильника, оседлые жители этой части Южного Дагестана имели довольно развитую культуру, обязанную своим происхождением

³³Б. В. Техов. Указ. раб., стр. 90, 96, таб. 2, 1—2.

³⁴Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 236.

³⁵Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, таб. XXIII.

³⁶Там же, таб. XIX, 2.

предшествующей культуре эпохи бронзы. Основными отраслями их хозяйственной деятельности было скотоводство и земледелие. Определение остеологического материала доцентом сельскохозяйственного института ДАССР кандидатом биологических наук К. Н. Золотовым дало возможность установить состав разводимого стада, состоящего из крупного и мелкого рогатого скота, свиней и лошадей. Характерно, что голова быка, обнаруженная на жертвенном месте, над погр. № 14 (раск. 1962 г.), принадлежала короткорогому быку с широким лбом (*Bos frontatus*), имеющемуся у местных жителей и поныне. Естественно, что разведение свиньи — показатель глубокой оседлости населения.

Расположение могильника неподалеку от реки Самур и близость к прибрежному торговому пути вдоль Каспия, способствовали установлению широких культурных и экономических связей с племенами.

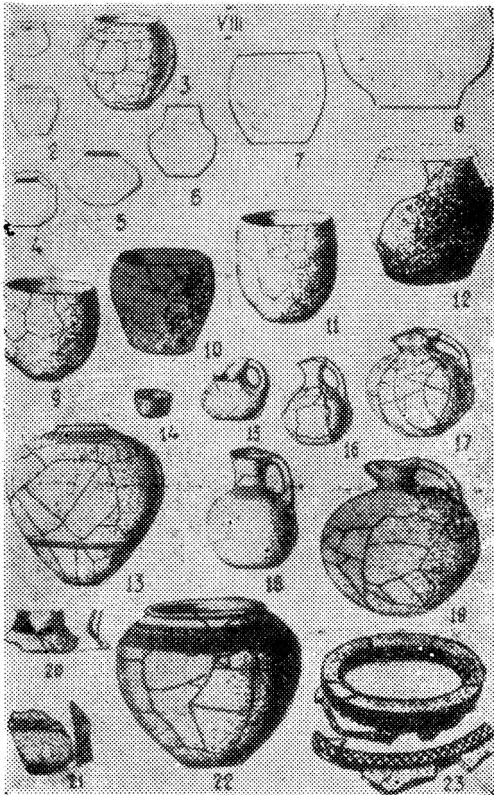

Рис. 8. Керамика.

Обращает на себя внимание наличие в погребальном инвентаре Мугерганского могильника типичных для раннескифской культуры Северного Кавказа предметов, вроде орнамен-

тированных кубков (п. № 11, раск. 10, 1962 г.), а также витой гривны с расплюснутым шитком, найденной и в Западной Грузии (с. Гоби на Лаче)³⁷, и в Крыму (Байдарская долина)³⁸.

Что касается отношений с населением Закавказья, то следует отметить имеющееся большое сходство материалов Мугерганского могильника с Самтаврским могильником Центрального Закавказья, особенно с древними погребениями раннего периода эпохи поздней бронзы, где также выявлены овалынные грунтовыми могилами с навалом из камней на дощатом перекрытии, скорченные костяки, положенные на бок или на спину, ориентированные на Ю-З и С-З.

Среди керамики Мугерганского могильника были сосуды, близкие по своим технологическим особенностям формам и орнаменту керамик из Самтаврского могильника, вроде сосуда первой группы со сфероидным туловом (рис. VIII, 22), кувшина с крутыми боками, украшенного гофрировкой по горлу (таб. VIII, 17, 19)³⁹, мисок с биконической формой тулова и отогнутым наружу венчиком⁴⁰.

В более молодых по возрасту могильниках, близ Земоавчал и Бешташени, также можно было обнаружить аналогию как типу погребального сооружения, так и способу захоронения умерших.

В Бешташенском правобережном могильнике, нижняя граница которого определяется XII—XI вв. до н. э., имелись сосуды весьма похожие на мугерганские — со сферическим туловом и гофрированным цилиндрическим горлом, посуда с шаровидным туловом и веревочным узором и миски биконического профиля⁴¹; применялся тот же способ украшения сосудов змейками⁴². Аналогии к металлическому инвентарю Мугерганского могильника весьма многочисленны и в Восточном Закавказье. Так, например, бронзовые иглы с кованым ушком (Ханлар, Куши, Еленендорф)⁴³, прутковые гривны с расплюснутыми концами

³⁷ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 290.

³⁸ «Известия археологической комиссии», вып. 30, СПб, 1909 г., рис. 24, 48.

³⁹ Г. А. Ломатидзе. Археологические раскопки в Мухете. Тбилиси, 1955, стр. 49—52.

⁴⁰ Т. Н. Чубинишвили. Древнейшие археологические памятники Мухета, таб. XV, №№ 5607, 3729, 853.

⁴¹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 65, 74, рис. 82, 83, таб. XIV, 8, 2.

⁴² Там же, рис. 84, стр. 74.

⁴³ Я. М. Гуммель. Археологические очерки, стр. 18, ф. 7, 7, стр. 133, фиг. 3, 12; Еленендорф. ГИМ № 77, 36 б; МАК VI. таб. IX, 9.

(Сейфала)⁴⁴, многовитковые привески-перстни (Кущи, Топал-Хасанли)⁴⁵, встречающиеся, кстати, по всему Закавказью — от Бештешени до Мингечаура⁴⁶ — близки Мугерганским. Следует еще упомянуть височные кольца с заостренными заходящими концами⁴⁷, лунницы-привески⁴⁸, костяные пряслица⁴⁹, пастовые бусы-разделители дисковидной формы и рифленые (Кущи, Ханлар, Кедабек)⁵⁰.

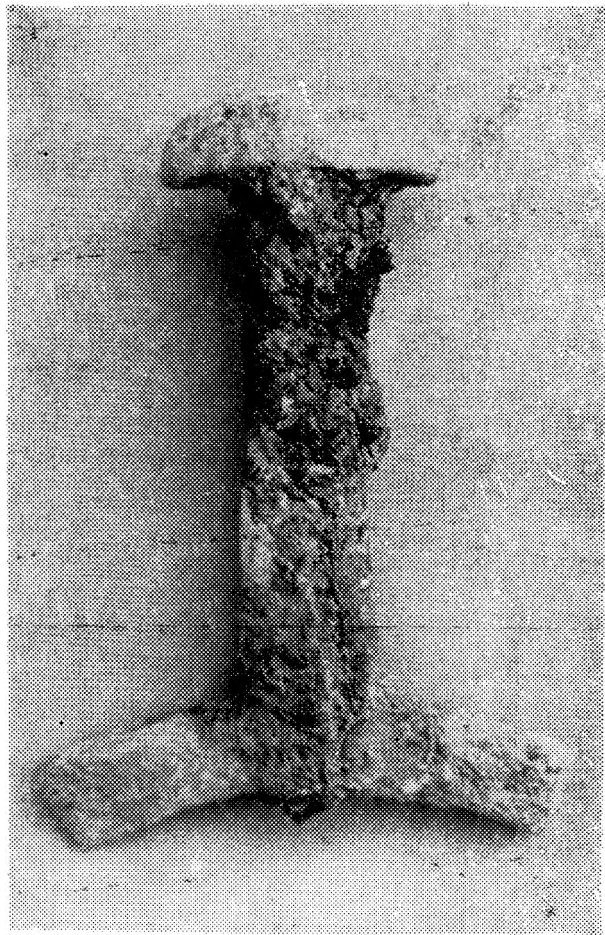

Рис. 9. Биметаллическая ручка меча из погребения № 1 раскопа I 1959 года.

⁴⁴ Топал-Хасанли. ГИМ VII, 30 (11а). Розендорф. 1903.

⁴⁵ Я. И. Гуммель. Указ. раб., стр. 134, фиг. 4, 30; Г. М. Астанов, Р. М. Ваидов, Г. И. Йоне. Древний Мингечаур, таб. XVII, 29.

⁴⁶ Б. А. Куфтин. Указ. раб., рис. 39—3, стр. 42; В. П. Фоменко. Грунтовое погребение № 63 в Мингечауре, таб. I, 8.

⁴⁷ Я. И. Гуммель. Археологические очерки, фиг. 12, VI—5; МАК VI, т. I, 14.

⁴⁸ Я. И. Гуммель. Указ. раб., стр. 18, фиг. 7, X—7; МАК VI, т. XVI, 22.

⁴⁹ МАК VI, XV, II, стр. 139, 141.

⁵⁰ Там же, стр. 137; МАК VI, таб. X, 14.

Некоторое сходство имеют и керамические формы, вроде чаш с развернутым устьем⁵¹, мисок с отогнутым наружу венчиком и биконической формы со срезанным устьем, кувшинов с водосливным носиком.

Вряд ли можно сомневаться, что широкое распространение по всей обширной территории Закавказья, Южной Осетии, Приамурья и Дагестана однотипных форм некоторых украшений и бытовой утвари, а также сходных технологических приемов их изготовления, было вызвано, в первую очередь, межплеменным обменом и тесным культурным общением населения этих областей Кавказа. Близость как духовной, так и материальной культуры жителей Южного Дагестана восточной и центральной части Закавказья, прослеживающаяся и в переходный от бронзы к железу период говорит о том, что здесь следует искать более глубокие и древние истоки их общего происхождения.

Материалы Мугерганского могильника дают основания полагать, что освоение железа

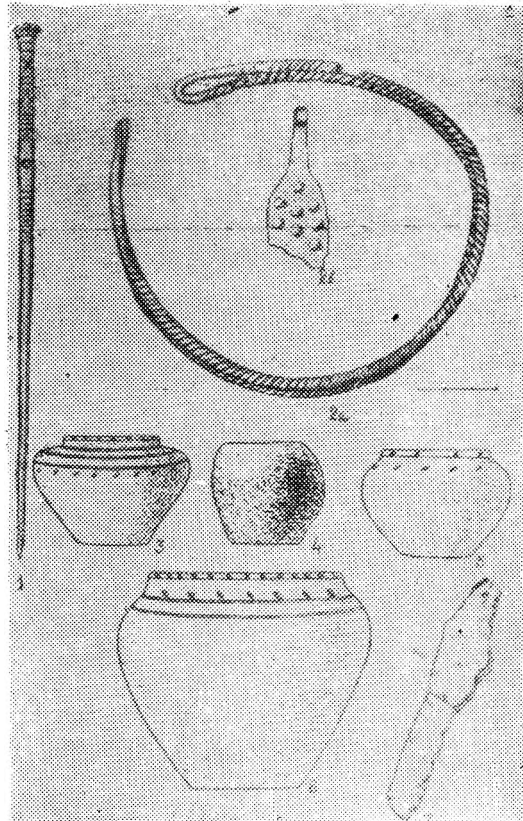

Рис. 10. Керамика, украшения и железный нож из комплексов могильника.

⁵¹ Я. И. Гуммель. Указ. соч., фиг. 12, 1—8.

населением Северо-Восточного Кавказа шло одновременно с освоением его на Северном Закавказье и Восточном Закавказье и на немного запаздывало по сравнению с районами Центрального Закавказья.

Только недостаточная изученность Дагестана в археологическом отношении и знакомство на этой территории (до недавнего времени) преимущественно с памятниками эпохи бронзы заставляли многих исследователей синхронизировать памятники каякентско-хорочоевской культуры с хаджалло-кедабекской и древне-кобанской культурами и продлевать ее до VIII вв. до н. э. включительно⁵², а также вести ее от начала I тыс. по VII⁵³ и даже по VI—V вв. до н. э.⁵⁴, и, следовательно, признавать отсталость в развитии культуры населения Северо-Восточного Кавказа.

Дальнейшее накопление материалов эпохи бронзы по побережью реки Сулак, нахождение на Нижне-Сигитминском поселении, в зоне месторождения железных руд, кусков рудонесной породы, являющихся отходом при выплавке железа⁵⁵, показали ошибочность прежнего утверждения и заставили многих авторов пересмотреть, казалось бы, незыблемые даты

и поставить вопрос о более древнем бытовании каякентско-хорочоевской культуры эпохи поздней бронзы⁵⁶. К тому же в Дагестане имелись все условия для развития местной черной металлургии: богатство лесом, опыт металлообработки в эпоху бронзы и два крупных, и весьма доступных для разработок, центра залегания сидерита на побережье реки Сулак и в долине реки Самур⁵⁷.

По мере расширения фронта археологических работ, выяснилось, что на территории Северо-Восточного Дагестана первые железные изделия появляются в X—XIII вв. до н. э. (Дагбашский могильник)⁵⁸. Довольно характерные материалы из Макинского⁵⁹ и Хабадинского⁶⁰ могильников высокогорья показывают широкое распространение железных изделий в погребальных комплексах VII—VI вв. до н. э.

Только с обнаружением такого недостающего звена, каким является Мугерганский могильник, стало возможным установить, что для населения древнего Дагестана переходный период от эпохи поздней бронзы к эпохе раннего железа находится в рамках с XI—X по VIII—VII вв. до н. э.

⁵² А. П. Круглов. Памятники предскифского времени Северо-Восточного Кавказа. «Ученые записки ЛГУ», серия исторических наук, вып. 13, Л., 1949, стр. 127.

⁵³ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского с. Тарки. МИА, вып. 23, М., 1952, стр. 254.

⁵⁴ Е. И. Крупнов. Каякентский могильник — памятник древней Албании. Труды ГИМ, вып. XI, М., 1940.

⁵⁵ К. Э. Бреде. Отчет о раскопках в 1956 г. археологических памятников на Сигитме. Рукоп. ф. ИИЯЛ, д. № 2142, стр. 19.

⁵⁶ В. И. Канивец. Вопросы периодизации и хронологии бронзового века Дагестана. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. № 2409.

⁵⁷ К. К. Гюль, С. В. Власова, И. М. Кисин, А. А. Техтеров. Физическая география Дагестанской АССР, М., 1959, стр. 57—58.

⁵⁸ М. И. Пиккуль. Дагбашский могильник. «Ученые записки ИИЯЛ», т. IX, М., 1961, стр. 296.

⁵⁹ В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана. МАД I, М., 1959, стр. 139—145.

⁶⁰ М. И. Пиккуль. Хабадинский могильник. МАД II, М., 1961.

Д. М. АТАЕВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ГОРНОМ ДАГЕСТАНЕ ОСЕНЬЮ 1962 г.

В ноябре 1962 г. Горный отряд Дагестанской археологической экспедиции производил археологические работы в Гунибском, Ботлихском и Хунзахском районах¹. В процессе работы был выявлен ряд средневековых памятников-поселений и могильников, часть которых была подвергнута раскопкам, носящим преимущественно разведочный характер. Некоторым результатам этих работ и посвящена настоящая статья.

Раскопки близ аула Ботлих

На расстоянии 1,5 км к югу от селения Ботлих, в урочище «Целеъе реке» («Виноградная лоза») расположены средневековый могильник и поселение. Местность эта представляет собой крутой гребень одного из отрогов Андийского хребта, прорезающих долину Андийского Койсу в меридианальном направлении. С севера он соединяется с отрогом узким перешейком. Южная оконечность гребня менее крутая, чем ее борта, и постепенно опускается к реке. Здесь, а также на невысоком холме, который увенчивает вершину гребня, прослеживались строительные остатки и встречались фрагменты красноглиняной керамики, типичные для средневековых поселений Дагестана². (рис. 1а).

¹ Состав отряда: Д. М. Атаев — начальник отряда, М. Г. Магомедов, М. М. Маммаев, Р. Ш. Шарпутдинова — научные сотрудники, Л. Керимова, М. Алиев, К. Магомедов — рабочие, В. Носов — шофер.

² Согласно старинному преданию раньше на этом месте существовал аул искусных гончаров. Между гончарами и ботлихцами были весьма неприязненные отношения, нередко выливавшиеся в кровавую вражду. Изнуренные борьбой горцы решили кончить спор поединком. Хитростью ботлихцу удалось победить соперника. И тогда гончары, выполняя условия единоборства, покинули свой аул и основали новый. Этот аул и есть якобы прославленный Балхар. Таково краткое содержание популярной среди ботлихцев легенды, отдельные мотивы которой (решение спора единоборством) восходят вероятно к средним векам. Любопытным является то, что в легенде определяется профессия жителей древнего аула, это отразилось и в названии его на ботлихском языке «ЩогъучЮ гъанлъя». (Аул гончаров).

Еще в 1957 году в обресе шоссеиной дороги Ботлих—Агвали, огибающей основание гребня, виднелись остатки каменной кладки, печина и сильно прокаленные камни, заключенные в довольно большие линзы из мощных угольных и зольных слоев. Эти данные наводили на мысль о том, что здесь находились разрушенные печные конструкции. Однако

Рис. 1а. Общий вид Ботлихского укрепленного поселения.

в последующем значительная часть культурного слоя была срезана при неоднократно проводимых здесь дорожных работах, что привело к полному разрушению этой предполагаемой конструкции. Поэтому для исследования были выбраны другие участки, расположенные на вершине гребня. На расстоянии 20 м к северу от упомянутого выше холма встречается обильный подъемный материал: фрагменты больших красноглиняных пифосообразных сосудов и красноглиняных кувшинов с водосливными носиками, несколько зернотерок, бронзовая головка животного и обрывки сильно окислившейся кольчуги. Этот материал находился в перемежку с большими кусками истлевшего

дерева, принятыми нами сначала за остатки перекрытий помещений.

Здесь, на небольшой ровной площадке, был разбит раскоп размерами 35 кв. м. (рис. 1).

Почти на самой поверхности раскопа окаптуривались отдельные камни, а также узкие овальные и прямоугольные ямы. В верхнем слое, а также в заполнениях ям, представляющих собой мягкую сланцевую щебенку с примесью мелкозема, обильно встречались кости животных, фрагменты керамики, а иногда и целые сосуды. Так, например, в 6 квадрате найден довольно большой пифосообразный сосуд из светло-коричневой с примесью белых частиц глины. Другой подобный же сосуд найден в 27 квадрате (рис. 1).

Местами (особенно между овальными ямами) выступал материк в виде плотно слежавшегося сланца.

В процессе работы выяснилось, что перед нами сильно ограбленный могильник. Несмотря на ограбленность, удалось установить характер погребальных сооружений и обрядов, а также получить интересный инвентарь. Все захоронения производились в деревянных гробах, опущенных в грунтовые ямы. Их размеры колебались от 0,7×2 м. до 1×2,5 м. Максимальная глубина от дневной поверхности 0,8 м.

В отдельных случаях у стенок ям находились поставленные на ребро небольшие плиты. Возможно, это остатки каменной выкладки. Всего было обнаружено 7 сильно ограбленных погребений. Судя по остаткам отдельных погребений (например № 5, 7) захоронения производились на спине, вытянуто, головами на юго-восток.

Опишем эти погребения.

Погребение № 1. Располагалось в квадратах 3—13. Грунтовая яма подпрямоугольной формы, отчетливо прослеживаемая в юго-восточной части, с противоположной стороны ограждалась широкой тонкой плитой. Несколько каменных плит (рис. 1) меньших размеров было обнаружено и в юго-восточной концевой части. В яме сохранились следы деревянного гроба (дна и частично стенок). Инвентарь представлен красноглиняным кувшином с водосливным носиком (рис. 2, 1) и другим, тоже красноглиняным, но слегка фрагментированным кувшином (рис. 3, 1).

Погребение № 2. Располагалось в 6, 9, 14—15 квадратах. Здесь хорошо прослеживалась грунтовая яма, отделенная от первой материком. В заполнении встречались остатки деревянных плах, фрагменты керамики и небольшое количество костей животных.

В профиле разреза ямы довольно отчетливо прослеживались 2 ряда досок (дно и крыша гроба), отделенных друг от друга землей. Местами удалось зафиксировать и его стены.

В яме сохранился большой пифосообразный сосуд, а к западу от него три бронзовые пряжки: две с зооморфными концами (рис. 3, 19), третья — фигурная (рис. 4, 16).

Погребение № 3. Располагалось в 7—10 квадратах.

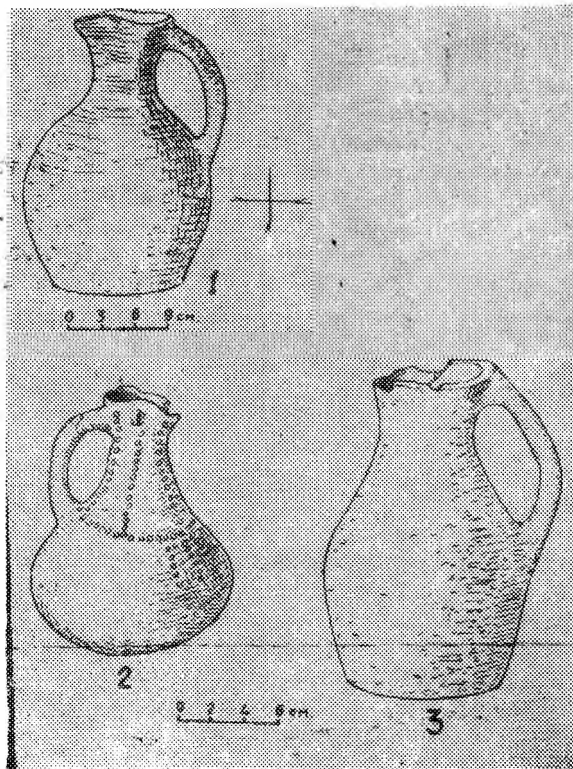

Рис. 2. Ботлихский могильник. Керамика.

Здесь были прослежены контуры могильной ямы и сильно истлевшие остатки деревянных досок. Инвентарь состоял из железного проволочного и бронзового с гвоздевидными концами браслетов, (рис. 3, 4) зеркала с петель для подвешивания, украшенного геометрическим орнаментом, (рис. 3, 18) и двух красноглиняных кувшинов с водосливными носиками. Один из кувшинов имеет зооморфные налпы (рис. 5, 10), другой украшен врезными линиями, образующими поясok (рис. 5, 11).

Погребение № 4. Располагалось в 1, 24 квадратах. Здесь в небольшом углублении сохранились остатки истлевших досок. Инвентарь состоял из витого стеклянного браслета зеленоватого цвета (рис. 6, 1), подвески в виде

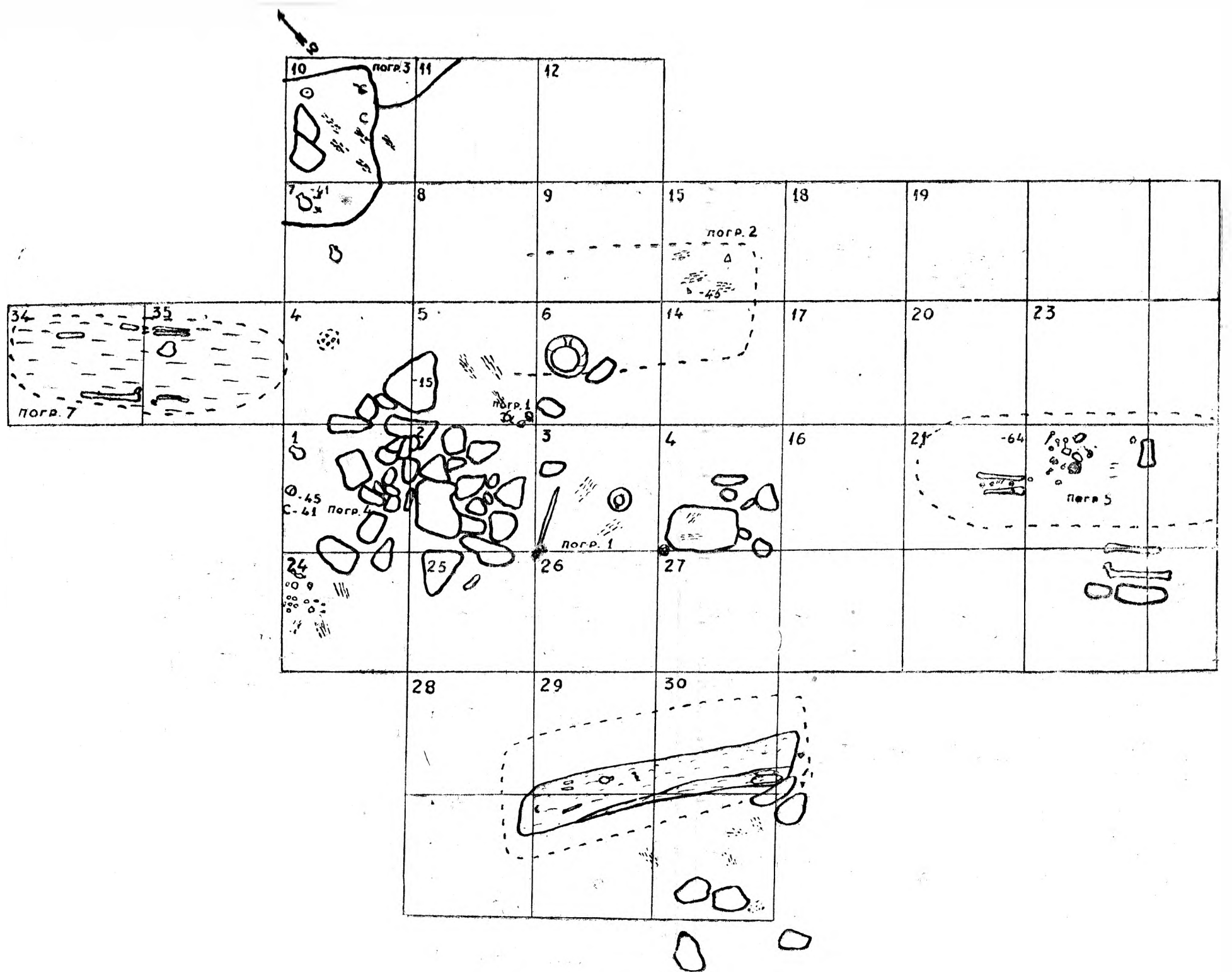

Рис. 1. План Ботлихского могильника.

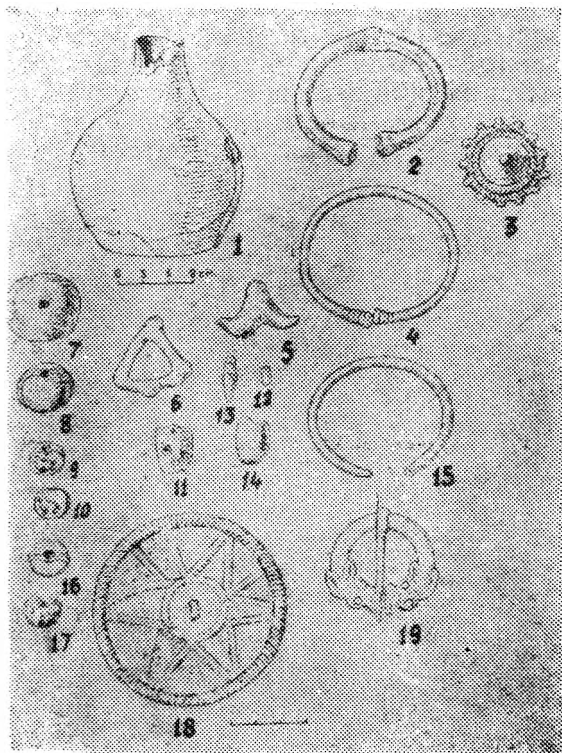

Рис. 3. Инвентарь Ботлихского могильника.

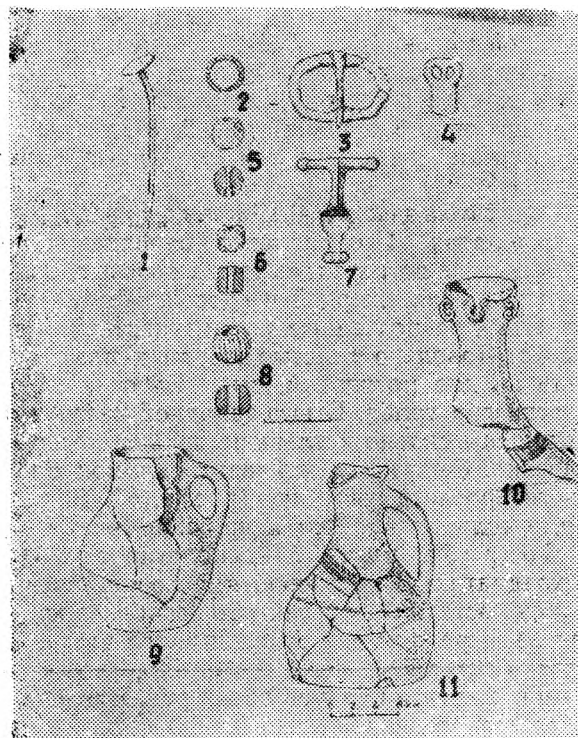

Рис. 5. Инвентарь Ботлихского могильника.

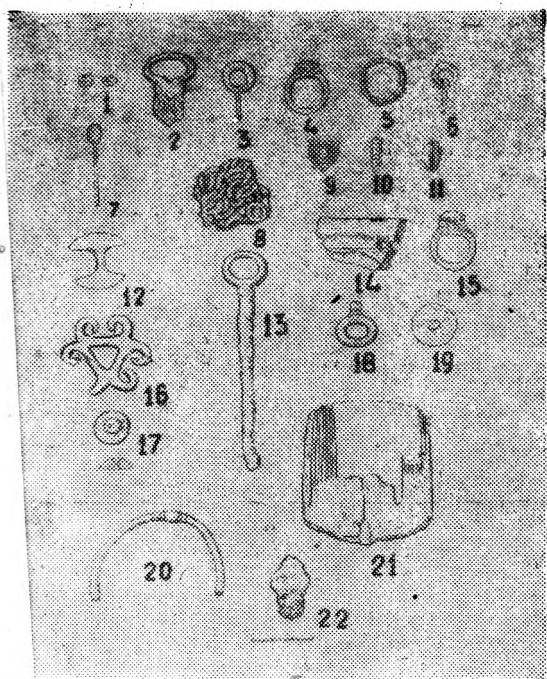

Рис. 4. Инвентарь Ботлихского могильника.

головой женщины с типичным для андийки головным убором (рис. 7, 1), бронзового зеркала с рельефным орнаментом в виде змеи и с петлей для подвешивания (рис. 7, 3), бронзового браслета с 4 бочковидными утолщениями (рис. 7, 5) и красноглиняного кувшина с цилиндрическим горлом (рис. 5, 9). Кроме

того, здесь были найдены: обломки стеклянного бокала (рис. 7, 2), бронзовая подвеска в виде головки петушка (рис. 6, 14), два перстня со вставками (рис. 6, 16, 17), бронзовая умбовидная бляшка с ажурным краем (рис. 3, 3) и сердоликовые бусы различных форм (рис. 4, 17, 5, 6, 6, 10, 19).

Погребение № 5. Могильная яма располагалась в 21—22 квадратах. При зачистке хорошо прослеживались остатки дна гроба. В анатомическом порядке лежали большие берцовые кости. На них хорошо сохранились остатки мягкой обуви типа ноговиц, с двумя миниатюрными бронзовыми пряжками (рис. 4, 6). Здесь же найдены несколько бронзовых и сердоликовых бус. В центре ямы обнаружены остатки деревянной расчески (рис. 4, 21), бронзовая булавка с цепочкой, бронзовый колокольчик (рис. 6, 21), бубенчики, остатки железного ножичка, застежка (рис. 4, 12), же-

лезный стержень, оканчивающийся бронзовым кольцом (рис. 4, 13), перстень со вставкой (рис. 4, 4), небольшие обломки стеклянного бокала, бронзовая бляшка, приклеенная к коже при помощи стерженька, обрывки кольчуги (рис. 4, 8), две серьги в виде незамкнутого колечка с бусинными колонками. Одна из них была покрыта позолотой. Бусины представляют собой деревянные шарики, обтянутые листовой медью (рис. 7, 4). Кроме того, найдены бусы: стеклянные, пастовые и керамические. К северо-востоку от этих находок — красноглиняный кувшин (рис. 2, 3), у южного края могилы, в выбросе, лежали две бедренные кости (рис. 2).

Погребение № 6. Располагалось в 29—30 квадратах. При зачистке заполнения могильной ямы встречались куски толстых, сильно истлевших жердей и досок, фрагменты керамики, разрозненные кости животных и человека. Довольно толстые жерди и плахи лежали на дне могильной ямы. Вероятно, это остатки дна гроба. В юго-западной части ямы расчищены сильно истлевшие трубчатые кости человека. Около них найдены: обломок бронзового браслета, колечка (рис. 4, 15) и подпрямоугольная бронзовая пряжка (рис. 5, 3).

Погребение № 7. Располагалось в 34—35 квадратах. В грунтовой яме хорошо сохранились остатки деревянного гроба и куски железа, скрепляющие отдельные его части. От костяка остались, лежащие *in situ*, локтевые кости и фаланги пальцев обеих рук, кости таза и большая берцовая кость левой ноги.

Помимо находок, сделанных на раскопе, отдельные изделия встречались и за его пределами. Это были: бронзовая фибула (рис. 5, 7), два браслета (рис. 3, 15) и обломок третьего с бочковидными утолщениями (рис. 4, 20). Дальнейшее расширение раскопа не дало результатов и работы здесь были прекращены.

Этой небольшой площадкой в сущности и ограничивается территория грунтового могильника.

Местные жители сообщили нам месторасположение другого могильника из каменных ящиков. Последний располагался у подножья гребня, с западной стороны, выше развилки дороги Агвали—Карата. Здесь, при дорожных работах были разрушены несколько каменных ящиков с очень бедным инвентарем. Единственными находками по сообщению местных жителей были красноглиняный кувшин и небольшой железный ножичек. В 1963 году здесь были произведены небольшие зачистки, в результате которых обнаружен полу-

разрушенный каменный ящик, где лежал костяк человека вытянуто на спине, головою на юго-восток. (рис. 8)³, около которого найден красноглиняный кувшин с длинным цилиндрическим горлом, не отличающийся по тесту от сосудов, обнаруженных в грунтовой могильнице.

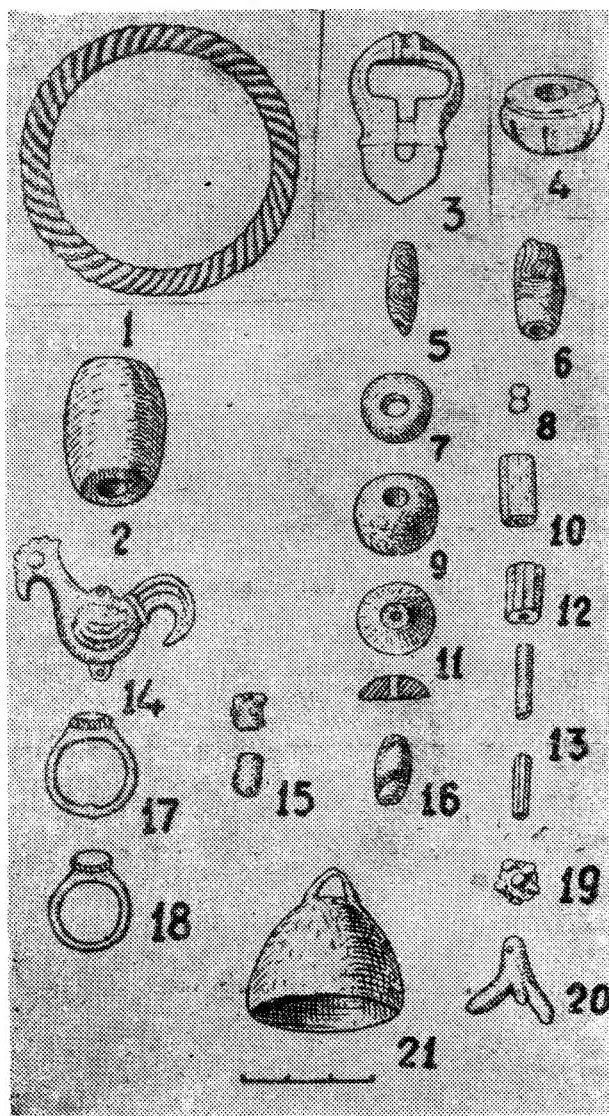

Рис. 6. Инвентарь Ботлихского могильника.

Хотя полученный при исследовании Ботлихского могильника материал и не велик, тем не менее он дает основание для датировки могильника и некоторых выводов исторического порядка, носящих, правда, предварительный характер

³ Этот могильник получил наименование Ботлихский могильник № 2.

Совершенно очевидно, что небольшая площадь грунтового могильника дает основание полагать, что он функционировал непродолжительное время, как это мы можем утверж-

дать и относительно другого могильника из каменных ящиков. Этот могильник (могильник № 2) находился у подножья гребня и занимал видимо площадь в несколько раз больше, чем площадь грунтового могильника. Таким образом, несмотря на то, что при раскопках Ботлихского могильника № 1 не были найдены четкие, расположенные *in situ*, археологические комплексы и наряду с вещами, имеющими несколько поздний облик (витой стеклянный браслет), были встречены изделия, широко распространенные в более раннюю эпоху (шарнирная фибула с перекладиной, застежка, зеркало с геометрическим орнаментом, некоторые типы сосудов — кувшины с водосливным носиком), весь материал, обнаруженный на этом могильнике, может рассматриваться как более или менее единый в хронологическом отношении комплекс.

Последние изделия (фибулы и кувшины) являются характерными для горного Дагестана в начальные века раннего средневековья (VI—VII вв. н. э.)⁴.

Но эти предметы весьма многочисленны в инвентаре Ботлихского могильника № 1 (список их ограничивается вышеприведенными примерами). Основная же масса материала из Ботлихского могильника хорошо укладывается в рамки VIII—X вв. Это относится прежде всего

к браслетам с бочковидными и гроздевидными утолщениями, серьгам с бусинными колонками и выступом сверху колечка, к зооморфным и фигурной пряжкам, умбовидной бляшке, перстням со вставками и многим бусам и стеклянным изделиям.

Так, например, браслеты с бочковидными утолщениями известны нам из центральной Аварии (Баитлинский и Харахинский могильники); они являлись специфическими изделиями, характерными для этого района⁵. За последние годы количество их находок значительно возросло. Они были обнаружены

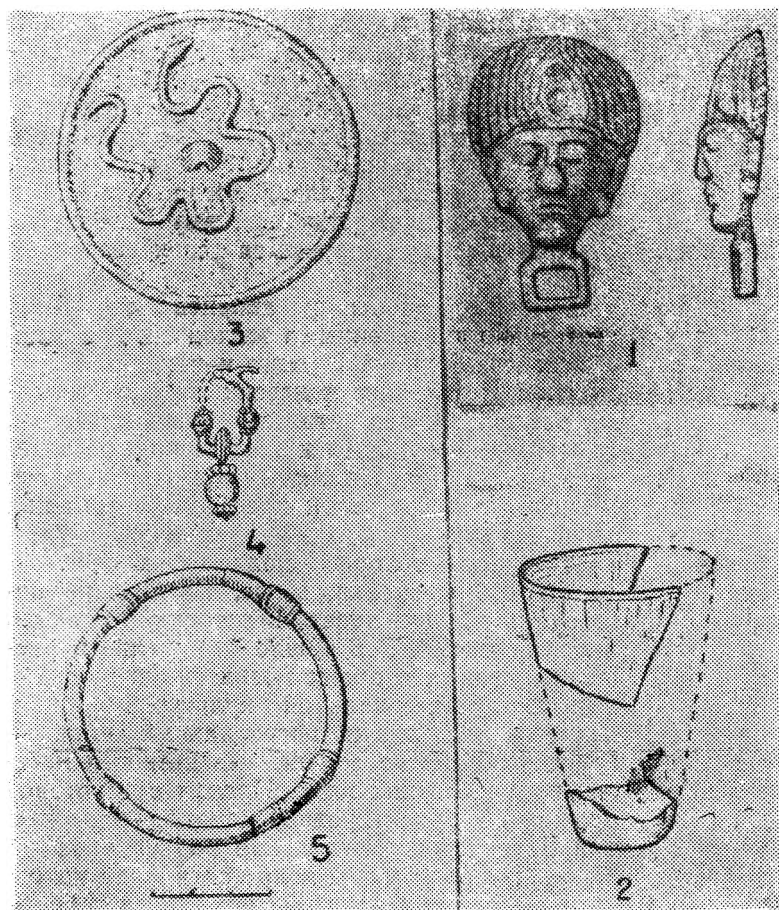

Рис. 7. Инвентарь Ботлихского могильника.

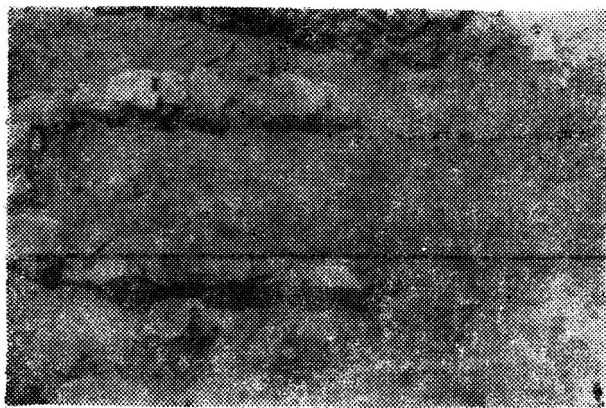

Рис. 8. Ботлихский могильник. Остатки каменного ящика.

⁴ Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963, стр. 63—64, 72—75.

⁵ Д. М. Атаев. Указ. соч., стр. 10 а.

в селении Унцукуль, в Хунзахе и в Аркасе⁶.

Серьги с бусинными колонками датируются также в рамках VIII—X вв.! Они были известны в Дагестане главным образом из Агачкалинского могильника⁷, но в последнее время районы их распространения значительно расширились. Они были выявлены: в Галлинском, Шюродинском, Урадинском и других могильниках, датируемых нами VIII—X вв.⁸ Наиболее прямые аналогии к серьгам, найденным в Ботлихском могильнике, дают Узунталлинские склепы, при раскопках которых найдены такие же серьги, бусины из них представляли обтянутые серебром деревянные шарики⁹.

В это же время (VIII—X вв.) в Центральной Аварии широко бытовали и перстни со вставками, аналогичные найденным в Ботлихском могильнике. Что же касается зооморфной пряжки, умбоновидной бляхи, головной булавки с цепочкой, то они обнаруживают близость к изделиям, найденным в средневековых памятниках Дидо, в частности в Бежтинском могильнике. В комплексах этого могильника найдены и бронзовая головная булавка, аналогичная булавке из Ботлиха¹⁰, и умбоновидная бляха. Нередки среди дидойских находок и сульгамовидные пряжки с зооморфными концами. Концы в виде головок животных обработаны у пряжки, найденной в Бежта¹¹, так же как и у ботлихской пряжки. Изображение животных на конце ботлихских пряжек похоже на бежтинское, особенно трактовкой отдельных деталей, например, ушей. В этом нетрудно убедиться, рассмотрев изделия из Бежта: пряжки, фибулы¹².

Особый интерес представляет подвеска в виде женской головы, с характерным для Западного Дагестана женским головным убором; он напоминает головной убор андийки. Культовое назначение подвески совершенно очевидно. Женский головной убор в прошлом, как и некоторые другие элементы женского костюма, имели, видимо, ритуальное значение¹³. Об этом свидетельствуют пышные голов-

ные уборы, расшитая нарядная обувь, обнаруженные в Бежтинском могильнике, имеющие ритуально-магическое значение. Это же подтверждается и этнографическими данными, свидетельствующими, что апотроноее значение головного убора проявлялось в горном Дагестане в повседневном быту весьма широко. Достаточно сказать, что девушка считалась обесчещенной, если с нее снимали головной убор. Даже самые яростные потасовки и драки, в том числе и с применением оружия, мгновенно прекращались, когда прибегали к последнему и верному средству — женщины кидали в толпу дерущихся свои головные уборы.

Головные уборы у аварцев считаются достаточно проверенными эталонами для этнических атрибуций¹⁴. Видимо и находка в Ботлихском могильнике подвески женской головки, с типичным для андийки головным убором, позволяет нам придти к заключению об этнической принадлежности этого могильника. Безусловно он оставлен предками населения относящимися к андийской языковой группе, аборигенность которых вполне очевидна¹⁵.

Как было показано выше, Ботлихский могильник обнаруживает некоторую близость к Бежтинскому. Это нашло отражение в распространенных в обоих могильниках одинаковых форм материальной культуры. Общим является для них и погребальный обряд — грунтовые, иногда отмеченные камнями могилы, наличие в них плах. Правда с некоторой разницей в ориентировке костяков — погребения Ботлихского могильника на Ю и ЮЗ¹⁶. Наконец любопытным является и факт находки в Ботлихском могильнике (в погребении № 5) остатков кожаной обуви, рядом с которой лежали бронзовые и сердоликовые бусы; вместе с найденными здесь же миниатюрными пряжками они являются, по-видимому, элементами украшения обуви. Аналогичная обувь была выявлена и в Бежтинском могильнике¹⁷.

Другие же формы материальной культуры, а именно: браслеты (с бочковидными и гвоздевидными утолщениями), фибула, серьги с бусинными колонками, перстни со вставками, как было показано выше, являлись характерными для Центральной Аварии. Таким образом, особенностью ботлихского могильника

⁶ Найдены случайно при земляных работах. Хранятся в ИИЯЛ.

⁷ К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. КСИИМК, вып. XXXVIII, рис. 51, 56.

⁸ Обзор этих находок см. в работе Д. Атаева, *Горный Дагестан в раннем средневековье*, стр. 100—102.

⁹ Н. Д. Путинцева. Отчет о полевых исследованиях I-го Чиркейского отряда. Рук. фонд ИИЯЛ № 2635, табл. XXX и далее.

¹⁰ Д. М. Атаев. Указ. соч., рис. 176.

¹¹ Там же, рис. 17, 14.

¹² Там же, рис. 15, 2—3 и рис. 16, 3.

¹³ Там же, стр. 113—123.

¹⁴ З. А. Никольская, Е. М. Шиллинг. Женская народная одежда аварцев. КСИЭ, вып. 18, М., 1953, стр. 19.

¹⁵ М. А. Агларов. Андийцы. Этнографический очерк. Рукопись кандидатской диссертации.

¹⁶ Д. М. Атаев. Указ. соч., стр. 109.

¹⁷ Там же, стр. 122.

является наличие в нем специфических черт, характерных как для могильников Центральной Аварии, так и Дидойско-Копучинских районов. Эти районы в раннем средневековье представляли собой два самостоятельных культурных очага с различиями в материальной культуре. Ботлихский могильник видимо располагался на стыке этих культурных очагов и в какой-то степени отразил границу ареалов распространения этих культур: культуры Центральной Аварии и Дидойско-Копучинских районов.

Наконец еще одно интересное наблюдение, сделанное при раскопках Ботлихского могильника. Это — расположение небольшого могильника на естественно укрепленном гребне. Рядом с холмом, как выяснилось позже, располагались строительные остатки — следы жилых, а возможно и оборонительных сооружений. Чем объяснить факт такой «изоляции» небольшого кладбища с весьма богатым и пышным погребальным инвентарем? И почему могильник, где сделаны незначительные находки, располагался у подножья гребня, так сказать на открытом месте? Не отражает ли это различие факты разного общественного положения двух групп населения, оставившего Ботлихский могильник? То есть социальное различие?

Раскопки Ураллинского могильника

На расстоянии 8 м. к западу от раскопа Ураллинского могильника в 1959 г. выявлен полуразрушенный каменный ящик с боковыми стенками, сложенными из вертикально поставленных плит. Он был ориентирован по линии С-З, Ю-В. У двух сохранившихся плит найдены железные удила, (рис. 9, 1) много осколков очень тонкого стеклянного сосуда и зерно-терка.

Рядом с раскопом 1959 года обнаружена еще одна полуразрушенная грунтовая могила. Судя по раздавленному черепу и расположению вещей, ориентация покойника была на С. При черепе найдены: бронзовые составные височные привески с четырнадцатигранником, головные булавки, аналогичные найденным здесь в 1959 г. У вновь найденных отсутствовали навершия — серебряные шляпки с зерны и вставками. Здесь же располагались пастовые цилиндрические пронизки белого цвета и пастовая же подвеска в виде треугольника с 4 отростками. К югу от черепа лежал бронзовый браслет с тремя утолщениями.

На расстоянии 4 метров к северу от этого

погребения раскопано еще одно грунтовое захоронение. Костяк подростка лежал на спине, вытянуто, головой на С. У височных костей раздавленного черепа лежали 4 пастовые бусины конической формы, обтянутые бронзовой проволокой (по 2 с каждой стороны), между ними на лобной кости располагались еще несколько бус с проволочными петлями для

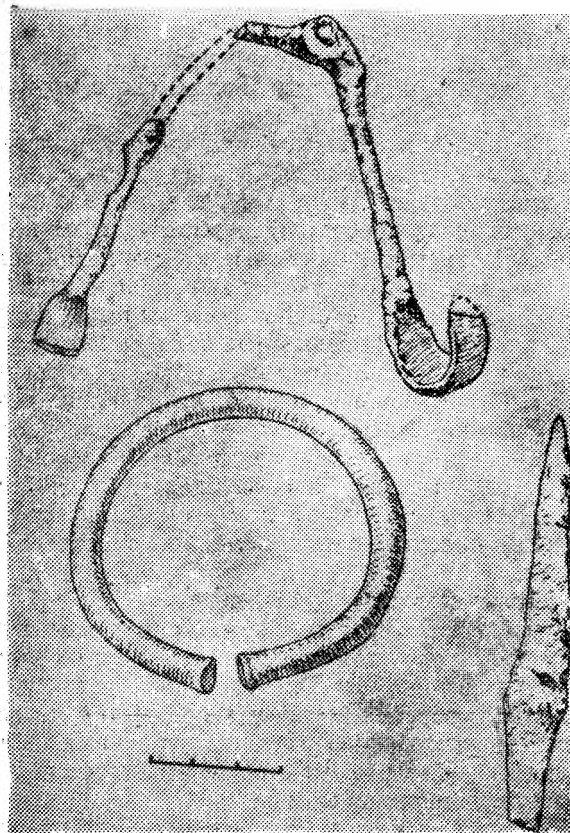

Рис. 9. Инвентарь Ураллинского могильника.

подвешивания. У шейных позвонков найдены бронзовый колокольчик, пастовые белые цилиндрической формы бусины, 2 разделителя и пастовая бусина округлой формы с выступами. На правой руке погребенного был надет бронзовый браслет с тремя утолщениями. Здесь же лежали сердоликовые округлой формы и 1 биконическая крупная пастовая бусины. Аналогичные находки были сделаны еще в 1959 г. Здесь при раскопках грунтового могильника был обнаружен комплекс, состоящий из височной привески с полый бусиной в виде куба со срезанными углами, проволочного браслета с тремя утолщениями, булавки с конической головкой, украшенной сердоликовой вставкой

и зернью, а также набор различных бус, из которых обращали на себя внимание пастовые цилиндрические бусы и разделители, пастовые же подвески в виде треугольника с 4 отростками. Комплекс был датирован V—VII вв.

Любопытно, что на Ураллинском могильнике выявлены захоронения в каменном ящике. Можно полагать, что два различных способа погребения на этом могильнике следует объяснить соображениями не этнического, а скорее хронологического порядка, что наблюдалось при раскопках Галлинского могильника¹⁸.

Не менее любопытной является и находка зернотерки. Видимо она, как и удила, имела отношение к данному ящику, т. к. все это было обнаружено в пространстве между двумя плитами, образующими боковые стенки каменного ящика. В таком случае мы имеем дело с интересной деталью погребального обряда аварцев, аналогии к которым мы пока не знаем.

Тлогобский могильник. На северной окраине селения Тлогоб, на довольно ровной площадке, в 1959 году при постройке скотного двора были разрушены несколько каменных ящиков. Со слов председателя колхоза Херцалова Омара при этом были обнаружены красноглиняные кувшины и железные сабли.

Могильник у селения Сех. При постройке картофельной ямы на колхозном току было разрушено несколько каменных ящиков. В них обнаружены: бронзовые браслеты и кольца, остатки железных предметов и толстостенные кувшины. При осмотре нами были найдены обломки горловины толстостенного красноглиняного кувшина.

Могильник у селения Балануб. На расстоянии 200 м. к югу от селения на левом борту оврага, виднелись каменные ящики различных ориентаций. Этот могильник был известен еще Е. Козубскому, который сообщил о находках, сделанных при разрушении каменных ящиков¹⁹.

Ураллинский могильник № 2.

Могильник расположен на расстоянии 100 м к югу от селения Нижнее Уралла. Участок, занимаемый могильником, представляет собой сильно террасированное кукурузное поле под названием «Уралла бакълы». В 1962 году

¹⁸ Там же, стр.

¹⁹ «Заметки о памятниках и остатках старины Дагестанской области». Составил Е. И. Козубский. «Дагестанский сборник», вып. I. Темир-Хан-Шура, 1902, стр. 158.

колхозник Джаватханов Гаджи при земляных работах разрушил каменный ящик. По его словам в могиле лежали сабля и глиняный кувшин. Сохранилась только северная стенка ящика, образованная из трех стоящих на ребре плит. По верхнему краю этих плит лежали маленькие камни, служившие для выравнивания поверхностей боковых стен. Рядом со стенкой валялись еще три плиты и человеческие кости. In situ сохранились кости голени и фаланги пальцев ноги, причем левая голень лежала на правой (рис. 10). Рядом с этими костями найдены: обломки железного клинка, (рис. 9, 2) сердоликовая, округлой формы бусина и красноглиняный ангобированный кувшин, орнаментированный врезными кружочками (рис. 10).

Средневековые поселения у Куядинских хуторов

Тлогобское поселение. На расстоянии 1,5 км к югу от селения Тлогоб, в местности Судала, на вершине высокого холма расположено средневековое поселение. По словам местных жителей, здесь при земляных работах встречаются обломки толстостенных пифособразных сосудов и толстые обгорелые бревна.

Ураллинское поселение. На юго-восточной окраине селения Уралла расположено средневековое поселение. При пахоте на окраине селения среди строительных остатков встречались обломки толстостенных пифосов и красной ангобированной керамики. Местные жители показали нам камень с геометрическим орнаментом, найденный здесь. Другой камень с изображением барана и других животных разбили и вмонтировали в стену строения. На поселении собран подъемный материал: обломки керамики, печина, оселок и керамический шлак.

Поселение у сел. Сех. К западу от селения, на колхозном току, расположено еще одно средневековое поселение. Помимо тока поселение простиралось и на довольно ровное кукурузное поле. Общая площадь его 500×100 м.

Подъемный материал состоял из обломков больших пифособразных сосудов красного цвета, красной ангобированной, залощенной керамики и одного фрагмента зеленой поливной. При постройке картофельных ям рядом с током, на глубине 1,8 м был вскрыт довольно толстый слой обожженной земли и углей.

Древняя дорога у куядинских хуторов. К югу от Верхнего Уралла имеет-

ся очень широкая древняя дорога, известная под названием «Бол нух» «Войсковая дорога».

Культовое место близ селения Верхнее Уралла. К югу от села, на расстоянии 2 км, находится высокая гора с лесистыми склонами «Гуралрохьол бетер». На ее лысой вершине старожилы вскрывали угольные и зольные слои, находили шлаки и различные бронзовые статуэтки.

Наскальные изображения у селения Балануб. На расстоянии 200 м к юго-западу от Балануба, на первом повороте дороги, ведущей из Балануба в Тлогоб, справа от дороги, обнаружена небольшая группа наскальных изображений. Они высечены на скалистом выступе, обращенном к югу. Ближайший ориентир — 6 ореховых деревьев, расположенных слева от дороги, напротив скалы.

Шототинский могильник. На расстоянии 30 м к югу от сел. Шотота, Хунзахского района ДАССР, на правом берегу речки Тобот, расположен средневековый могильник. В настоящее время здесь находятся поля под общим названием «Цебе мегъ».

В обресе правого борта оврага, сложенного из галечника, виднелись темные впадины — заполнения могильных ям. Судя по их

расположению, протяженность могильника 120 м. Здесь местные жители находили глиняные сосуды и бронзовые украшения. Часть находок поступила в музей Аранинской средней школы. Среди них обращает на себя внимание височная привеска с четырнадцатиграником и бронзовый браслет с тремя утолщениями. Другой браслет, найденный здесь, представляет собой витой бронзовый прут с концами, обработанными в виде змеиных голов.

На могильнике, на ровной площадке, был разбит небольшой 2×2 раскоп. После снятого деревянного слоя обозначились перекрывающиеся плиты двух каменных ящичков, ориентированных с В. на З. Это были ящички с боковыми стенками, сложенными из небольших, стоящих на ребре, плит вперемежку с мелкой кладкой. В качестве перекрытия использовались 4 слегка обработанные плиты. Оба ящичка тесно примыкали один к другому. Расчищенные костяки лежали в них вытянуто, слегка повернутыми на правый бок. У черепа одного погребенного (ящик, обнаруженный у южной стенки раскопа) найдена височная привеска, с заостренными заходящими концами и обломок красноглиняного сосуда.

М. А. АГЛАРОВ

ДВЕ ДЕРЕВЯННЫЕ ЧАШИ ИЗ АНЧИХА

Во время полевых этнографических работ в с. Анчих Ахвахского района ДАССР (июнь 1962 г.) учитель математики анчиской восьмилетней школы Муртазалиев Гаджи познакомил нас с любопытным деревянным погребальным инвентарем, найденным им в разрушенных погребениях во время строительства дома в урочище «ГьарчІалъи». Это — две деревянные чаши и гриф музыкального инструмента, напоминающего широко распространенный в Дагестане двухструнный «пандур».

Судя по информации, условия находки таковы: могильник двухслойный и находки обнаружены в погребениях нижнего слоя. Погребальные сооружения представляли собою четырехугольные гробницы, стены которых были сложены из неотесанных камней, без применения скрепляющего раствора, перекрытых сланцевыми плитами. Костяки лежали на спине — в погребениях верхнего слоя головой на север, а в погребениях нижнего слоя ориентированы на юг. Деревянные чаши обнаружены в двух погребениях нижнего слоя, каждая около черепа слева. С другой стороны стояли красноглиняные кувшины со слабо вздутым туловом и расширяющимся без слива венчиком¹. На одном из них, меньшем по размеру, видны следы изготовления на гончарном круге. Кроме того, в первом погребении нижнего слоя обнаружены куски истлевшей ткани, напоминающие каратинское домотканное сукно «сугъур», а также колечко и обломки кинжала. Колечко и кинжал, по словам Г. Муртазалиева, утеряны. Одна чаша, гриф музыкаль-

ного инструмента с необычайно короткими ладами и один глиняный кувшин находятся в школьном краеведческом уголке.

Чаша (рис. 1) изготовлена из цельного куска липового дерева в виде миски с плоским дном. На дне вырезаны выпуклые пирамидальные гнезда, куда вдеты три ножки, которые дополнительно прикреплены к бортам гнезд насквозь продетыми деревянными штырями. Длина слегка вытянутых наружу и изящно вырезанных ножек около 15 см. Верхний конец борта отделан в виде горизонтально отогнутого венчика, который обрывается глубокими овальными вырезами, расположенными симметрично в шести местах. Борт чаши у отворота довольно толстый (до 1 см). Кончик гораздо тоньше и украшен орнаментом в виде двух параллельных линий, проведенных по центру горизонтальной поверхности отворота. Чаша покрыта копотью, благодаря чему, видимо, неплохо сохранилась. В остатках содержимого чаши имеются косточки какого-то крупного сорта винограда и разломанные грецкие орехи. Другая чаша, чуть меньше по размеру, отличается от описанной лишь тем, что венчик у нее цельный, без указанных овальных вырезов.

Аналогичные находки нам не известны, но формы чаш смело могут быть сопоставлены с известными кубачинскими котлами, хранящимися в Эрмитаже. Несомненное изготовление этих котлов кубачинцами доказал академик И. А. Орбели, датировавший их XII—XIII веками².

Замечательно, что чаша, как и бронзовые котлы, стоит на трех ножках и венчик оформлен в принципе, как у одной из разновидностей котлов «хач-эшек». И. А. Орбели на основании

¹ Аналогичной формы кувшины появляются с V—VII веков. Найдены они в Галла, Байтле, Мааките. См. Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье, Махачкала, 1963. Он же. Галлинский могильник. «Ученые записки ИИЯЛ», т. 6, стр. 56. Он же. Некоторые средневековые могильники Аварии, МАД, II, стр. 226. В. Г. Котович. Археологические раскопки в горном Дагестане. МАД, II, стр. 56.

² И. А. Орбели. Албанские рельефы и бронзовые котлы. «Памятники эпохи Руставели», Л., 1938, стр. 312.

изучения техники литья бронзовых котлов писал, что «для подтверждения всех этих соображений (албанском происхождении котлов — А. М.) не хватало одного — нужно было в Кубачи или другом ауле Дагестана найти те, как мы предполагали, деревянные или шиферные модели... до сегодняшнего дня ни того ни другого обнаружить не удалось»³. Эта чаша, конечно, не модель, но может служить свидетельством существования более древних традиций и форм в материальной культуре народов Дагестана, нашедших свое выражение в великолепных кубачинских котлах. Такой взгляд неизбежен, ибо в данном случае мы имеем дело, видимо, не с подражанием кубачинским котлам, а скорее с формой — прототипом. На самом деле трудно допустить, чтобы подражатель исказил венчик, нарочно выре-

занный на кубачинских котлах «хач-эшек» в виде креста. Напротив, подобный элемент культа служит в таких случаях мотивом для подражания. У нашей же чаши не четыре выступа, как у «хач-эшек», а шесть. С другой стороны, местные жители объясняют, что указанные выемы на отвороте борта сделаны с целью развешивания ложек, для чего, впрочем, они подходят. В таком случае перед нами истоки указанных мотивов оформления венчиков, а выступы «хач-эшека», образующие крест, представляются дальнейшим развитием этой формы, под влиянием христианства.

Таким образом, мы имеем еще один памятник, тесно связанный своим обликом с кубачинскими, или, как принято их называть, «албанскими котлами» — замечательными образцами высокой культуры средневекового Дагестана.

³ И. А. Орбели. Указ. соч., стр. 314.

Рис. 1. Деревянная чаша из Анчиха.

В. Б. КОВАЛЕВСКАЯ

ПРОИЗВОДСТВО И ИМПОРТ СРЕДНЕВЕКОВЫХ БУС ДАГЕСТАНА

Бусы являются наиболее массовым материалом в средневековых могильниках Дагестана VI—XI вв. Изучение их позволяет с большой точностью определить дату памятника, появление и уровень развития собственного производства, направление, характер и интенсивность торговых связей. Исследование бус затруднено, с одной стороны, тем, что мало опубликовано и недостаточно изучен этот материал со смежных территорий (Кавказ, Средняя Азия и Ближний Восток), с другой стороны — отсутствием исчерпывающей классификации бусинного материала. Если вопросы классификации и техники изготовления каменных бус подвергались исследованию¹, то предлагавшиеся классификации стеклянных бус были или неполными и нечеткими², или относились к другим эпохам и поэтому могли быть применены только в небольшой степени³.

В основу деления бус на категории и группы положен единый принцип — материал. Первая категория — каменные бусы (сюда же включается и янтарь, по технике обработки не отличавшийся от камня) делятся на ряд групп — сердоликовые, хрустальные, гишеровые, лазуритовые, коралловые и т. д. Вторая категория — стеклянные бусы⁴, делится на 5

групп (здесь деление на группы подчинено тому же принципу, так как отличие одноцветных бус от глазчатых или мозаичных, полосатых бус с металлической прокладкой — это по сути дела отличие по материалу). Группы делятся на отделы по поперечному сечению и на типы по продольному сечению.

Для глазчатых бус важным признаком является техника изготовления глазков и менее значительным — определенное сочетание размера, формы, цвета основы и глазков. На варианты глазчатые бусы делятся по основному признаку, на подтипы — по сочетанию дополнительных.

В полосатых бусах основным является техника нанесения полос на основу бусины (варианты), дополнительным — характер нанесения полос, форма, расцветка. Мозаичные бусы по основному признаку — техника изготовления составляющих их глазков или самих бус — мы делим на 5 вариантов. В последних мы выделяем ряд устойчивых подтипов по сочетанию цветов и характеру рисунка.

Безусловно, данная классификация будет значительно пополняться в дальнейшем, но удобство ее заключается в следующем. Новые типы, как правило, должны войти в выделенные уже группы. Пополнение групп не должно ломать установившихся крупных основных делений на группы и отделы. Эта классификация относительно проста для пользования, не требует специальных познаний в области технологии стеклоделия и удобна для ссылок.

Все изученные бусы средневекового Дагестана рассматриваются по типам, для каждого типа дается дата, аналогии, ареал, и, если возможно, происхождение. Так как в ряде случаев датирующим является не определенный

¹ Н. С. Векк. *Klassifikation and nomenclature of bead and pendants* «*archeologia*», 1938. Н. С. Векк. *Etched Carnelian Beads. The antiquaries Journal*, 1933, no XIII, N 3.

² Г. Г. Леммлейн. Опыт классификации форм каменных бус. КСИИМК, вып. XXXII. М. G. Dikshit. *Etched beads in India. Deccan College Monograph. Poon*, 1949, Series n. 4. М. G. Dikshit. *Beads from Ahichahatra. Ancient India*, 1952, N 8. G. Eisen. *The characteristics of cise-bead from earliest times to the present. A I. A second series*, 1916, n. XX, 2. Н. С. Векк. *The beads from Taxila. Memoirs of the Archaeological Swiveis of India*, 1941, Delhi, N 65.

³ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 27—44. Ю. Л. Шапова. Стеклянные бусы древнего Новгорода. МИА, 55, М., 1956.

⁴ Мы не считаем целесообразным выделять среди

стеклянных бус отдельно смальтовые (заглушенное стекло), пастовые (вслед за рядом западных исследователей стекла мы предлагаем сохранить этот термин только для бус, сделанных холодным способом).

тип бус, а численное соотношение определенных типов, то вводится статистика.

В данной работе возможно полно учтены материалы по бусам из раскопок и случайных коллекций в Дагестане, хранящиеся как в институте истории, языка и литературы⁵ и краеведческом музее г. Махачкалы, так и в Государственном Историческом музее Москвы. Поэтому необходимо кратко охарактеризовать основные памятники, о которых в дальнейшем пойдет речь.

Чирюртовский могильник, представленный 163 катакомбами из раскопок 1956 и 1957 годов, дает наибольший материал (1620 бус)⁶. Корреляционные и типологические таблицы, сделанные по основным категориям вещей, показывают, что могильник одновременен и относится к короткому промежутку времени — VI—VII вв. Основанием такой датировки является находка в нескольких погребениях византийских и сасанидских монет конца VI—VII вв. и основные категории вещей, типичные только для памятников VI—VII вв. на территории Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы. Прорезные серебряные и бронзовые поясные наборы, бронзовые лировидные пряжки, бронзовые византийские пряжки, цикадовые фибулы, бронзовые браслеты со звериными головками — весь этот материал не оставляет сомнения в дате. Бусы, подтверждающие эту датировку, подробно разбираются ниже.

Более поздний материал Бежтинского могильника (847 экз.). Он имеет ряд аналогий в Чирюрте VI—VII вв., в могильниках северокавказских алан VI—VII вв. и ряд аналогий в Агачкале VIII—IX вв. и северокавказских аланских могильниках VIII—IX вв. Мы придерживаемся даты, предложенной исследователем памятника Д. М. Атаевым — третья четверть I тыс. н. э.⁷

Агачкалинский могильник⁸, уже прочно вошедший в советскую археологическую литературу, дал 487 бус VIII—IX вв. и 515 бус X—

XI вв. Мы не будем снова останавливаться на обосновании датировок, скажем лишь, что восточное отделение склепа VIII—IX вв. хорошо датируется по бронзовым поясным наборам с растительным орнаментом и пряжкам и серьгам, имеющим аналогию в хорошо датированных памятниках северокавказских и донецких алан. Остальные склепы и земляные могилы датируются X—XI вв. по находкам широко распространенных в это время синих стеклянных браслетов.

Нами привлекаются материалы Большого Буйнакского кургана⁹ (100 бус.). Могильник содержал разновременные погребения, здесь встречены фибулы II—III вв. н. э. и поясные наборы и пряжки VI—VII вв. Мы считаем, что основная масса материала относится к середине I тыс. Теперь перейдем непосредственно к классификации бус.

КАМЕННЫЕ БУСЫ

В дагестанских могильниках их процент (по отношению к стеклянным) колеблется от 11 (Большой Буйнакский курган) до 71,6 (Чирюрт). Но если в аланских и адыгейских могильниках определенное соотношение каменных и стеклянных бус может указывать на дату памятника (в погребениях первой половины I тыс. н. э. преобладают каменные бусы — 55—60%, к VIII—IX вв. их процент спускается до 10), то в Дагестане этой четкой картины мы не увидим. Здесь нужно обращать большое внимание на географическое положение памятника, направление его торговых связей и наличие местного производства (в частности — изготовление каменных бус).

Группа I. Сердоликовые

Среди каменных бус сердолик занимает первое место (до 87,6%). Встречен сердолик нескольких типов: темнокрасный, с прожилками или совершенно гладкий, так называемый «индийский», причем, как правило, прекрасной шлифовки (особенно много его в Агачкалинском могильнике), темнорозовый прозрачный прекрасного качества и, наконец, светлорозовый, плохого качества, трещиноватый, представленный в основном бусами небрежной обработки неправильно шарообразной или эллипсоидной формы.

Отдел I. Круглые

Процент круглых сердоликовых бус является хорошим датирующим признаком: если

⁵ Пользуемся возможностью высказать благодарность сотрудникам ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР Г. А. Даниялову, Н. Д. Путинцевой, Д. М. Атаеву, В. Г. Котовичу и сотруднику ИИМК АН СССР К. Ф. Смирнову за любезное разрешение исследовать данный материал.

⁶ В. И. Канивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1957 г. «Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР», Махачкала, 1957 г.

⁷ Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1967.

⁸ К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. КСИМК XXXVIII, 1951 г., стр. 113—119.

⁹ А. А. Захаров. Contributions to Caucasian archaeology a large barrow in Daghestan. E. S. A. Helsinki, 1930. N V.

в памятниках IV—V вв. Северозападного и Центрального Кавказа сердолик встречается, в основном, в виде круглых бус, то в дальнейшем мы видим, как они постепенно сменяются многогранными формами: Чирюрт — 88%, Бежта — 80%, Агачкала VIII—IX вв. — 50%, Агачкала X—XI вв. — 24%.

Тип I. Шарообразные. Обычно небольшого размера — от 0,5 до 0,8 см. реже диаметром в 1—1,3 см. Сердолик хорошего качества, хорошей шлифовки. Еще А. В. Арциховский отмечал, что это наиболее распространенная форма сердоликовых бус на Северном Кавказе¹⁰. Чрезвычайно типична она для Грузии и Азербайджана. Но если в Борисовском могильнике шарообразные сердоликовые бусы составляют 78% всех сердоликовых бус¹¹, а в Салтовском, по подсчетам А. В. Арциховского, даже 92%¹², то в Дагестане, за счет большого многообразия форм, их процент колеблется: 78%, 3% в Чирюрте (правда, за счет неряш-

ливо обработанных неправильно шарообразных бус местного производства, составляющих 54,7%), 60% в Бежта (тоже при большом количестве бус местного производства), 30% в Агачкале VIII—IX вв. и 20% в Агачкале X—XI вв. (рис. 1, 1 и 2).

Тип II. Эллипсоидные — составляют 10—13%, падая к X—XI вв. до 2%. Часть хорошей шлифовки, при длине около 1,5 см и наибольшем диаметре 0,8—0,11 см. В Чирюрте и Бежте большую их часть составляют бусы местного производства, грубой обработки, с довольно крупными сколами без тщательной шлифовки поверхности (рис. 1, 3).

Тип III. Цилиндрические. Представлен только одним экземпляром небольшой бусины, диаметром 0,6, длиной 0,8 см из Агачкалы X—XI вв. (рис. 1, 4).

Тип IV. Битрапецидные. Редкий тип, представленный лишь одной бусиной из Агачкалы VIII—IX вв. Длина по оси — 0,7 см. наибольший диаметр — 1,5, а наименьший — 1 см. (рис. 1, 5).

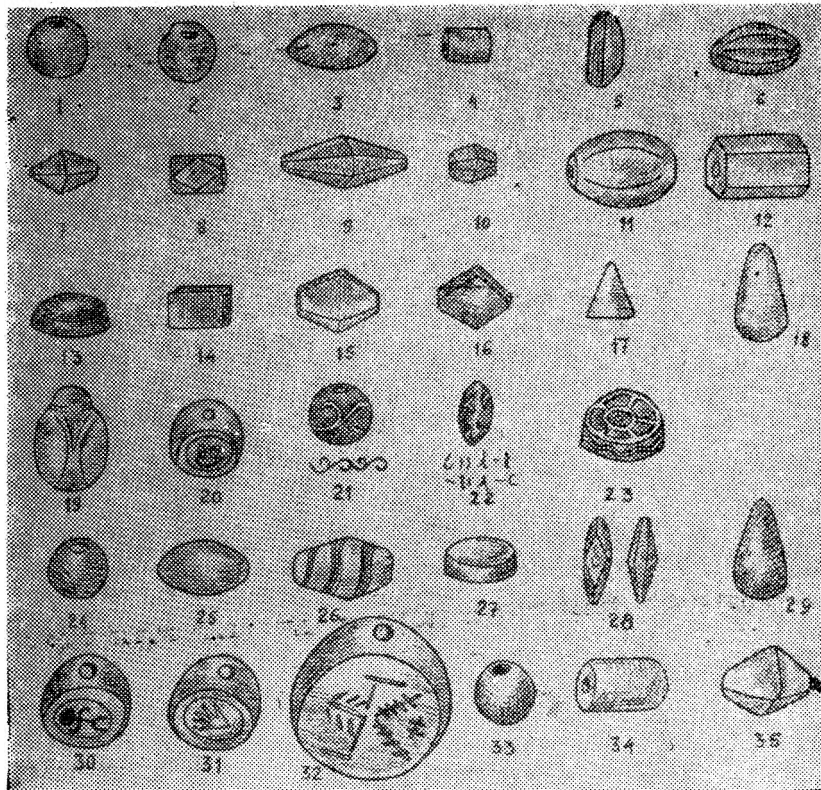

Рис. 1. Сердоликовые, агатовые и янтарные бусы.

Отдел II. Ребристые (желобчатые)

Тип I. Эллипсоидные. В Чирюртовском могильнике 5,5%, в Бежте нет — аналогичная форма встречена там только в хрустале, в Агачкале VIII—IX вв. — 4%, а в Агачкале X—XI — меньше 1% (одна бусина). Размер такой же, как у гладких эллипсоидных. Аналогичные бусы в небольшом числе встречены в Центральном Предкавказье. (Рис. 1, 6).

Отдел III.

Четырехгранные

Тип I. Бипирамидальные. В Чирюрте — 5%, в Бежте — 12%, в Агачкале VIII—IX и X—XI вв. по 3%. Встречены в Большом Буйнакском кургане, в памятниках VI—IX вв. Северо-Западного, Центрального Кавказа и особенно много в Азербайджане (рис. 1, 7).

Тип II. Четырехгранные. Отсутствуют в Чирюрте и только одним экземпляром представлены в Бежте. В Агачкале со-

ставляют около 20% в VIII—IX вв. и 55% в X—XI вв. Интересно, что этот тип сердоликовых бус появился в могильниках северокавказских алан в Мингечауре в III—IV вв., тог-

¹⁰ А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 38.

¹¹ В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. ИАК 56, стр. 153—154.

¹² А. В. Арциховский. Курганы вятичей.

да же в черняховских памятниках полей погребения. В VI—VIII вв. он не получает развития, появившись вновь лишь в Агачкале и выйдя к X—XI вв. на первое место среди сердоликовых бус. В IV—V и VIII—XI вв. эти бусы изготовлены исключительно из темно-красного «индийского» сердолика (рис. 1, 8).

Отдел IV. Шестигранные

Тип I. Бипирамидальные. Два экземпляра в Чирюрте и семь экземпляров (4%) в Бежте. Эта форма, столь типичная для славянских, в частности вятических¹³, древностей, не была встречена в северокавказских могильниках вне Дагестана, но часто встречалась в Мингечауре. Несколько экземпляров подобных бус найдено в Индии. Обнаружены они В. И. Веселовским и в Средней Азии. В Бежте одна бусина была усеченно-короткой формы, при длине и ширине 0,8 см. (подобные бусы также встречены в Мингечауре), одна уплощенная, со слабо заметными гранями, почти эллипсоидная. (Рис. 1, 9, 10, и 11).

Тип II. Призматические. В Агачкале X—XI вв. семь бус (4%) из прекрасного, тщательно отшлифованного сердолика темно-красного цвета. Это — поздняя форма, не встречающаяся в более раннее время¹⁴. (рис. 1, 12).

Отдел V. Плоские

Тип I. Монетообразные. По справедливому мнению Г. Г. Леммлейна¹⁵, они получались при высверливании перстней и особенно характерны для Северного Кавказа VI—VIII вв. Один экземпляр в Чирюрте и один экземпляр в Бежте с белой инкрустацией (см. ниже) встречены в других северокавказских могильниках и в Мингечауре (рис. 1₁₃).

Тип II. Плитчатые. Как отмечал А. В. Арциховский, они характерны для Ольвии и Керчи¹⁶. Найдены в погребениях первых веков н. э. в Мингечауре. Пять экземпляров (3%) найдено в Бежте (1,0×1,0×0,3 см.), причем отверстие просверливалось наискось. Двенадцать экземпляров (15%) в Агачкале VIII—IX вв. и четыре (3%) в Агачкале X—XI вв. из прекрасного темно-красного сердолика. (рис. 1, 14).

Тип III. Битрапециоидные. Два экземпляра в Агачкале X—XI вв. (рис. 1_{15, 16}).

¹³ А. В. Арциховский. Сердоликовые бипирамидальные бусы. ТСА, т. I. РАНИОН, М., 1926.

¹⁴ А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 37.

¹⁵ Пользуюсь случаем выразить Г. Г. Леммлейну глубокую благодарность за ценные консультации.

¹⁶ А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 38.

5 Зак. 21

Тип IV. Треугольные подвески. Два экземпляра в Агачкале VIII—IX вв. и один в X—XI вв. (рис. 1₁₇).

Отдел VI. Грушевидные

Основная форма в виде подвесок, размер относительно стандартный. Длина около 2 см, наибольший диаметр 0,7—0,9 см. В Чирюрте один экземпляр, Бежте — три, Агачкале VIII—IX вв. — три, Агачкале X—XI вв. — пять (рис. 1₁₈).

Кроме указанных выше типов, в Агачкале X—XI вв. найден скарабей тщательной работы (рис. 1₁₉), в Агачкале VIII—IX вв. — небольшая печатка с резным изображением, возможно, рыбы (рис. 1₂₀).

Большой интерес представляют бусы с белой инкрустацией, нанесенной раствором соды на поверхность бусины. В Чирюрте найдены две бусины: одна шарообразная с опоясывающим ее растительным орнаментом (рис. 1₂₁), другая эллипсоидная с неряшливым узором из трехконечных звездочек, идущих в два ряда (рис. 1₂₂). В Большом Буйнакском кургане найдена одна шарообразная бусина с орнаментом из пятиконечных решеток со вписанными в них трехконечными звездочками и, наконец, в Бежте одна монетообразная бусина, на двух основных поверхностях в центре, по узкой стороне идет зигзагообразная линия. (рис. 1₂₃). Аналогичные бусы встречены в аланских могильниках (Чми, Балта, Галиат и в ряде коллекций), Мингечауре, Прикамье, Средней Азии и Иране.

Криволинейный растительный орнамент, шестиконечные и трехконечные звездочки стилистически отличают северокавказские инкрустированные бусы от индийских (где основными мотивами орнамента оставались круги, точки, волнистые, прямые линии, свастика и пятиконечная решетка)¹⁷ и сближают их с иранскими, генетически связанными с Индией.

Группа II. Агатовые бусы

Здесь мы рассматриваем все халцедоны, голубоватый, желтоватый, темно-бурый сардар и ленточный агат — сардоникс. Среди каменных бус они составляют от 1,5 до 7, 8%, примерно тот же процент, что в других северокавказских могильниках.

Отдел I. Круглые

Тип I. Шарообразные. Один экземпляр желтого халцедона в Чирюрте, три экз. в

¹⁷ М. G. Dikshit. Указ. соч., табл. II, V, X, XIV. М. G. Dikshit. Beads from Ahichchatra, рис. 1, табл. 1, 2, 3.

Агачкале VIII—IX вв. и два в Агачкале IX—X вв. (рис. 1, 24).

Тип II. Эллипсоидные. Три экземпляра бурого с желтыми прожилками сардоникса из Агачкалы VIII—IX вв. и четыре из Агачкалы X—XI вв. (рис. 1 25).

Тип III. Битрапецидные. Три экземпляра из бурого сардоникса с желтыми прожилками. Одна такая же бусина из Агачкалы VIII—IX вв. и две из Агачкалы X—XI вв. (рис. 1 26).

Отдел II. Плоские

Тип I. Монетообразные. Десять экземпляров в Чирюрте из бурого агата и 5 подобных из Бежты. (рис. 1, 27).

Кроме того, найдены три печатки: две из Агачкалы VIII—IX вв. с изображением рук Фатмы и фигурки человека (рис. 1, 30, 31), крупная печатка из Чирюрта (рис. 1 32), одна грушевидная подвеска молочного халцедона (рис. 1 29) и многогранная (рис. 1 28) из Агачкалы X—XI вв. Все агатовые бусы и подвески отличаются тщательностью изготовления и прекрасными качествами камня, и мы можем считать их привозными, вероятно, из Ирана.

Группа III. Янтарные

Янтарь в памятниках Дагестана V—XI вв. составляет в среднем от 0,5 до 2,7%, только в Агачкале VIII—IX вв. поднимается до 7%.

Отдел I. Круглые

Тип I. Шарообразные. Три экземпляра в Агачкале IX—X вв. (рис. 1 33).

Тип II. Цилиндрические. Три экземпляра в Буйнакском кургане, один в Бежте, три в Агачкале VIII—IX вв. (рис. 1 34).

Отдел II. Четырехгранные

Тип I. Биконические. В Чирюрте — три экземпляра несколько неправильной формы и двадцать девять с поперечным сечением, со сглаженными почти до овала гранями. В Агачкале X—XI вв. найдена одна грушевидная подвеска. (рис. 1 35).

Группа IV. Гишеровые

Составляют от 1 до 9% среди каменных бус, причем интересно, что в адыгейских и аланских могильниках этого периода гишер не употреблялся. Крупные месторождения известны в Западной Грузии; в средневековых памятниках Грузии гишер часто использовался как поделочный материал. В Мингечауре также он сохранял свое значение. Гишер мог попадать в Дагестан в виде готовых изделий из Грузии; не исключена также возможность ис-

пользования каких-то местных, неизвестных нам сейчас месторождений.

Отдел I. Круглые

Тип I. Шарообразные. 2 экз. в Чирюрте и один экземпляр в Агачкале X—XI вв.

Тип II. Эллипсоидные. Два экземпляра в Агачкале VIII—IX вв. и один в Агачкале X—XI вв.

Тип III. Цилиндрические. Три экземпляра в Чирюрте, два в Буйнакском кургане и один в Агачкале VIII—IX вв. (поперечное сечение больше продольного). Подобные бусы встречаются в Самтавро и в Мингечауре.

Тип IV. Биконические. Один экземпляр в Чирюрте и один в Агачкале VIII—IX вв.

Отдел II. Четырехгранные

Тип I. Бипирамидальные. Три экземпляра в Агачкале VIII—IX вв.

Тип II. Четырнадцатигранные. Два экземпляра в Чирюрте, встречены в Мингечауре.

Отдел III. Плоские

Тип I. Монетообразные. Один экземпляр в Чирюрте.

Тип II. Плитчатые. Два экземпляра в Агачкале X—XI вв.

Кроме этих типов встречены печатки без изображений. Один экземпляр в Чирюрте и один в Агачкале VIII—IX вв. (Подобные печатки с изображениями найдены в Мингечауре). Одна подвеска в Чирюрте в виде усеченной четырехгранной пирамиды и одна подвеска из Агачкалы, уплощенная коническая с орнаментом из концентрических кружков.

Группа V. Хрустальные

Составляют в средневековых могильниках Дагестана от 3,5 до 6,5% (только в Чирюрте опускаясь до 1%). В это время хрусталь в других северокавказских памятниках встречается реже и с меньшим разнообразием форм (тогда как в IV—V вв. его было до 20%, и стоял он на втором месте после янтаря).

Отдел I. Круглые

Тип I. Шарообразные. Один экземпляр в Чирюрте и три в Агачкале X—XI вв.

Тип II. Эллипсоидные. Один экземпляр в Чирюрте, четыре в Бежте, два в Агачкале VIII—IX вв. (неряшливой обработки), один в Гапшине и один в Галле.

Отдел II. Ребристые

Тип I. Эллипсоидные. Восемь экземпляров в Чирюрте, пять в Бежте, два в Гапшине;

очень редко в аланских средневековых могильниках и Мингечауре.

Отдел III. Четырехгранные

Тип I. Четырнадцатигранные. Один экземпляр в Чирюрте, три в Бежте, один в Гапшима и один в Агачкале X—XI вв.

Отдел IV. Шестигранные

Тип I. Призматические. Два экземпляра в Агачкале VIII—IX вв. Одна подвеска в форме зерна фасоли найдена в Бежте.

Группа VI. Альмандиновые

Не встречаясь в Чирюрте и Бежте, они составляют в Агачкале около 7%, а в Гапшима даже около 40% (10 экз.). Встречены только в одном аланском богатом комплексе¹⁸ VI—VII вв. и в Мингечауре.

Отдел I. Круглые

Тип I. Шарообразные. Пять экземпляров в Агачкале VII—IX вв. и восемь в Агачкале X—XI вв.

Тип II. Эллипсоидные. Десять экземпляров в Гапшима, два в Агачкале VIII—IX вв.

Тип III. Цилиндрические. Один экземпляр в Агачкале X—XI вв.

Тип IV. Биконические. Один экземпляр в Агачкале X—XI вв.

Отдел II. Четырехгранные

Тип I. Четырнадцатигранные. Один экземпляр в Агачкале X—XI вв.

Группа VII. Коралловые

Встречены из Дагестанских могильников только в Чирюрте, где составляют 14,6% (170 экз.). Коралл плохой сохранности, светлорозовый¹⁹.

Отдел I. Круглые

Тип I. Цилиндрические. Известны в двух вариантах, удлиненных при поперечном сечении 0,2—0,3 см, и коротких цилиндрических (при поперечном сечении, равном продольному).

Группа VIII. Лазуритовые

0,5% в Чирюрте и Агачкале. Лазурит абсолютно не известен в аланских и адыгских мо-

¹⁸ Т. М. Минаева. Находка близ станицы Преградной на Урупе, КСИИМК, 1957, вып. 68.

¹⁹ Украшение из подобного коралла было встречено среди случайных находок в Чечено-Ингушской АССР, где и определено биологами как определенный вид мшанок, встречающихся в Каспийском море. Пользуюсь возможностью высказать благодарность М. П. Савостьянову за это сообщение.

гильниках этого времени. Встречен он в Мингечауре, Самтавро, Саркеле и Средней Азии.

Отдел I. Четырехгранные

Тип I. Четырнадцатигранные, один экземпляр в Чирюрте.

Отдел II. Шестигранные

Тип I. Призматические. Два экземпляра в Чирюрте и один в Агачкале X—XI вв.

Отдел III. Плоские

Тип I. Плитчатые. Два экземпляра в Чирюрте, один в Кизляре, пронизки с тремя отверстиями.

Кроме указанных материалов, используемых для бус, надо отметить единичную подвеску в Агачкале X—XI вв. усеченно-конической формы из благородного опала и шесть эллипсоидных круглых в сечении кварцевых бус из Чирюрта.

Подытоживая вышесказанное о каменных бусах, мы можем утверждать, что на первом месте стоял сердолик, причем, если часть его безусловно привозная и связана с индо-иранским миром, то часть сердоликовых бус местного ремесленного производства. На втором месте янтарь, затем гишер, хрусталь, агат, альмандин, коралл, лазурит, кварц и опал.

В дальнейшем мы подробнее остановимся на комплексах и типах бус, характерных для определенных эпох, являющихся датирующим признаком.

СТЕКЛЯННЫЕ БУСЫ

Группа I. Одноцветные

Отдел I. Круглые. В аланских и адыгских памятниках IV—V вв. они составляли абсолютное большинство (до 93% в Пашковском могильнике), затем происходит увеличение роли кривогранных форм и в Чми VI—IX они составляют только половину, а в Балте VIII—IX вв. даже 40%. Этот же процесс наблюдается в Дагестане. В более ранних памятниках (Б. Буйнакский курган, Гапшима) их 80—90%; затем в VI—VII вв. количество их падает до 30% (Чирюрт), а потом вновь начинает подниматься: Бежта — 67%, Агачкала VIII—IX вв. — 78%, Агачкала, X—XI вв. — 80%.

Тип I. Шарообразные. Составляют от 13% (Бежта) до 55% (Агачкала VIII—IX вв.) одноцветных бус. Средний диаметр 0,7—0,9 см., хотя встречаются как более крупные, так и более мелкие экземпляры. Цвет может быть различным: голубым, фиолетовым, коричневым, зеленым. Стекло полупрозрачное, прозрачное и непрозрачное. (рис. 2, 1).

Особым подтипом являются бусы из красновато-оранжевого непрозрачного состава, за ними мы считаем правильным оставить название «паста» (до проведения анализов мы не можем сказать, имеем ли дело со стеклом или пережженной глиной, как в окских могильниках, но скорее всего это стекло типа смальты).

В Агачкале VIII—IX вв. также шарообразные бусы из оранжевой пасты представлены 167 экземплярами. Мы остановимся в дальнейшем на других формах таких бус.

Tun II. Эллипсоидные бусы. Встречены в небольшом количестве по два-три экземпляра в каждом могильнике (рис. 2₂).

Особый подтип составляют дутые бусы²⁰, прозрачные и тонкостенные из бесцветного стекла с толщиной стенок в 1 мм. Один экземпляр в Бежте и два в Агачкале VIII—IX вв. (рис. 2₃).

Другим подтипом являются бусы неправильной эллипсоидной формы. В Бежте они составляют 44% (67 экз.), в большинстве синего цвета, иногда желтого или фиолетового. В Чирюрте два экземпляра (рис. 2₁). Подобные формы бус типичны для аланских могильников Северной Осетии и Кабардино-Балкарии, но там они из прозрачного, слегка зеленоватого стекла и являются, как мы считаем, предметами местного аланского стеклоделательного производства.

Tun III. Цилиндрические. Относительно редки, встречены в Чирюрте и Агачкале, преимущественно голубого или зеленого стекла (рис. 2₅).

Tun IV. Битрапецидные. Усеченно-короткие, из полупрозрачного синего или зеленого стекла (рис. 2₆).

Tun V. Катушкообразные. Эта форма характерна для позолоченных бус на Северном Кавказе и в Мингечауре середины и второй половины I тыс. Один экземпляр одноцветных бус встречен в Чирюрте, один из оранжевой пасты в Агачкале VIII—IX вв. и два в Агачкале X—XI вв. На Северном Кавказе эта форма известна для одноцветных бус в Балте, типична она и для каменных и стеклянных бус Индии²¹ (рис. 2₇).

Tun VI. Бантообразные обнаружены в Агачкале (VIII—IX вв.). Один экземпляр из оранжевой пасты, три без утолщения в середине из голубого и светло-фиолетового

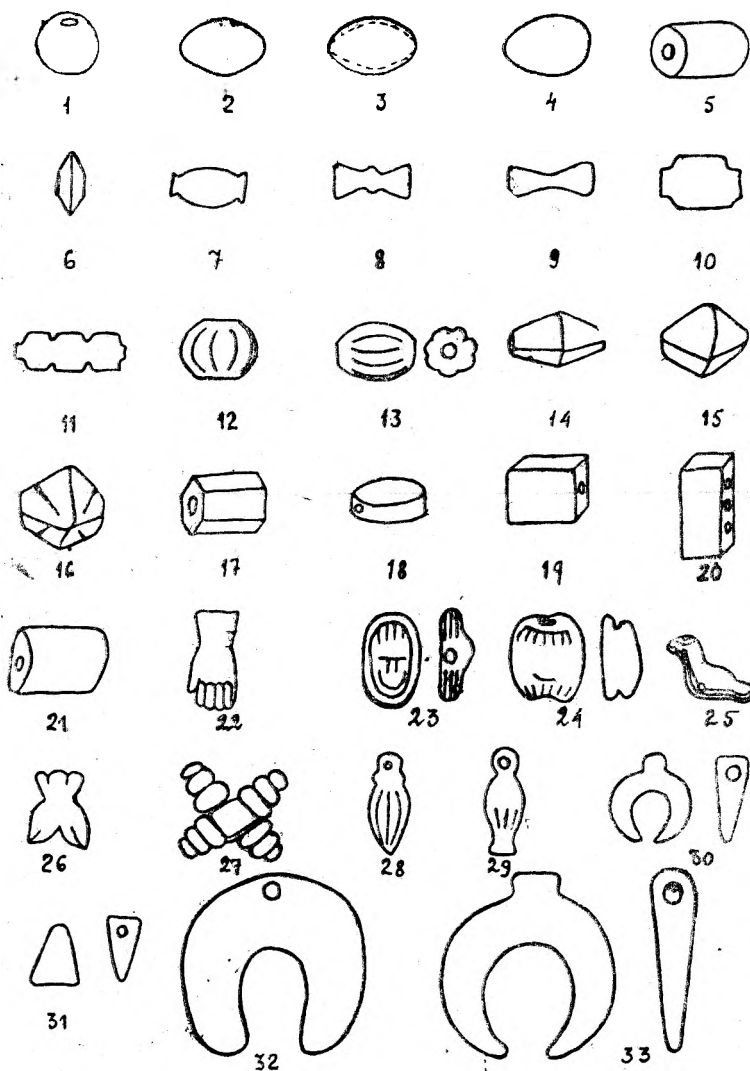

Рис. 2. Одноцветные стеклянные бусы.

²⁰ Дутое стекло появилось на Ближнем Востоке в начале н. э. G. Eisen. The origin of glass blowing A I. 1916, XX, № 2, стр. 13. D. B. Harden. Ancient Glass. Antiquity december 1933, стр. 421—422. F. Neuburg. Glass in Antiquity. London, 1949, стр. 16, 24. Стеклянные бусы были найдены на Ближнем Востоке в эпоху раннего средневековья, как импорт они доходили в VII в. до Англии. На Северном Кавказе они встречены в комплексах VIII—IX вв., особенно много их в Чми и Балте. Один экземпляр найден в Галлате.

²¹ H. C. Beck. The beads from Taxila. табл. IX, 15. M. G. Dikshit. Beads from Achichchtra, рис. 4, 112.

непрозрачного стекла. Очень специфична эта форма для стеклянных бус Балты (5 экз.) и Салтовского могильника (9 экз.), (рис. 2₈ и 9).

Тип VII. Многочастные и одночастные. Эти бусы тянуты из стеклянного стрежня (техника, на которой мы еще остановимся, в связи с позолоченными и посеребренными бусами) (рис. 2₁₀ и 11). Одноцветные бусы в Чирюрте найдены в двух экземплярах, в Бежте — двадцать семь (мелкий бисер синего, зеленого и фиолетового цвета). В Агачкале X—XI вв. — 76 экз.

Наиболее интересен вопрос, связанный с «лимонками»²² — бусами из непрозрачного желтого стекла, типичными для древнерусского средневековья. В аланских северокавказских могильниках эти формы не встречены, в Агачкале VIII—IX вв. они представлены одним экземпляром, а в Агачкале X—XI вв. одиннадцать экземплярами многочисленных бус.

Отдел II. Ребристые

Тип I. Бочкообразные. Шесть экземпляров в Чирюрте, чаще голубого или синего полупрозрачного стекла. Аналогичные были в аланских могильниках Северного Кавказа и в Салтове (рис. 2₁₂).

Тип II. Эллипсоидные. Пять экземпляров в Чирюрте, голубоватого или зеленоватого стекла. Подобные бусы найдены в аланских могильниках и в Салтово (рис. 2₁₃).

Отдел III. Четырехгранные

Тип I. Бипирамидальные. Шестнадцать экземпляров в Чирюрте и четыре в Агачкале X—XI вв. фиолетового и синего полупрозрачного стекла. (рис. 2₁₄). Одна бусина из прозрачного стекла в Агачкале X—XI вв. подобная многочисленным бусам аланских могильников Северного Кавказа, и представляющая в последних предметы местного изготовления (рис. 2₁₅). Непрозрачные светлые с прочерченными полосками на гранях (рис. 2₁₆).

Тип II. Четырнадцатигранные. Двенадцать экземпляров в Чирюрте, пятнадцать в Бежте, три в Агачкале VIII—IX вв. и четыре в Агачкале X—XI вв.

В VI—IX вв. излюбленным цветом является кобальтовый синий. В аланских северокавказских могильниках VI—IX вв. эта форма стоит на первом месте.

Отдел IV. Шестигранные

Тип I. Призматические. В Чирюрте сорок два экземпляра (почти 30%), в Бежте шесть,

в Агачкале VIII—IX вв. — семнадцать, в Агачкале X—XI вв. — восемь (рис. 2₁₇). В Чирюрте и Бежте эти бусы исключительно из светлозеленого непрозрачного стекла совершенно подобные бусам из аланских могильников. В Агачкале они сделаны из фиолетового, коричневого, голубого, синего и зеленого полупрозрачного стекла.

Отдел V. Плоские

Тип I. Монетообразные. Один экземпляр коричневого полупрозрачного стекла, подражающего сарду, в Чирюрте (рис. 2₁₈).

Тип II. Плитчатые. Десять экземпляров в Чирюрте, двадцать шесть в Агачкале VIII—IX вв. (из оранжевой пасты), один в Гапшине, один в Маали (рис. 2₁₉) и один в Агачкале X—XI вв. В основном из синего стекла. Особым подтипом являются разделители с тремя отверстиями, преимущественно кобальтового цвета; пронизки являются подражанием в стекле пронизкам из лазурита. Пять экземпляров в Чирюрте, четыре в Агачкале VIII—IX вв. и один в Агачкале X—XI вв. В аланских комплексах типичны для VIII—IX вв. и для Салтова (рис. 2₂₀).

Выделяются также в Агачкале X—XI вв. плоские плитчатые бусы, сделанные из плоской заготовки для стеклянных браслетов (41 экз. рис. 2₂₁). Это местная локальная черта (см. ниже).

Тип III. Вытянутые треугольные. В Чирюрте один экземпляр, в Агачкале X—XI вв. семь, синего и голубого цвета. Типичны для аварских могильников Венгрии. В дагестанских могильниках занимает большое место бисер. Излюбленный цвет синий, зеленый, черный, реже желтый. Диаметр 0,1—0,3 см., кольцеобразной, шарообразной или цилиндрической формы.

Подвески встречены нескольких типов: из голубого или зеленого непрозрачного стекла в форме руки с полураскрытыми пальцами из Чирюрта (рис. 2₂₂), скарабеев (поздних, отличающихся от египетских форм римского времени) в Гапшине и Агачкале VIII—IX вв. (рис. 2₂₃ и 24), птички в Агачкале VIII—IX вв. (рис. 2₂₅), двух подвесочек в форме амфор из Агачкалы X—XI вв. (рис. 2₂₈ и 29) и других (рис. 2₂₆ и 27). Особым типом являются подвески лунницы: в Чирюрте два экземпляра, в Б. Буйнакском кургане одна, в Агачкале VIII—IX вв. четыре (причем две крупного размера из оранжевой пасты). Цвет лунниц или кобальтово-синий, или зеленый (рис. 2₃₀, 32, 33). Аналогичные подвески в большом

²² Ю. Л. Шапова. Указ. соч., стр. 173. Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей СА, 1958, 2, стр. 104.

количестве встречены в Балте, известны в Египте²³. Найдены и треугольные подвески, (рис. 2₃₁). Мы видим, что одноцветные бусы, как правило, сами по себе не могут служить датирующим признаком. Важно обращать внимание на соотношение между различными отделами или типами. Так для середины I тыс. н. э. характерно преобладание круглых форм над кривоугольными. Для VI—VII вв. типично уменьшение их роли (до 30%) за счет увеличения роли кривоугольных. В IX—XI вв. процент круглых увеличивается вновь до 80. Из отдельных типов для VI—VII вв. характерны шестигранные призматические из зеленого непрозрачного стекла, ребристые, (круглые и эллипсоидные) и синие четырнадцатигранные; плитчатые пронизки, подвески-лунницы.

В VIII—IX вв. впервые появляются дутые эллипсоидные, бантообразные; до 80% доходит число бус из оранжевой пасты. В X—XI вв. большого количества достигают многочастные бусы, 5% составляют лимонки и плоские, сделанные из заготовок браслетов.

Группа II. Бусы с металлической прокладкой от 5 до 42%

Позолоченные бусы производились в Александрии еще в III—II вв. до н. э.²⁴ и с этого времени встречались в северо-причерноморских памятниках²⁵. Техника изготовления бус не подвергалась изменениям с эллинистического периода до средневековья, только в связи с огрубением производства и большей массивностью — со второй половины первого тысячелетия, вместо золота использовалось серебро, но покрывалось оно не прозрачным, а желтоватым стеклом, поэтому бусина казалась буровато-золотой.

Среди позолоченных бус известны три основные типа, все круглые в сечении. Крупные многочастные (диаметр около 1 см). Всегда с прекрасной позолотой и прозрачным бесцветным стеклом. В Чирюрте четырнадцать экземпляров (7%), в Бежте сорок четыре (33%), в Агачкале VIII—IX вв. четыре (20%), в Агачкале X—XI вв. два (10%). Многочастные с диаметром 0,5—0,6 см. с хорошей позо-

лотой, в Чирюрте двадцать экземпляров (10%), в Бежте пять (4%), в Агачкале VIII—IX вв. четырнадцать (70%) и Агачкале X—XI вв. тринадцать (65%).

Многочастные с диаметром 0,5—0,6 см с бурой позолотой. В Чирюрте сто шестьдесят экземпляров (83%), в Бежте шестьдесят семь (50%), в Агачкале X—XI вв. четыре (20%).

Кроме того, три катушкообразных позолоченных бусины найдены в Агачкале X—XI вв. и одна катушкообразная с розеткой из мелких круглых бисеринок вместо уплощенного кольца.

Посеребренные многочастные бусины (диаметр 0,4—0,6 см.) представлены двенадцатью экземплярами в Бежте и восемью в Агачкале X—XI вв.

Группа III. Глазчатые бусы (13—22%)

По технике изготовления глазков мы делим глазчатые бусы на четыре варианта.

I. Круглые. Тип I. Шарообразные.

Вариант а. Бусы с одноцветными глазками-крапинками. Каждый глазок состоит из капли или кусочка одноцветного стекла, погруженного в основу бусины.

Подтип 1. Для северокавказских, мингечаурских, крымских и черняховских памятников III—V вв. были типичными крупные шарообразные или кольцевидные синие или черные (реже прозрачные) с глазками крапинками белого, красного или других цветов. В Дагестане подобные бусы встречены только в случайных сборах А. С. Башкирова в 1923 г. (экспозиция музея в г. Махачкале рис. 3₁).

Подтип 2. Синие бусы (диаметр около 1,2 см.) с желтыми глазками. Один экземпляр в Бежте и один в Агачкале VIII—IX вв. Бусы этого типа встречены в аланских погребениях VIII—IX вв. в Кабардино-Балкарии, Осетии и в Салтове (рис. 3₂).

Подтип 3. Синяя бусина с белыми глазками, один экземпляр в Бежте. Этот тип также встречен в аланских погребениях VIII—IX вв. на Северном Кавказе и в Салтове (рис. 3₃).

Вариант б. Со слоистыми не выступающими глазками. На поверхность бусины укладывается капля стекла одного цвета и раскатывается, затем на нее другая и т. д. На поверхности бусины оказывается глазок с несколькими ободками (от двух до семи). Среди этих бус выделяется несколько устойчивых типов, но в основной своей массе здесь представлены совершенно различные сочетания цветов основы с цветом и сочетаниями цветов глазков. Основа может быть синей, черной, красной, зеленой, желтой, голубой, эти же цвета бывают

²³ D. Harden. Roman glass from Raranis, стр. 284.

²⁴ F. Neuburg. Glass in Antiquity, стр. 49. Техника изготовления: на основу из прозрачного стекла накладывался золотой листочек и сверху покрывался слоем бесцветного стекла. После этого стержень вытягивался и разрезался на части.

²⁵ Н. Погребова. Бусы. Боспора. Архив ИИМКА, 911, стр. 65.

в глазках. Причем большая определенность присуща глазчатым бусам Чирюртовского могильника, где представлены два типа (75 бус) и три бусины, не входящие в них. В Бежте уже таких бус, не входящих в определенные типы, шесть, в Агачкале VIII—IX вв. — двенадцать и в Агачкале X—XI вв. — шесть. (В Агачкале общее количество глазчатых бус намного меньше, чем в Чирюрте и Бежте).

Подтип 1. Небольшие бусы (диаметр 1—1,2 см.) из буро-черного стекла с бело-черными глазками. В Чирюрте они представлены тринадцатью экземплярами (15%). Один экземпляр в Б. Буйнакском кургане. Чрезвычайно типичны они для погребений Северного Кавказа VI—VII вв. (рис. 34).

Подтип 2. Бусы диаметром 1,2—1,4 см. из голубого непрозрачного стекла с желто-красными или желто-бело-красными глазками,

шестьдесят два экземпляра (70%) в Чирюрте, пятьдесят четыре экземпляра (60%) в Бежте, один в Киятгле. Этот тип также является чрезвычайно характерным для аланских могильников Северного Кавказа (особенно для Дарьяльского ущелья) и Салтова (рис. 35).

Подтип 3. Небольшие бусы диаметром 0,8—1,0 см. из белого или зеленого непрозрачного стекла с многослойными (7—9 ободков) сине-бело-коричневыми глазками, почти полностью покрывающими поверхность бусины. Тип этот на Северном Кавказе появился в VIII—IX вв. — два, в Агачкале X—XI вв. — один, в Маали — один; в Салтове этот тип стоит на первом месте (рис. 36).

Подтип 4. Синие с бело-синими глазками. Этот тип не характеризуется столь стандартными формами и размерами, как предшествующие. Диаметр колеблется от 1,2 до 1,5 см.

Восемь экземпляров в Агачкале VIII—IX вв. и семь в Агачкале X—XI вв. (рис. 37).

Подтип 5. Черные с сине-белыми глазками нестандартных размеров. четыре экземпляра в Агачкале VIII—IX вв., два в Агачкале X—XI вв. (рис. 38).

Подтип 6. Крупные шарообразные бусины (диаметр 2,2—2,6). Очень хорошо выделяются по материалам Северного Кавказа, Салтова, тамбовских могильников, вплоть до Швеции как датирующая форма для VIII—IX вв. Один экземпляр темно-синего цвета с сине-белыми глазками встречен в Бежте и один в Агачкале VIII—IX вв. (рис. 39).

Вариант в. Бусы с мозаичными глазками. Сложные глазки изготавливались следующим образом. Стекланный стержень одного цвета погружался последовательно в ванны с жидким стеклом других цветов, или вокруг центрального глазка в форму укладывались полоски стекла двух цветов, так что в сечении получался глазок с лепестками или ресничками. Стержень вытягивался, разбивался на отдельные диски, каждый из которых в дальнейшем накладывался

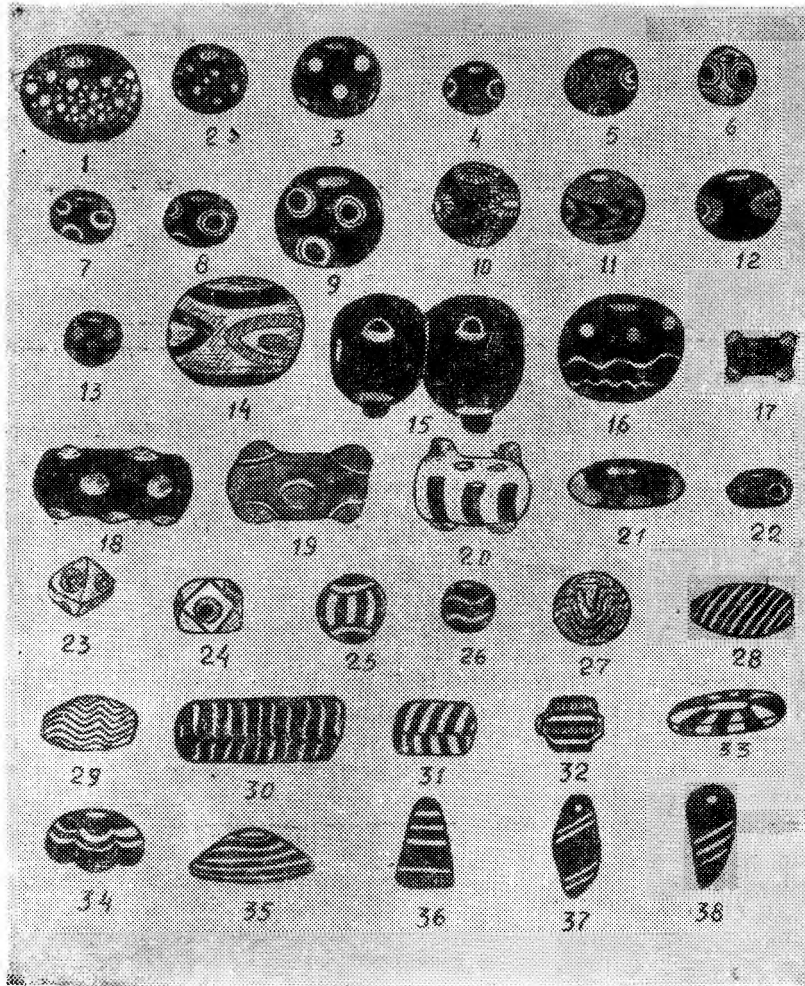

Рис. 3. Глазчатые и полосатые бусы.

на размягченную бусину. В Чирюрте два экземпляра (рис. 3₁₀), в Бежте — два (рис. 3_{11, 12}), в Агачкале VIII—IX вв. их нет, а в Агачкале X—XI вв. (рис. 3₁₃) — один экземпляр, в Галшине — один, в Б. Буйнакском кургане — два. Среди этих бус нет двух совершенно схожих, в бусах с мозаичными глазками не выделяется устойчивых типов.

Тип II. Зонные.

Вариант г. Глазчато-полосатые бусы. Крупные бусы (диаметром 3 см., поперечное сечение 2 см) из прозрачного зеленого стекла с двумя голубыми полосами, опоясывающими бусину в верхней и нижней части и тремя слегка вышуклыми глазками в широких овальных ободках. Глазки белые или красные, ободки на одной бусине двух-трех разных цветов. Подобные бусы найдены в аланских комплексах IV—V вв. на Верхней Кубани (2 экз.) и в случайных комплексах из Кабардино-Балкарии, (рис. 3₁₄). Кроме указанных типов в Чирюрте найдена двойная зонная с выступающими глазками и крупная зонная бусина с глазками и двумя волнистыми линиями, опоясывающими бусину (рис. 3_{15, 16}).

Тип III. Цилиндрические.

Вариант д. Бусы с выступающими слоистыми глазками «бородавчатые». Появляются в очень небольшом количестве в VI—VII вв., но распространенной формой становятся в VIII—IX вв.

Подтип I. Небольшие цилиндрические 1,12×0,6—0,8 см. В Чирюрте — один экземпляр, но не стандартной формы и расцветки, в Бежте — десять (сине-белые глазки на непрозрачно-зеленой, черной или синей основе) в Агачкале VIII—IX вв. — девять (на синей и красной основе); в Агачкале X—XI вв. один экземпляр с бело-голубыми глазками на зеленой основе, один синий с синими глазками и два более крупных нестандартных форм. Один экземпляр синей бородавчатой бусины известен из Б. Буйнакского кургана и один в Гоно (рис. 3₁₆ и 17).

Подтип II. Крупные бусы (2, 5, 1, 5 см.). Один экземпляр в Чирюрте (голубовато-зеленый с желтыми глазками (рис. 3₁₈), два в Бежте (голубые с бело-синими-коричневыми глазками (рис. 3₁₉), один в Агачкале X—XI вв. (голубые глазки на основе из мозаичного стекла, коричневые пронизывающие стержни в желтой основе). Технику см. ниже, (рис. 3₂₀). Абсолютно подобная бусина найдена в катакомбе VIII—IX вв. в Чми.

Тип 4. Кольцеобразные.

Вариант а.

Подтип I. Черные с желтыми глазками (диаметр от 1,3 до 2,3 см), один экземпляр в Бежте и два в Агачкале VIII—IX вв. (рис. 3₂₁).

Вариант б. Подтип I. Небольшие желтые кольцеобразные бусы с широким отверстием (диаметр 1, 2 см.) с тремя бело-синими аккуратными, слегка выступающими глазками. Одиннадцать экземпляров в Агачкале VIII—IX вв. и семь экземпляров в Агачкале X—XI вв. (20%). Этот тип встречается в VI—IX вв. в аланских северокавказских могильниках и в Салтово. (Рис. 3₂₂). Кроме круглых в сечении форм очень редко встречаются бипирамидальные и четырнадцатигранные (рис. 3_{23, 24}).

Как мы показали, глазчатые бусы, несмотря на свое большое разнообразие, позволяют выделить ряд устойчивых типов, часть из которых может служить датирующим признаком.

Группа IV. Полосатые бусы (1,7—7%).

Прежде, чем остановиться на отделах и типах этих бус, разберем различные технические приемы, с помощью которых такие бусы получают. Мы можем выделить 4 варианта.

Вариант а. На одноцветный стержень накладывались полосы одного или нескольких цветов, затем стержень вытягивался и разрезался на куски.

Вариант б. Полосы таким же образом, как в варианте а накладывались на многоцветный стержень так, что получается бусина с двумя глазками (поперечным сечением стержня) и соединяющими их полосами.

Вариант в. На отдельную бусину спирально навивается стеклянная нить другого цвета; иногда мастер проводит перпендикулярно виткам размягченной бусины и получает перистый орнамент.

Вариант г. Бусы изготавливаются из специально изготовленного полосатого мозаичного стекла — лист или вырезается, или сгибается.

Варианты а, б и г свидетельствуют о ремесленном производстве в широком масштабе, говорят о массовом изготовлении бус, тогда как при варианте в отдельно изготавливается каждая бусина.

Отдел I. Круглые

Тип I. Шарообразные. Используется вариант б и г. Три экземпляра бус в Чирюрте (рис. 3_{25, 26}), один в Бежте (рис. 3₂₇) и один в Агачкале (типа рис. 3₂₅).

Тип II. Эллипсоидные. Используется б и в. Три экземпляра в Чирюрте (рис. 3_{28, 29}), пять в Бежте, восемь в Агачкале VIII—XI вв.

Тип III. Цилиндрические. Используются варианты *в* и *г*. Четыре экземпляра в Чирюрте (рис. 3_{30, 31}), и два в Агачкале.

Тип IV. Лимоновидные. Используется вариант *а*, *г*. Один экземпляр в Агачкале, VIII—IX вв.

Отдел II. Плоские

Тип I. Дисковидные. Бусы, состоящие из расходящихся от центра полос стекла двух цветов. В Чирюрте такие бусы представлены тремя экземплярами. В Аланских и адыгских могильниках V—IX вв. им нет аналогии, но они встречены в Мингечауре. Интересно, что подобные бусы известны во Франции в V—VII вв.²⁶, что не кажется нам странным, т. к. на Рейне находились колонии сирийцев и евреев, и стеклоделие здесь продолжало ближневосточные традиции. (рис. 3₃₃).

Кроме этого обнаружены: один экземпляр желобчатой бусины в Бежте (рис. 3₃₄), два — пуговицеобразные «двухцветные» (рис. 3₃₅), характерные для памятников первых веков нашей эры. Среди полосатых бус особое место занимают бусы и подвески, сделанные из одного несогнутого куска. Многочисленные подвески пирамидальной или каплевидной формы. В Агачкале VIII—IX вв. — двенадцать экземпляров, в Агачкале X—XI вв. — семнадцать. Излюбленные цвета — коричневый, синий, белый, фиолетовый и зеленый. Аналогии в северокавказских могильниках VI—IX вв.

Для полосатых бус Дагестана характерны следующие черты: невысокий их процент среди стеклянных бус VI—VIII вв., увеличивающийся в Агачкале за счет треугольных подвесок; определенные технические варианты являются хронологическим признаком. Так, вариант *в* характерен для начала рассматриваемого периода, тогда как вариант *г* более часто употреблялся в X—XI вв. Кроме этого надо отметить преимущественность сочетания определенной формы с определенным вариантом. Для варианта *а* более типичной формой является лимоновидная или цилиндрическая, для варианта *б* шарообразная и цилиндрическая, для варианта *в* — эллипсоидная и цилиндрическая, для варианта *г* цилиндрическая или треугольная и каплевидная для подвесок из несогнутого листа.

МОЗАИЧНЫЕ БУСЫ (2—9,3%)

Мы выделяем 5 вариантов мозаичных бус по степени усложнения технологического про-

цесса и по характеру составных элементов мозаичных бус. Так как первый, наиболее многочисленный тип I отдела, шарообразные бусы, включает почти все варианты, то мы рассмотрим их при исследовании именно этого типа.

Отдел I. Круглые

Тип I. Шарообразные. *Вариант а.* Пятнистые мозаичные бусы.

Большое количество сломанных кусочков стекла разных расцветок помещается в форму и нагревается; получаются бусы или подвески с разноцветными пятнами стекла. Один экземпляр в Б. Буйнакском кургане.

Вариант б. Бусы, состоящие из одинаковых простых глазков. Применяются сочетания разных цветов — красного, желтого и зеленого (крупная шарообразная бусина из Чирюрта — диаметр 3,5 см.).

Вариант в. Бусы, состоящие из одинаковых мозаичных кусочков, представляющих сложные глазки с ресничками. В них можно выделить ряд подтипов. Вполне возможно, что дальнейшие исследования позволят выделить их значительно больше.

Подтип I. Бусы с красно-белым или сине-бело-красным глазком и темно-зелеными и желто-зелеными ресничками. Одна относительно крупная шарообразная бусина в Чирюрте, одна шарообразная в Бежте. Подобные шарообразные и эллипсоидные бусы известны в раннем средневековье Египта, найдены в аланских погребениях VIII—IX вв. Северного Кавказа, в Салтово, Томниковском могильнике, на Волге, в Старой Ладого и даже в Бирке (Швеция). Встречались они в Чехословакии и в Венгрии.

Вариант г. Бусы, состоящие из различных сложных или простых глазков. Получаются при вкладывании в форму глазков различных цветов и кусков полосатого и одноцветного стекла. Два экземпляра в Буйнакском кургане.

Выделяется подтип бус с глазками из оранжевой пасты. Встречено несколько разновидностей с орнаментами из оранжевых ромбиков в зеленых ободках и с красным глазком, опущенных в красную основу бусины, с разными разводами и ромбиками оранжевого, красного и черного стекла. Один экземпляр в Бежте, три в Агачкале VIII—IX вв., один в Киятле. Подобные бусы в очень ограниченном количестве найдены в Осетии и Кабардино-Балкарии, и мы можем предположить их изготовление в Дагестане.

Вариант д. Бусы с шахматным или «ков-

²⁶ E. Salin. Le Hant mosgen age en Lorraine d'après le mobilier Paris, 1939, стр. 163. Автор видит в этих бусах соляные изображения.

ровым» узором. В форму укладывались стержни стекла разных цветов таким образом, что в поперечном сечении получался рисунок (могло быть изображение лица медузы-горгоны, розетки, просто ковровый узор), затем стержень вытягивался и разбивался на диски или плиточки. Стержень стекла одного цвета пронизывался стеклянными нитями другого цвета. Тогда на двух полюсах выходили округлые срезы стержней, а между ними шли полосы. Известна одна шарообразная бусина в Чирюрте — красные стержни пронизывают белую основу. Есть шарообразные бусы со сплошным ковровым орнаментом, бусина состоит из 3—4 кусков. Один экземпляр в Б. Буйнакском кургане, один в Агачкале VIII—IX вв.

Тип II. Зонные

Подтип I. Небольшие бусины варианта б, составленные из 8—12 глазков — сине-белосиних. Так как белые непрозрачные стержни под разными углами преломляются в теле бусины, они дают игру глубокого синего кобальтового цвета основы и разных оттенков более светлого, в местах просвечивания глазков. Бусы из подобных глазков, но очень крупные, шарообразные изготавливались на Ближнем Востоке в позднеаримское время и мы находим их как в Крыму, на Каме и на Кавказе, так и по всему транс-азиатскому пути — в Хотане и даже Корее; а южный путь дает нам находки этих бус, вплоть до Борнео.

Указанных зонных бус I подтипа найдено: один экземпляр в Гапшине, один в Чирюрте, двадцать девять в Бежте (70% мозаичных), три в Агачкале VIII—IX вв. и один в Агачкале X—XI вв. Эти бусы типичны для аланских могильников VI—IX вв. на Северном Кавказе (в Чми 23 экз.) и в Салтово.

Подтип 2. Подобной формы бусы с желто-красно-синими (купоросный синий) глазками. Три экземпляра в Бежте, один в Маали выделяются, как тип по аланским северокавказским памятникам VI—IX вв.

Тип III. Биконические. Один экземпляр в Большом Буйнакском кургане варианта а.

Тип IV. Эллипсоидные. Обнаружены бусы варианта б из сине-бело-синих глазков, варианта г из одноцветного полосатого стекла и подтип бус из желтых глазков в красной каемке и с бело-черными ресничками. Один экземпляр в Чирюрте; подобные бусы изредка попадались в аланских северокавказских могильниках.

Тип V. Яйцевидные. Бусы варианта г из красно-желто-черно-белых глазков. Причем интересно, что в эти бусы, кроме глазков, всегда входят с краев и снизу кусочки черного полупрозрачного стекла. Найдено восемь экземпляров в Бежте и один в Агачкале X—XI вв. Аналогичные бусы встречены в северокавказских и Томниковском могильниках. Нам они кажутся характерными для VIII—IX вв.

Тип VI. Цилиндрические. Стоят на втором месте среди мозаичных бус после шарообразных. Представлены почти все варианты: б, в, г, д. Причем ряд бус представляет устойчивые подтипы. Подтип № 1. Вытянутые цилиндрические с синими, красными и белыми полосами по краям и красными звездочками по зеленому полю в центральной части. Подобные бусы обнаружены в аланских северокавказских могильниках, Салтово, Ст. Ладог, Чехословакии, Венгрии.

Подтип № 2. Состоящие из красного или желтого пояса в середине, двух рядов сине-белых глазков сбоку и непрозрачного белого стекла с краев. Один экземпляр в Бежте, один в Гапшине и три в Агачкале VIII—IX вв. Эта форма не найдена нигде, кроме Дагестана, а здесь, как мы видели, встречается в трех, достаточно удаленных друг от друга, пунктах.

Подтип № 3. Бусина с зелено-белыми стержнями, пронизывающими зеленую полупрозрачную ее основу.

Подтип № 4. Бусина состоит из пояса с шахматным узором в центре и одноцветного стекла (непрозрачного красного или желтого по краям). Один экземпляр в Ураде; в северокавказских аланских памятниках такие бусы характерны для VIII—IX вв.

Отдел II. Плоские

Тип I. Плитчатые. Ряд бус, исполненных в технике варианта д. В Агачкале VIII—IX вв. один экземпляр плоской плитчатой бусины с красным трилистником в центре и зелеными ресничками, идущими от центра к краям по желтой ее основе. В Агачкале X—XI вв. плоская овальная бусина с сине-бело-красным глазком в центре и зелеными ресничками по желтой основе.

Выделяется подтип I плитчатых плоских бус с проходящим насквозь оранжевым ромбиком в зеленом или желтом ободке с красным зрачком в центре. Основа бусины чаще всего из непрозрачного стекла красного цвета. Шестнадцать таких бус найдено в Агачкале, и в очень небольшом количестве в аланских памятниках Северной Осетии и Кабардино-

Балкарии. Можно предполагать их местное дагестанское происхождение.

Подвески из мозаичного стекла представлены одним экземпляром, исполненным в технике варианта г.

Итак, мы видим, что мозаичные бусы в большей степени, чем другие группы, служат датирующим признаком и более уверенно свидетельствуют о направлении торговых связей и возможном местном производстве.

Дав характеристику бусам, найденным на территории Дагестана, мы можем сделать выводы, которые вытекают из их исследования. Мы остановимся на трех основных положениях:

1. бусы, как датирующий знак;

2. вопросы, связанные с местным производством;

3. характер и направление торговых связей.

Теперь попытаемся показать, как можно использовать бусы в качестве датирующего источника. Мы выделяем периоды VI—VII вв., VIII—IX вв. и X—XI вв. Причем первый хронологический период мы берем по Чирюртовскому могильнику. Могильник в Бежте занимает промежуточное положение — мы по комплексу бус датируем его VII—VIII вв., имея близкие аналогии как в Чирюрте, так и в Агачкале VIII—IX вв. Второй период — по материалам Агачкалы (восточное отделение склепа) и частично по Бежте (анalogии встречены в Гапшине, Маали, Киялтле). Третий период представлен материалом земляных могил и других склепов Агачкалы со стеклянными браслетами. Во всех случаях важной проверкой для нас являются бусы из аланских памятников, хорошо датированных вещевым материалом и монетами.

БУСЫ IV—VII ВВ.

Для них характерен очень высокий процент каменных бус (71,6%), что было типично для адыгских и аланских памятников IV—V вв., но что отличает дагестанские памятники от одновременных им могильников алан Центрального Предкавказья. Из каменных бус можно считать характеризующим данный период высокий процент круглых сердоликовых бус (88%), в частности шарообразных (78%). Так как часто нельзя ни по каменным бусам, ни по стеклянным отделить VI—VII вв. от VIII—IX вв., (выделить VIII—IX вв. из VI—IX вв. значительно проще), то нам придется останавливаться и на тех формах, которые, возникнув в VI—VII вв., продолжают существовать и в VIII—IX вв. В частности, это отно-

сится к сердоликовым эллипсоидным гладким и желобчатым, четырехгранно-бипирамидальным и шестигранно бипирамидальным, инкрустированным, и агатовым «высверлкам» из перстней (плоским монетообразным).

Типичным для бус VI—VII вв. является самый низкий процент хрусталя (равен одному, тогда как уже в Бежте его 6,5). Причем, по формам хрустальные бусы находят свое продолжение в Бежте и совершенно отличны от бус Агачкалы VIII—IX вв. На первом месте стоят желобчатые эллипсоидные бусы (7—8 желобков), уменьшающиеся по числу в Бежте, затем круглые хрустальные, не находящие в Бежте продолжения. Затем идут эллипсоидные и четырнадцатигранные, приобретающие в Бежте большое значение. (Правда, когда мы говорим о хрустальных бусах, мы должны помнить, что они очень немногочисленны и поэтому оснований для статистических выводов нет).

Бусы из лазурита в VI—VII вв. представлены шестигранными призматическими, вытянутыми четырнадцатигранными и плоскими плитчатыми разделителями с тремя отверстиями. Эти формы могли лечь в основу подобных им бус из синего кобальтового стекла. Только в этом периоде мы встречаем коралловые бусы (14,7%) что, вместе с рядом других признаков, сближает Чирюрт с адыгскими и аланскими памятниками середины I тыс. до н. э.

Стеклянные бусы этого периода отличает невысокий процент одноцветных (33%) и преобладание среди них кривогранных форм (60%). Особенно типичными для VI—VII вв. являются шестигранные призматические из непрозрачного зеленого стекла (достигают 30%), синие четырнадцатигранные и разделители зеленые и синие, подражающие лазуритовым. В могильниках Центрального Предкавказья подобные разделители появились только в VIII в., более раннее нахождение их в Чирюрте позволяет считать возможным их привоз на территорию алан из Дагестана, где найдены их каменные прототипы.

Датирующим признаком является высокий процент позолоченных бус (42%, тогда как в Агачкале VIII—IX вв. — 5%), представленных многочисленными среднего размера с бурой позолотой и крупными многочисленными с позолотой прекрасного качества.

Типичным для этого периода является и высокий процент глазчатых бус (19—21%, в отличие от Агачкалы где их 10—13%), и большая стандартность типов бус, для VI—VII вв. Характерны небольшие шарообразные

бусы из буро-черного стекла с черно-белыми глазками и из голубого непрозрачного стекла с желто-красными глазками.

Полосатые бусы не дают для этого периода каких-либо типичных форм, кроме плоских «солярных», связанных с Албанией и не встречающихся в других северокавказских памятниках.

Мозаичные бусы в VI—VII вв. составляют 2%, поднимаясь в Бежте и Агачкале VIII—IX вв. до 9%.

В VI—VII вв. появляется ряд типов мозаичных бус, которые чрезвычайно характерны

для VIII—IX вв. Зонные из сине-бело-синих глазков, зонные из желто-красно-синих (купоросный синий) глазков, шарообразные или эллипсоидные с желто-красными глазками в зелено-желтых ресничках. Этот тип появляется на Северном Кавказе в VI—VII вв. в виде очень крупных эллипсоидных бус, затем происходит постепенное уменьшение размера и стандартизация формы, и в VIII—IX вв. складывается устойчивый, но грубый тип шарообразных бус, состоящих обычно из трех глазков. Этот тип широко распространен на Северном Кавказе и в Восточной Европе.

В это время распространены также бусы с пронизанными стерженьками и шахматным орнаментом.

БУСЫ VIII—IX ВВ.

Численность каменных бус падает в тот период до 20%; среди них на первом месте остается сердолик. Круглых сердоликовых бус имеется теперь до 50%, а шарообразных — до 30%. Наряду с присутствием форм, характерных для предшествующего периода (шарообразные, эллипсоидные гладкие и ребристые, четырехгранные бипирамидальные), выходят на второе место, четырнадцатигранные (20%) и плоские плитчатые (18%), которые можно считать датируемыми для этого и последующего периодов. Хрустальные бусы (4% в Агачкале, 6,5% в Бежте), которых больше, чем в предшествующем периоде, представлены в Агачкале шестигранными призматическими (впервые появившаяся в хрустале форма) и неправильными бипирамидальными. В Бежте продолжают жить те же формы, что и в Чир-Юрте. Возрастает процесс янтаря и, особенно, гишера (9%). Такого высокого процента гишера не достигал ни в одном другом памятнике. До 7% доходит количество альмандина, представленного стандартными формами. Среди стеклянных значительно возрастает процент одноцветных (67,8%), а внутри последних, круглых в сечении форм (78% вместо 30%).

ВЕКА	СЕРДОЛИК	ХРУСТАЛЬ	ЛАЗУРИТ	ГАГАТ
10-11	 55% 24%			
8-9	 50% 15% 20%			
6-7	 75% 10% 13%			

Рис. 4. Датирующие типы каменных бус.

Впервые, но в очень небольшом числе, встречены дутые эллипсоидные бусы из прозрачного стекла прекрасного качества. Типичными для Дагестана VIII—IX вв. являются бусы из оранжевой пасты — шарообразные и плоские плитчатые, возрастает роль одноцветных многочастных, в частности, в конце этого периода возникают лимонки.

Число позолоченных бус падает с 42% до 5%, глазчатых до 13%. Среди глазчатых выделяется ряд форм, появившихся только в VIII—IX вв., — шарообразные синие с желтыми глазками и синие с сине-белыми глазками; небольшие из белого или зеленого стекла с многослойными глазками; желтые кольцевидные с сине-белыми глазками; крупные шарообразные с многослойными глазками; «бородавчатые» средних размеров красного, зеленого и черного цветов и крупных размеров. Из полосатых — треугольные подвески из мозаичного полосатого стекла.

Процент мозаичных наибольший (9—9,3%); наблюдается большое разнообразие вариантов и появление новых устойчивых типов: яйцевидных из желто-красно-черно-белых глазков; одноцветных с шахматным пояском; цилиндрических из бело-сине-белых глазков и красных и белых полос — местная дагестанская форма; шарообразных и плитчатых из оранжевой пасты и зеленого, желтого и красного стекла.

БУСЫ X—XI ВВ.

В этот период несколько увеличивается процент каменных бус (с 20% до 33%), за счет увеличения сердоликовых (19%). Среди последних резко уменьшается процент круглых (24%) бус и возрастает процент кривогранных; четырнадцатигранные достигают 56%. Сохраняются, но в незначительном количестве, четырехгранные бипирамидальные, плоские плитчатые, появляются шестигранные призматические. Наибольшего процента достигают агатовые бусы (7,8%), падает роль янтаря и гишера, хрусталь представлен только шарообразными и одной четырнадцатигранной бусинами. Алюминидин, как и в VIII—IX вв., составляет 7%. Встречено по одной бусине из лазурита и благородного опала.

Число стеклянных одноцветных бус поднимается до 71%, причем шарообразных до 80%. Увеличивается роль многочастных бус, причем количество «лимонок» доходит до 6%. Появляется новый тип плоско-выпуклых бус, сделанных из заготовок стеклянных браслетов. Позолоченные бусы составляют 8%, глазча-

тые — 10%. Среди глазчатых нет новых устойчивых типов, продолжают встречаться типы VII—IX вв., много нестандартных форм. Выделяются синие шарообразные с сине-белыми глазками (20%) и желтые кольцевидные с сине-белыми глазками (20%). Среди полосатых (их процент поднялся до 7). 60% занимают треугольные или каплевидные подвески из мозаичного полосатого стекла, которые мы можем считать датирующими формами. Процент мозаичных бус с 9,3 упал до 2,5; мы встречаем единичные экземпляры тех типов, которые были характерны для предшествующего периода.

Остановимся подробнее на вопросах местного производства стеклянных и каменных бус и торговых связях. До самого последнего времени принято было все бусы считать импортом — каменные из индо-иранского мира, а стеклянные — из ближневосточных городов, Александрии, Тира и Сидона. В последнее время появились работы, посвященные местному изготовлению ряда категорий каменных и стеклянных украшений²⁷.

Для территории Дагестана VI—VII вв. можно говорить о местной обработке сердолика. Обработывался сердолик плохого качества — розовый трещиноватый. Бусы плохо полировались, поэтому на них видны слабо затертые сколы. Излюбленными формами бус были неправильно шарообразные, эллипсоидные и уплощенно-цилиндрические.

Можно предположить и местную обработку хрусталя и гишера, которые слабо употреблялись соседними аланскими племенами, но определенных данных для этого у нас нет²⁸. Еще сложнее ответить на вопрос о местном стеклоделательном производстве. Так как в Дагестане средневековые поселения подвергались раскопкам в очень незначительной степени, а открытие стеклоделательной мастерской даже при раскопках очень большого масштаба, — дело случая, то никаких материалов, подтверждающих это производство, в нашем распоряжении нет. Массовые анализы, как

²⁷ Г. Г. Леммлейн. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе. КСИИМК, 1947, XVIII. Н. Н. Угрелидзе. К истории производства стекла в древней Грузии. Автореферат диссертации. Тбилиси, 1955. В. В. Кропоткин. О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси. КСИИМК, 1957, вып. 68.

²⁸ Интересно, что работы Д. М. Атаева в Бежте в 1958 г. дали большое количество бус из гишера. При этом в районе Бежты имеются небольшие местонахождения этого камня.

химические, так и спектральные, которые могли бы, возможно, дать нам доказательства, не производились. Поэтому единственный наш метод — типологическое исследование бус, определение дат и выделение ареалов.

Большую помощь в понимании ряда явлений дают нам исследования, проведенные над бусами северокавказских алан и адыгов. Мы уже указывали, что среди одноцветных бус Агачкалы VIII—IX вв. около 80% составляют бусы из оранжевой пасты. Бусы эти распространены в Дагестане широко — от предгорных до высокогорных районов в VIII—IX вв. и в небольшой степени в X—XI вв. В дагестанском материале существует группа мозаичных бус, в состав которых входит оранжевая паста. Надо отметить, что оранжевая паста ни в виде основы, ни в виде компонента не встречена в бусах аланских и адыгских памятников, как местных, так и привозных, нет ее ни в Грузии, ни в Азербайджане. Мозаичные бусы с оранжевой пастой помимо их широкого распространения в Дагестане (Агачкала, Бейта, Киятль), встречены также (единичные находки) в аланских могильниках Северной Осетии и Кабардино-Балкарии (чем дальше на запад, тем их меньше). Но там их появление мы считаем результатом торговли с племенами Дагестана. По нашему мнению этот тип бус — местное производство Дагестана.

В X—XI вв. местным является производство бус из заготовок для плосковыпуклых браслетов (возможно, использовались отходы производства и бракованные браслеты). Пластинки разрезались на короткие куски (1—1,3 см), затем протыкалось отверстие. Таких бус X—XI вв. было около 30%.

Для подтверждения фактов местного производства бус у северокавказских племен VIII—IX вв., остановимся на тех выводах, к которым мы пришли в результате исследования бус Центрального Предкавказья. Можно говорить о нескольких центрах местного изготовления бус уже в VII—VIII вв. В Дарьяльском ущелье производились бусы из бесцветного зеленоватого стекла шарообразной, цилиндрической и бипирамидальной формы. О чем свидетельствуют ареал распространения (очень большое количество в Чми и Балте и лишь отдельные экземпляры в более западных и восточных районах) и находка одного бракованного экземпляра. Эти бусы изготавливались по античному рецепту натриево-кальциево-кремнеземных стекол.

Очень большой интерес представляет груп-

па плоских эллипсоидных и четырнадцати-гранных желтых бус, изготавливавшихся в районе Архона (Северная Осетия) еще в VII в. Представленные несколькими экземплярами в каждой катакомбе, встречаемые в единичных экземплярах в других североосетинских и кабардино-балкарских памятниках, эти бусы особенно ценны своим составом. Они изготовлены не по античному рецепту, а дают свинцово-кремневые стекла, столь характерные в дальнейшем для Древней Руси. Причем здесь не сходство, а генетическое родство. В VIII—IX вв. эта техника изготовления бус приносится аланами на Донец (большое количество подобных бус найдено С. А. Плетневой в Дмитровском могильнике, в 50 км, к северу от Салтова) и отсюда, возможно, воспринимается славянами.

На местном изготовлении браслетов останавливался в вышеуказанной работе В. В. Кропоткин. Мы можем только прибавить к этому данные о находках бракованных стеклянных браслетов в Геленджике, Лаце и Дарьяле. Кроме указанных выше типов бус Центрального и Восточного Предкавказья, которые мы считаем безусловно местным производством, можно выделить еще ряд типов, встречающихся только на этой территории — например, глазчатые из голубого непрозрачного стекла, черно-бурые с черно-белыми глазками и т. д. Возможно, они и еще целый ряд одноцветных глазчатых, полосатых и даже мозаичных бус являются предметом местного изготовления, но решение этого вопроса — дело будущего; для этого нужно накопить новый, хорошо документированный материал с территории Северного Кавказа и изучить материалы Ближнего Востока.

Вопросы торговых связей как раз и упираются в почти полную неизданность материала по бусам Ближнего Востока, бывшего долгое время основным центром стеклоделия и поставлявшим свои товары в Африку, Европу и Азию. Ближневосточные бусы найдены на территории от Англии и Испании на Западе, до Кореи на Востоке, от Скандинавии на севере до Индии и Борнео на юге. И все же до сих пор изучены бусы и изданы материалы только там, где они поныне являются предметом импорта.

Стеклянные ближневосточные бусы попадали на Кавказ через Иран, а до ирано-византийских войн через северо-причерноморские города. В VI—IX вв., если судить по сложным мозаичным бусам, основное их количество попадало через Дарьяльское ущелье, а меньшее — по Закавказью в Албанию. (Наборы

мозаичных и глазчатых бус Албании и Центрального Предкавказья значительно отличаются).

Дагестан был связан с Албанией приморским путем (отсюда он получал бусы из лазурита, альмандина, возможно, «индийского» сердолика и ряд форм стеклянных бус) и с Центральным Предкавказьем путями, шедшими вдоль Кавказского хребта²⁹. Отсюда большая общность в ряде типов бус, особенно стеклянных, обмен был двусторонним: с территории Осетии сюда шли мозаичные и глазчатые бусы, скорее всего ближневосточного происхождения, а из Дагестана каменные бусы индо-иранского происхождения и местные дагестанские, одноцветные и мозаичные.

Особенная общность между Центральным и Восточным Предкавказьем (это прекрасно объясняется и исторически) наблюдалась в VI — нач. VIII вв. Дагестан X—XI вв. большую часть аналогий имеет в среднеазиатских памятниках и очень сильно отличается от одновременных ему аланских (например, Змейский катакомбный могильник). Изучение торговых связей особенно настоятельно требует значительно лучшего исследования смежных территорий Закавказья, Средней Азии, и особенно территории Ирана, Сирии, Финикии и коптского Египта, без чего многие наши выводы будут долго еще носить предварительный характер.

Таблица 1

Соотношение каменных бус памятников Дагестана

Памятник	Сердолик	Агат	Янтарь	Гишер	Хрусталь	Лазурит	Коралл	Кварц	Альмандин	Опал	Общий % камен. бус	Общее количество бус
Агачкала X—XI вв.	79	7,8	0,5	3	3,5	0,5	—	—	6,8	0,5	33	515
Агачкала VIII—IX вв.	67	7	7	9	4	—	—	—	7	—	20,5	487
Бежта	87,6	4,5	0,5	—	6,5	—	—	—	—	—	32,4	610
Чирюрт	78,5	1,5	2,7	1	1	0,5	17,6	0,5	—	—	71,6	1620
Большой Буйнакский курган	65	—	28	17	—	—	—	—	—	—	11	100
Гапшима	16	8	2	8	16	—	—	—	50	—	46	70

Таблица 2

Соотношение стеклянных бус Дагестана

Памятник	Одноцветные	С металлической прокладкой	Глазчатые	Полосатые	Мозаичные
Агачкала X—XI вв.	71	8	10	7	2,5
Агачкала VIII—IX вв.	67,8	5	13	5	9,3
Бежта	36	31,2	21	1,7	9
Чирюрт	33	42	19	3,7	2,1
Большой Буйнакский курган	77	1,5	10	6	8
Гапшима	90	1,5	1,5	1,5	4

²⁹ Об этом пути говорят арабские авторы в связи с арабо-хазарскими войнами, когда арабы прошли в Дагестан с юга, через Дарьяльское ущелье.

М. Г. МАГОМЕДОВ

ОСТАТКИ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СТЕН У АНДИЙСКИХ ВОРОТ

Настоящая статья посвящена историко-архитектурному памятнику, известному в горном Дагестане под названием Андийские ворота.

Андейцы — одна из этнографических групп аварцев, занимают территорию северо-западной части горного Дагестана. Они издревле населяют обширную котловину, образуемую отрогами Андийского хребта. Котловина, изолированная от остальной части горного Дагестана и сопредельных областей почти отвесными склонами, достигающими более 2000 м над уровнем моря, была трудно доступна для неприятеля. Проникнуть в этот район было возможно тремя путями: через Муниинское, Хорочоевское ущелья и Андийские ворота.

Узкое и глубокое Муниинское ущелье, протяженностью до 5 км, прорезает один из отрогов хребта с юга на север, со стороны реки Андийское койсу. Река Унсатлен, протекающая по ущелью, в период разливов исключает возможность проникновения в Анди этим путем. А в остальное время путь через ущелье мог быть закрыт сторожевым пунктом на одной из близлежащих вершин Андийского койсу.

Мощная шестиэтажная сторожевая башня, возведенная у самого входа в ущелье, со стороны селения Муни, давала возможность заблаговременно предупредить о вторжении неприятеля. Она являлась звеном в цепи сторожевых башен, расположенных на расстоянии зрительной связи по длине реки Андийского койсу, служившей одним из древнейших путей для проникновения в глубь Дагестана.

Со стороны Чечено-Ингушской АССР в Анди можно попасть через Хорочоевское ущелье протяженностью до 40 км. Как и Муниинское

ущелье, оно имеет отвесные высокие склоны и незначительную ширину. В случае военной опасности доступ через ущелье также легко закрыть.

Наиболее легким и удобным путем для проникновения в Анди, особенно при движении больших масс людей, является дорога, прохо-

Рис. 1. План расположения Андийских ворот.

дящая через Андийские ворота. «Ворота» являются естественным проломом в отвесных отрогах Андийского хребта, ограждающего Андию с севера — Гумбета и Салатави. (рис. 1). Преувеличенное значение этих «ворот», называемых знаменитыми, не лишено исторической основы, поскольку многие иноземные вторжения, отразившиеся в народных преданиях, осуществлены именно через эти «ворота». О важности «ворот» для судеб андийцев свидетельствуют остатки мощных оборонительных сооружений, которые были возведены здесь в древности, с целью закрытия входа в Андию этим наиболее доступным путем.

О существовании остатков оборонительных

стен у Андийских ворот известно давно. Специально они упоминаются в статье М. Агларова¹, посвященной поселениям Андийской группы народов.

С целью тщательного изучения Андийских ворот² и остатков оборонительных сооружений, автор совместно с научными сотрудниками Агларовым М. А. и Гаджиевым М. Г. весной 1964 г. обследовал этот район.

От близлежащего селения Риквани к «воротам» ведет горная тропа протяженностью около 10 км. Она идет по склонам пересеченного складками хребта до перевала, достигающего более 2300 м. над уровнем моря. В настоящее время тропа используется в основном чабанами при перегоне овец с плоскости на альпийские луга.

Остатки оборонительных сооружений в виде нагромождений развалин протянулись по самому гребню перевала, между хребтами, образовавшими пролом под названием Андийских ворот. Сразу же за остатками стен в сторону Гумбета склон довольно круто опускается вниз. Несмотря на значительную разрушенность оборонительных стен и башен, они хорошо прослеживаются на всем своем протяжении. Отсутствие удобных подъездных путей для выборки скопившегося здесь прекрасного строительного камня со следами легкой обработки и явилось причиной того, что он после разрушения, учиненного врагом, был подвластен только времени и разрушительным силам природы.

Остатки стен берут начало от вертикального естественного обнажения хребта с восточной стороны пролома. До противоположного западного среза хребта стена тянется, образовав три зигзагообразных отрезка. На первом отрезке стена на протяжении 30 м идет по прямой линии строго на запад по ровной поляне. Затем, свернув на северо-запад, около 140 м тянется по выступам пересеченных скальных обнажений. И на последнем отрезке длиной около 50 м, вновь свернув на запад по крутому склону основания противоположного хребта, идет вверх и упирается в его вертикальный срез. Общая протяженность стены составляет около 220 м, а высота наиболее сохранившихся участков достигает 3,0 м. (рис. 2).

Конструктивные особенности стены на всем

¹ М. Агларов. Поселение и жилище Андийской группы народов в XIX — начале XX вв. «Ученые записки ИИЯЛ», т. XVI. Махачкала, 1966, стр. 37.

² Автор считает своим долгом выразить благодарность М. А. Агларову за оказанное содействие при обследовании Андийских ворот.

ее протяжении определены оборонительными функциями того или иного ее отрезка.

Наиболее важным и уязвимым участком является первый отрезок стены длиной 30 м. Она не имеет перед собой естественных препятствий для неприятеля, как это наблюдается

Рис. 2. Остатки оборонительных стен у Андийских ворот.

на других участках. На этом отрезке стены, видимо, находились и ворота³. Показательно, что современная горная тропа на Гумбет подходит к стене именно в этом месте. Другого направления для нее, ввиду пересеченности рельефа и выходов обрывистых скал, не могло быть.

Стена на этом участке достигает 4,0 м толщины и возведена методом панцирной кладки без применения скрепляющего раствора. Оба

³ Информатор Хъариманов База (около 80 лет) из сел. Ашали Ботлихского района ДАССР нам сообщил, что согласно преданию скрип ворот был слышен во всем Андийском округе.

ее панциря сложены из крупных, слегка обработанных камней (рис. 3), достигающих размеров: $0,5 \times 0,4 \times 0,4$; $0,7 \times 0,4 \times 0,3$ м. Все камни, имея почти одинаковую толщину в 0,3—0,4 м. свидетельствуют, что их добыча производилась на месте, структура скальных обнажений, состоящих здесь из пластов указанной

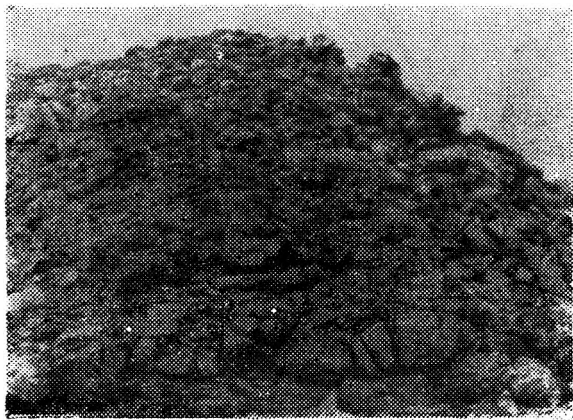

Рис. 3. Остатки стен.

толщины, позволяет производить относительно легкую его заготовку. Забутовка стен также состоит из рваного камня без иных примесей, что создает впечатление сплошной стены. Однако по более крупным размерам камней, компактной и пригнаной кладке, панцири толщиной в 0,8—0,9 м отличаются от остальной массы забутовки. На всем протяжении стена имеет подобную панцирную конструкцию, различие лишь в толщине на отдельных ее участках. Крепость стены, возведенной насухо, без применения скрепляющего раствора, достигалась умелой пригонкой слегка отесанных камней, что требовало высокого профессионального мастерства строителей. На высокую технику сухой кладки стен в Дагестане не раз указывалось исследователями его архитектуры⁴.

В 15 м от начала стены, на месте пересечения ее дорогой, отчетливо прослеживаются кладки, примыкающие к общей толщине оборонительной стены и выходящие за обе стороны на 2 м. Из-за значительного развала стены на этом участке, протяженность и характер этих утолщений проследить не удалось. Но как в этих пристройках, так и в толще

основной стены, по ровной кладке отдельных участков прослеживается проход шириной в 2 м по фундаменту. Утолщение стены за счет этих пристроек, наряду с прослеживаемым проходом, позволяют говорить о привратных сооружениях, возведенных с обеих ее сторон для дополнительного укрепления въезда.

В конце отрезка оборонительной стены, на месте ее поворота к северу, сохранились остатки сооружения четырехугольной формы. Внутренняя его площадь составляет 5×4 м, причем западный его угол закруглен, толщина стен в пределах 0,7—0,8 м. Сооружение это видимо является остатками жилой привратной башни.

На расстоянии 20 м к северо-западу от привратной башни оборонительная стена упирается в массивную скалу шириной около 8 м и высотой до 4 м. Скала имеет отвесную наружную сторону и сознательно включена в линию обороны. От нее оборонительная стена тянется по верху скальных обнажений и сливается с кладкой круглой в плане боевой башни № 2, диаметром около 10 м. Башня также сооружена методом панцирной кладки. За ней толщина стены уменьшается до 3 м. Она повторяет ломаные очертания наружных краев скал и, неуклонно поднимаясь, через 120 м сливается с очередной боевой башней № 3. Башня также круглая в плане, достигает 12 м в диаметре. На протяжении второго отрезка стены от жилой привратной башни и до боевой башни № 3, наблюдается искусственное увеличение падения скал в результате добычи камня по всей их внешней линии. Превратив этот участок в своего рода карьер, строители увеличили высоту их внешних отвесных сторон до 2 и более метров. Увеличение естественно-защитных данных рельефа искусственным путем является показателем умелого решения фортификационных задач в сложных географических условиях. Это особенно проявляется на данном отрезке, где массивные стены, возведенные на скалах, дополнительно усилены двумя боевыми башнями. Подобное усиление обороны обусловлено требованиями защиты подступов к воротам. Направление стены изменено здесь с таким расчетом, что дорога, ведущая к въезду с наружной стороны, оказывается как бы параллельной ей. Это давало возможность обороняющимся держать неприятеля под фланкирующим обстрелом.

От башни № 3 оборонительная стена тянется вверх по крутому склону основания противоположного хребта и упирается в обрывистые скальные обнажения. На этом последнем

⁴ Н. Б. Бакланов. Архитектурные памятники Дагестана. Л., 1935, стр. 12; Г. В. Мовчан. Из архитектурного наследия аварского народа. СЭ 1947. № 4, стр. 206—207 и др.

отрезке она колеблется в толщине от 2 до 2,5 м., и в отличие от предыдущего отрезка возведена на земляном основании склона. Стена также панцирная, уменьшение ее массивности объясняется, видимо, увеличением общей крутизны склона с внешней ее стороны, а главное наличием рва перед ней. Земляной ров и вал общей шириной 10 м и длиной в 50 м тянется по склону вниз от обнажений хребта до башни № 3, являясь дополнительным серьезным препятствием для неприятеля на этом отрезке стены (рис. 4). Сооружение

Рис. 4. Остатки рва перед оборонительной стеной.

рва, помимо увеличения глубины обороны, лишней раз доказывает северную направленность оборонительных стен.

Кроме массивных панцирных стен, возведенных в сложном переплетении с рельефом и с разумным использованием его естественно-защитных данных, на всем протяжении мощными узлами в обороне выступают боевые башни № 2 и 3. Интересно отметить, что они, в отличие от общепринятых рекомендаций сооружать их без перевязи с оборонительными стенами⁵, связаны с ними общей кладкой. Эта нехарактерная для фортификации деталь объясняется, видимо, тем, что башни, как и стены, возведенные на прочной скальной основе, не могли вызвать оседания фундамента от собственной тяжести. А перевязь кладки стен и башен по этой причине, наоборот, увеличивала их общую прочность, поскольку о разрушении башен и связанных с ними стен осадной техникой не могло быть и речи. Обрывистые склоны скал и общая пересеченность

местности перед ними исключали такую возможность.

Любопытно и круглопланные формы башен. Сооружение таких башен, как более устойчивых перед стенобитной техникой, не характерно для горной части Дагестана, что отмечалось еще первыми их исследователями⁶ и что подтверждается данными новых археологических раскопок Урцекского и Аркаского городищ. Как уже указывалось, рельеф местности исключал возможность доставки в горы и применение стенобитной техники. Поэтому четырехугольные башни, как более простые конструктивно и удобные в сооружении, получают в горах широкое распространение. Примечательна не только круглоплановая форма башен, но их перевязь и расположение по отношению к оборонительным стенам. Дело в том, что они выходят за обе стороны стен на одинаковые расстояния (на 3—4 м.). Большие размеры башен придают им облик важных в оборонительном отношении узлов. Возведение круглоплановых башен, наряду с большими запасами прочности и монументальностью всего сооружения, свидетельствует о применении передовых для своего времени требований фортификационного строительства.

К укреплениям Андийских ворот относятся и завалы еще одного сооружения, выявленного несколько в стороне от стены. По контурам сохранившихся стен его внутренние размеры составляют 10×5 м. Расположение помещения с тыла от стены и сравнительно большие его размеры позволяют видеть в нем караульное помещение, где располагался, по всей вероятности, гарнизон, охранявший ворота.

Археологические раскопки оборонительных стен не производились. Не обнаружено и подъемного, особенного керамического материала, позволившего бы судить о времени их сооружения. Все это наряду с отсутствием письменных источников о них затрудняет возможность датировки, определения кем и против кого они были сооружены. Единственным источником, дающим возможность судить о времени их сооружения, является сам археологический памятник, его фортификационные и конструктивные особенности, а также некоторые устные предания.

Несмотря на противоречивый характер преданий, связанных с Андийскими воротами,

⁵ Марк Витрувий Поллион. Об архитектуре. Л., 1936, стр. 35.

⁶ А. Н. Грен. Краткий очерк истории Кавказского перешейка (выпуск первый). Языческий период. Киев, 1895, стр. 24.

они все же несут в себе отголоски исторических событий и поэтому представляют значительный интерес, тем более, что других источников по древней истории Андии нет.

Некоторые устные традиции связывают Андийские ворота с именем легендарного Шамиля. Однако Шамиль имел к ним лишь косвенное отношение. Так на всем протяжении в толще остатков башен и оборонительных стен сохранились пять воронкообразных углублений, которые по рассказам старожиллов Андии служили своего рода ложами для шамилевских пушек, направленных против двигавшихся в Андию войск Воронцова. Но связывать стены Андийских ворот с Кавказской войной, как это имеет место в устных традициях, будет неверно. Например, Иван Загурский, проходивший через эти ворота будучи пленным, в 1842 г. писал: «На следующий день мы двинулись по дороге, ведущей к границам Андийского и Гумбетовского обществ. Здесь непроходимые скалы, разделяющие эти два общества, представляют обширный пролом, сложенный завалами, так что в этом месте едва может пройти одна вьючная лошадь. Это исторические Андийские ворота, открывающие собой вход в ущелье»⁷.

Об этих завалах, но не о стене и башнях сообщает и граф Воронцов⁸. Очевидно, что оборонительную стену Шамиль не соорудил, так как к началу Кавказской войны она уже была в развалинах.

Устные предания гласят, что ворота были укреплены неким ханом Елуком. Став ханом Андии, говорится в предании, он покорил родовую знать «Бичичюнал» и укрепил Андийские ворота, построив крепостную стену против двигавшегося со стороны Гумбета войска Арсах-Тимура. Тимур простоял у Андийских ворот семь дней. Противники Елука показали ему другую дорогу и он, ворвавшись в Андию, единым ударом разрушил возвысившийся дом Елука, и Андия не знает более могущественных правителей⁹. С этого времени род Елуков получил иное название у окружающего населения — «Вагъашадул», т. е. «потерпевшие». Если учесть характерную быстроту и внезапность движения войск Тимура и расстояние от Гумбета до Андийских ворот (30 км), то сооружение массивных стен Елуком за корот-

кий промежуток времени немислимо. Поэтому представляется возможным допустить, что Елук укрепил существовавшие до него оборонительные стены Андийских ворот. Об этом говорят капитальность и прочность остатков этих стен, в которых не чувствуется и намека на поспешность их строительства.

В предании, отражающем более древнюю и, по-видимому, более реальную историю строительства Андийских ворот говорится, что основателями селения Анди были царь (шагъи-шагъ) Ануш и Уллубий-Харчи. Из предания далее следует, что Ануш не только основал сел. Анди, но и возвел вокруг него высокую белокаменную стену. У ворот установил высеченное из камня изображение орла и меча; камни с подобными изображениями были установлены и по границе Андийских владений.

Исходя из предания, можно заключить, что Ануш и был тем владетелем, который не только основал селение Анди, установил границы своих владений, но и укрепил Андийские ворота, воздвигнув оборонительные сооружения.

Последняя часть предания, связанная со строительной деятельностью Ануша и восходящая к раннесредневековой истории Андии, вполне согласуется с археологическими и иными данными, отражающими раннесредневековые, как наиболее возможное время строительства оборонительных стен у Андийских ворот. Пребывание в Андии как ранних монгольских отрядов в XIII в., так и отрядов Тимура в XIV в. является вполне вероятным¹⁰.

Стратегическая важность этого прохода для судеб населения Андии очевидна. Это находит отражение в массивности и тщательности возведенных оборонительных сооружений. Выполнение такого объема работ, с такой тщательностью и максимальным соблюдением правил фортификационного искусства и в столь неблагоприятных естественных условиях могло быть осуществлено только при существовании в Андии достаточно сильной централизованной власти. История Андии после монгольских нашествий не знает такой сильной власти, способной выполнить подобный объем строительных работ. Следовательно, стены могут иметь более древнее, скорее всего раннесредневековое происхождение.

Какими же конкретными хронологическими рамками могут быть датированы оборонительные стены Андийских ворот? Опыт археологического изучения подобных памятников пока-

⁷ Иван Загурский. Восемь месяцев в плену у горцев. ССКГ, т. 19, стр. 245.

⁸ Отношение графа Воронцова к князю Чернышеву от 19 июня 1845 г., № 25. АКАК, т. 10, стр. 367.

⁹ М. Агларов. Историко-этнографический очерк андийцев. Рукопись кандидатской диссертации, стр. 22.

¹⁰ М. Агларов. Указ. соч., стр. 22.

зывает, что интенсивное строительство фортификационных сооружений в Дагестане относится исключительно к раннему средневековью, ко времени VI—VIII вв. н. э. Их возводили для защиты раннефеодальных владений Дагестана от вторжений кочевых племен со стороны Прикаспийской низменности¹¹.

Андийские стены по-видимому и были возведены одним из владетелей раннефеодального Дагестана и возможно Анушем, под властью которого согласно преданию находилась территория Андийского общества. Именно к этому периоду относятся сведения письменных источников, свидетельствующие о бытовании на территории Дагестана целого ряда раннефеодальных образований¹². Эти же сведения наряду со строительной деятельностью сасанидского Ирана по укреплению северных границ, вследствие опасности вторжений кочевников¹³, указывают и на строительные мероприятия дагестанских раннефеодальных владетелей. В этой связи интересна работа Аббас-Кули-Ага Бакиханова, который пишет, ссылаясь на Омар бин-Верды, что кроме ворот Баб-эль-Абвab, построенных Ануширваном и преграждающих путь хазарам, абвab (ворота) находятся в ущельях Кайтагских гор, как-то: Баб-цул (сул), Баб-Алан, Баб-Сабран, Баб-Лазика, Баб-Себжен, Баб-Сагиб-Серир, Баб-Филаншах, Баб-кару-Маншах, Баб-Иран-шах и Баб-Мираншах, а так как Дербент стоит на большой дороге и важнее всех укреплений, то поэтому, как указывает Бакиханов, он называется Баль-эль-Абвab¹⁴. Эти же сведения с небольшими изменениями мы встречаем и у Ибн-Хордадбеха в его книге путей и царств¹⁵. Если учесть, что отец Ибн-Хордадбеха от имени халифа управлял Табаристаном¹⁶, то знание географии и укрепленных пунктов Дагестана для него вполне естест-

венно. Указанные сведения подтверждаются археологическими исследованиями последних лет, которые позволили выявить остатки оборонительных сооружений и укрепленных пунктов, возведенных у естественных проломов и перевалов горных хребтов.

Возведение оборонительных сооружений и укрепление границ для Дагестана было особенно необходимо в силу его географического расположения. Занимая северо-восточную часть Кавказа, где завязывался узел взаимоотношений с племенами кочевников, Дагестан представлял собой важнейший стратегический рубеж в общей системе его обороны. Являясь своего рода аванпостом в системе обороны Кавказа, раннефеодальные образования Дагестана в первую очередь были подвержены неоднократным нашествиям кочевых племен, продвигавшимся в страны Древнего Востока.

Эта грозная опасность диктовала необходимость тщательного укрепления возможных путей проникновения неприятеля в горы. Следствием чего были повсеместные и грандиозные строительные работы по укреплению границ на всем Кавказе¹⁷ и в Дагестане в частности.

Далеко не случайно в источниках, наряду со строительными мероприятиями сасанидов, часто упоминаются укрепленные пункты Дагестана. Более того, они связываются с именами сасанидских царей¹⁸ и преподносятся как сасанидские творения¹⁹. Это следует, видимо, связывать со значением Дагестана в стратегической политике Ирана по укреплению северных границ. Позиция владетелей Дагестана, особенно в ирано-хазарских отношениях, безусловно имела важную роль в успехе этой политики. Источники прямо указывают, что «Хосрой (персидские цари) прилагают большую заботу к этой пограничной местности и не ослабляют наблюдения за ее положением вследствие великой опасности с этой стороны и сильной боязни ее»²⁰. Дагестан не только занимал ключевые районы на северных границах сасанидского Ирана, но и как пишет Истахрий, «они многочисленны и сильны и есть у них как конница, так и пехота»²¹.

Без дружеского расположения к себе ран-

¹¹ М. Г. Магомедов. Некоторые итоги археологического изучения фортификационных сооружений приморского Дагестана в раннем средневековье. Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР (тезисы докладов). Баку, 1965, стр. 156.

¹² Аль Истахрий. Книга путей и царств. Перевод Н. А. Караулова. СМОМПК, вып. 29. Тифлис, 1901, стр. 15.

¹³ Аль Истахрий. Указ. соч., стр. 13.

¹⁴ Бакиханов Аббас-Кули-Ага. Гюлистан Иран. Труды Общества обследования и изучения Азербайджана, вып. IV.

¹⁵ Н. А. Караулов. СМОМПК, вып. 32. Тифлис, 1903, стр. 15.

¹⁶ Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган в Поволжье в IX—X вв. М., 1962, стр. 39.

¹⁷ М. И. Артамонов. Древний Дербент. СА, VIII, 1946, стр. 121.

¹⁸ В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербента X—XI веков. М., 1963, стр. 31.

¹⁹ Тарихи Дербент-наме. Под ред. М. Алиханова. Аварское, Тифлис, 1898, стр. 33.

²⁰ Аль-Истахрий. Указ. соч., стр. 13.

²¹ Там же, стр. 15.

нефеодалных владетелей Дагестана строительные усилия сасанидов были бы сведены на нет, так как они могли бы, преодолев горные тропы Дагестана²², совместно с хазарами появиться в тылу Дербента и окружить его²³.

Насколько для сасанидов был важен союз с владетелями Дагестана, видно из того, что они вводят знать Дагестана в систему персидской иерархии²⁴ раздают им громкие титулы «шахов». Добившись ценой немалых усилий и средств²⁵ жизненно необходимого, дружественного расположения владетелей Дагестана, сасаниды были также заинтересованы в укреплении проходов, ведущих в горы. О большом доверии друг к другу, а возможно и о династических связях свидетельствует тот факт, что когда империя сасанидов разваливалась под ударами арабов, последний царь из династии сасанидов Ездеджерд, как пишет Масуди, отправил свой золотой трон и имущество в страну Сахиб-ас-Серир для сохранения там в безопасности²⁶.

Сказанное свидетельствует, что между Сасанидским Ираном и владетелями Дагестана существовал довольно прочный военный союз, направленный своим острием против кочевников. Для Дагестана этот период характерен массовым возведением оборонительных сооружений. Именно в это время получает широкое распространение прием возведения массивных панцирных стен с увеличенным запасом прочности, не характерный для последующих строительных традиций.

Оборонительные стены Андийских ворот и были возведены по-видимому одним из раннефеодалных владетелей, чтобы закрыть доступ в свои владения возможному неприятелю, а главное, чтобы противостоять захватническим устремлениям соседних правителей.

О раннесредневековом происхождении андийской стены свидетельствуют ее фортификационные особенности, а главное, техника кладки стены. Аналогии подобной массивной панцирной техники кладки стен мы наблюдаем в раннесредневековых слоях Урцекского горо-

дища, датируемого V—VII вв. н. э.²⁷ Подобной техникой возведены оборонительные стены Сигитминского²⁸ и Верхнечирюртовского²⁹ городищ, относящихся также к раннему средневековью. Эти сооружения, имея, несомненно, раннесредневековое происхождение, возведены, как и Андийская стена, характерным для этого периода методом панцирной кладки и достигают значительной толщины — до 3—4 м. Для последующих периодов подобная массивность оборонительных стен не характерна. Стены раннесредневековья, как правило, возводились и единым строительным приемом — они сооружались из рваных или слегка обработанных средних размеров камней, чаще без применения скрепляющего раствора. Этот же прием сухой кладки характерен и для Андийской стены.

Боевые башни Андийской стены, достигая значительных размеров и имея прогрессивные округлые формы, выступают важными узлами в общей системе обороны. Подобное их значение в обороне отражает последующий прогресс раннесредневековой дагестанской фортификации, по сравнению с албано-сарматским временем, где боевые башни не находят еще широкого применения³⁰.

Все сказанное дает возможность датировать стены Андийских ворот VI—VIII вв. н. э., т. е. периодом, когда фортификационное искусство раннесредневекового Дагестана достигло своего наивысшего расцвета³¹.

Арабские завоевания в Дагестане положили предел интенсивному строительству оборонительных сооружений и дальнейшему развитию раннесредневекового фортификационного искусства. И для последующих периодов Дагестану не характерны грандиозные оборонительные сооружения со столь массивными толщами стен, что объясняется уменьшением эффективности подобных средств защиты в связи с возросшим мастерством военного искусства и осадной техники.

Интересен вопрос о возможности бытования на территории Андии одного из известных

²² Е. И. Козубский. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906, стр. 17.

²³ В. Бартольд. Дербент. Из энциклопедии ислама. Париж, 1913; РФ ИИЯЛ, 9 (д) Б-26, стр. 9.

²⁴ М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 124.

²⁵ Е. А. Пахомов. Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье. ГАИМК, 1933, № 9—10, стр. 39—47.

²⁶ Масуди. Книга сообщений и знаний. СМОМПК, вып. 38, Тифлис, 1968, стр. 52.

²⁷ В. Г. Котович. Отчет о работе приморской археологической экспедиции Института ИЯЛ Дагфила-ла АН СССР в 1963 г. РФ ИИЯЛ, Махачкала, 1964, д. № 172.

²⁸ К. А. Бредэ. Отчет о раскопках в 1956 году археологических памятников на Сигитме. РФ ИИЯЛ, д. № 35.

²⁹ К. А. Бредэ. Отчет об археологических разведках на берегу Сулака и доисследования Сигитминского нижнего поселения в 1958 г. РФ ИИЯЛ, д. № 82.

³⁰ М. Г. Магомедов. Указ. соч., стр. 156.

³¹ Там же.

по источникам раннефеодальных владений. Ясно, что изолированная и замкнутая Андия могла представлять собой одно из этих владений. Не исключена возможность и того, что одним из владетелей мог быть Ануш, который, по преданиям, устанавливает границы своих владений и возводит оборонительные стены у Андийских ворот. 200 лет царствования Ануша (по преданиям) видимо следует рассматривать как время правления династии дома Ануша.

В качестве постановки вопроса можно допустить, что территория Андии являлась в раннем средневековье владением Филан-шаха.

Как известно, общего мнения по вопросу о локализации Филана нет. По мнению А. Н. Генко под Филаном следует понимать общество Кель³², В. Ф. Минорский и вслед за ним В. М. Бейлис помещают Филан в Южном Дагестане, в районе между Восточным Шакки и Самуром³³. М. И. Артамонов полагает, что Филан — это Казикумухское владение³⁴.

Достаточно веских данных для локализации Филана именно на территории Андии у нас нет. Однако, данные некоторых письменных источников говорят в пользу такого предположения.

В одних сведениях, например у Ибн-Хордадбега, Филан упоминается рядом с Сериром³⁵, что отражает по-видимому террито-

риальное соседство этих владений. А в некоторых случаях Филан отмечается рядом с Сериром и аланами³⁶. Если учесть, что аланы находились к северу от Серира, то Филан мог быть к северо-западу от него, т. е. на территории современной Андии. Подобная локализация вероятна, если проследить маршрут посланца из Тифлиса к владетелю Серира. Интересно, что от аланов посланец по пути в Серир попадает к Филаншаху³⁷, что может свидетельствовать о территориальной близости Филана к Сериру и аланам. А при локализации Филана в районе между Восточным Шакки и Самуром возникает вопрос, как мог царь Серира, который, как пишет Масуди, носит титул «Филан-шаха», захватить владения, располагавшиеся к югу от Табасарана и Кайтага?

Скорее всего царь Серира мог захватить территорию Филана, располагавшегося рядом в Андии, и принять, как указывают источники, титул Филан-шаха. Некоторые источники не проводят различия между ними и часто называют владетеля Серира Филан-шахом. В этой связи интересно отметить, что андийская группа населения, прекрасно владея аварским языком, употребляет в быту и свой андийский диалект, что также, возможно, отражает бывшую обособленность этого народа до присоединения к Сериру.

К сожалению, нет более веских данных в пользу локализации Филана в Анди, однако и приведенные данные не исключают подобную возможность.

³² А. Н. Генко. Арабский язык и кавказоведение. Труды арабистов. М.—Л., 1941, стр. 108.

³³ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 138. В. М. Бейлис. Из истории Дагестана VI—XI вв. — Серир. Исторические записки Института истории АН СССР, 1953.

³⁴ М. И. Артамонов. История хазар, стр. 227.

³⁵ Н. А. Караулов. СМОМПК XXXI, Тифлис, 1902, стр. 31; Он же, вып. XXXII, Тифлис, 1903, стр. 15.

³⁶ Ибн-ал-Факих. Пер. Н. А. Караулов. СМОМПК, XXXI, Тифлис, 1902, стр. 41.

³⁷ М. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 138.

ЗНАКИ НА КЕРАМИКЕ УРЦЕКСКОГО ГОРОДИЩА

При археологических раскопках Урцекского городища Дагестанской Приморской археологической экспедицией Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР в 1960—1964 гг. добыт большой керамический материал, среди которого выделяются различные по форме и назначению сосуды со знаками (рис. 1).

Знаки нанесены на ручки, тулова и горловины сосудов албано-сарматского и раннесредневекового времени. Больше всего знаков встречается на одноручных неангобированных кувшинах раннесредневекового периода.

На сосуды албано-сарматского времени большинство знаков нанесено после обжига сосудов (рис. 1, 8—9), а на сосуды раннесредневекового периода — на сырую глину, в процессе их производства (рис. 1, 1—7).

По графическим особенностям все знаки подразделяются на три группы:

а) знаки, имеющие линейно-геометрические очертания (рис. 2, 1—62);

б) знаки, имеющие орнаментальный вид (рис. 3, 1—9, 18—29);

в) знаки в виде точек, ямок, черточек, кружочков, (рис. 4, 1—17).

В количественном отношении преобладают знаки первой группы. Всего зафиксировано более 300 знаков на целых сосудах и на их фрагментах. Все они ограничиваются несколькими десятками основных форм с повторением их в различных, иногда усложненных вариантах. Имеются одинаковые знаки, повторяющиеся многократно. Например, знак в виде стрелки (рис. 2, 8) повторяется три раза, знак в виде перекрестия (рис. 2, 60) 20 раз, знак в виде трезубца (рис. 2, 32) — 6 раз и т. д. Большинство знаков нанесено на верхние основания ручек кувшинов и представляют собой изображения в виде крестов, перекрестий, трезубцов, стрел, точек, кружочков, вертикальных черточек, трех вертикальных черточек с перекрещивающейся линией посередине и пр. У некото-

рых из знаков к основному изображению добавлены дополнительные знаки в виде черточки, точки. На некоторых кувшинах знаки нанесены на верхние и нижние основания ручек (рис. 3, 10—13).

Подобного рода сосуды со знаками на ручках в столь большом количестве известны пока только в Дагестане, хотя аналогии им встречаются в памятниках различных эпох¹.

Единое мнение о значении таких знаков у исследователей отсутствует. Одни рассматривают их как семейные или родовые знаки, другие — как знаки собственности или знаки (метки) ремесленников, третьи видят в них буквы того или иного алфавита. Большинство же исследователей так или иначе связывает их со знаками или буквами письменности.

Знаки на керамике Урцекского городища, как отмечено выше, обнаруживают сходство со многими знаками, известными на изделиях

¹ Т. И. Голубкина. Марки на Мингечаурской керамике — ДАН Азерб. ССР, т. V, № 6, Баку, 1949, стр. 230—234; Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды. II, Тбилиси, 1950, стр. 78—82, табл. 26—27; М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону, Л., 1935, стр. 76; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 582, табл. IV, 9; G. laslo. Etudes archaéologiques sur l'histoire de la cociete des avars «Archeologia Hungarica», Budapest, 1955, XXXIV. Цитирую по Иштван Эрдей. Новая руническая надпись из Венгрии, ЭВ, XII, М.—Л., 1958, стр. 59—62; И. Э. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959, стр. 159—163, №№ 144, 145, 150—151; С. Р. Станчев. Новый памятник ранней болгарской культуры. СА, XXVII, 1957, стр. 119, рис. 9 а, стр. 121, рис. 11; С. П. Толстов. Работы хорезмской экспедиции АН СССР по раскопкам памятника IV—III вв. до н. э. Кой-Крылган-Кала (март, май 1952 г.).—ВДИ, 1953, 1, стр. 169; А. А. Формозов. Сосуды срубной культуры с загадочными знаками. ВДИ, 1953, 1, стр. 193—200; А. М. Щербак. Знаки на керамике из Саркела, ЭВ, XII, 1958, стр. 52—59; Г. В. Юсупов. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л. 1960, стр. 44—45, рис. 1, 2.

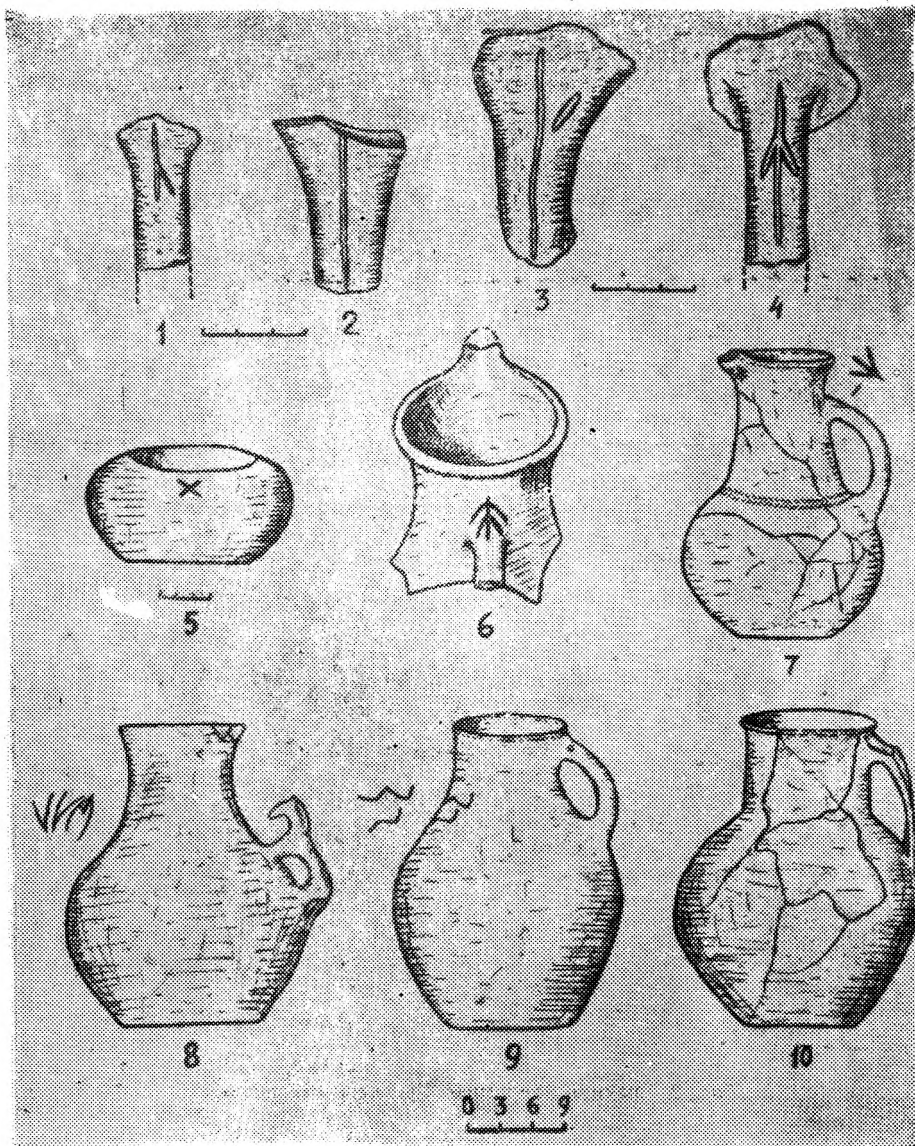

Рис. 1. Сосуды и их фрагменты со знаками из Урукского городища

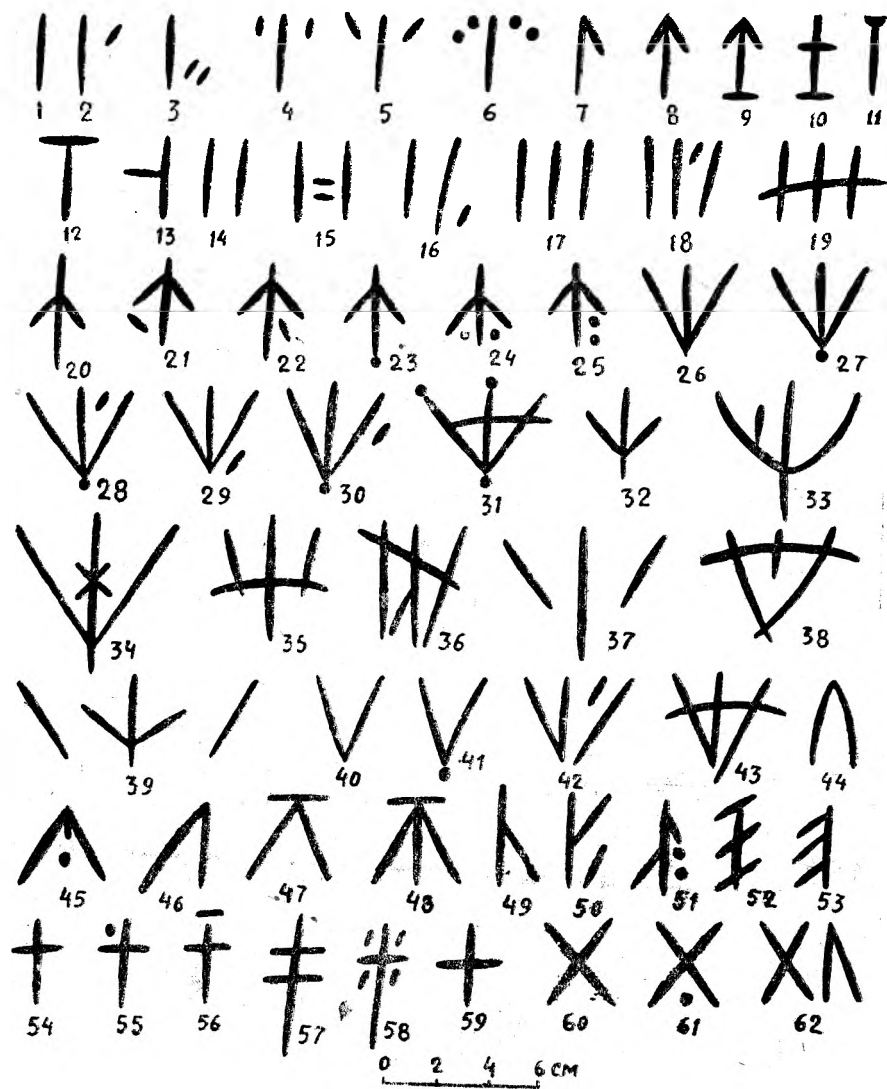

Рис. 2. Знаки на керамике Урцукского городища.

из различных и разновременных памятников. Знаки, обозначенные на рис. 2, 1, 14, 20, 32, 46, 59—60, рис. 3, 3, 26 обнаруживают сходство с изображениями на сосудах и кирпичах из Саркела, рассматриваемых М. И. Артамоновым и А. М. Щербаком как буквы тюрко-орхонского алфавита². Буквами этого же алфавита, по М. И. Артамонову и А. М. Щербаку, сделаны надписи на камнях и стенах Маяцкого городища и на сосудах из Новочеркасского музея³, с которыми сближаются отдельные знаки из Урцекского городища⁴. Знаки, показанные на рис. 2, 17, 33, 59, находят аналогии среди знаков из Абоба-Плисса (Болгария)⁵.

Формы знаков — крест (рис. 2, 54, 59), косяк крест (рис. 2, 60), угол (рис. 2, 44, 46), вертикальная черта (рис. 2, 1), две вертикальные черты (рис. 2, 14), трезубец (рис. 2, 32) сходны со знаками пиктографического комплекса из Хорезма⁶. Некоторые из Урцекских знаков (рис. 2, 17—7, 8—13, 32, 40, 59—69) имеют сходство также с начертаниями орхонских, енисейских и таласских рун⁷.

Значительное сходство обнаруживают знаки, обозначенные на рис. 2, 1, 7—8, 12, 32, 45, 46, 52, 54, 57, 59—60 с начертаниями древневенгерских рун⁸. По начертаниям урцекские знаки, показанные на рис. 2, 1, 12, 17, 19, 26,

46—47, 59—60 и др. сближаются также со знаками на сырцовых кирпичах из среднеазиатских городов античного периода, со средневековыми херсонесскими клеймами на черепице и на отдельных сосудах.

По поводу знаков на сырцовых кирпичах среднеазиатских городов высказывались различные мнения. Одни исследователи рассматривают их как тамги — знаки родовой принадлежности⁹, другие — как знаки учета работы мастеров или групп рабочих, или как знаки владельцев специальных рабовладельческих мастерских, выполнявших поставки сырца для городского строительства¹⁰.

Третьи полагают, что эти знаки представляют собой метки определенных групп населения, принимавших участие в строительстве города, наносимые для учета выполненной работы, и среди этих знаков видят буквы греческого алфавита¹¹.

На основе исследования халчаянских сооружений (Денауский район Узбекской ССР) Г. А. Пугаченкова пришла к выводу, что «клейма на кирпичах являются знаками рабов, по которым их владелец либо надсмотрщик определял проделанную работу, причем едва ли они были грамотными, избравшими определенный несложный личный знак (иногда может быть, и букву)»¹².

Знаки на раннесредневековых черепицах Херсонеса рассматриваются исследователями как метки гончаров-ремесленников¹³. Аналогичные метки известны и на черепице Манту-

² А. М. Щербак. Указ. соч., стр. 57 и сл. Он же. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела—Белой Вежи. МИА, № 75, М.—Л., 1959, стр. 362—388, табл. I—XXIII; М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 315.

³ М. И. Артамонов. Надписи на баклажах Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища, СА, XIX, 1954, стр. 263 и сл.; А. М. Щербак. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону. СА, XIX, 1954, стр. 269—282.

⁴ Нужно отметить, что надписи на камнях Маяцкого городища и на сосудах из Новочеркасского музея, считавшиеся М. И. Артамоновым и А. М. Щербаком тюркскими, по мнению Г. Ф. Турчанинова не являются таковыми и написаны не тюркским руническим, а «до селе неизвестным причерноморским буквенным письмом». — Г. Ф. Турчанинов. О языке надписей на камнях Маяцкого городища и флягах Новочеркасского музея, СА, 1964, I, стр. 72—87.

⁵ Сопоставлены по А. М. Щербаку. Несколько слов о приемах чтения..., стр. 281.

⁶ С. П. Толстов. К вопросу о протохорезмийской письменности, КСИИМК, вып. XV, 1947, стр. 38—43, рис. 17—22.

⁷ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951. Он же. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952. С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 604—636, 462—464, 508. И. А. Батманов, З. Б. Арагачи и др. Современная и древняя Енисейка, Фрунзе, 1962, стр. 5—45.

⁸ Сопоставлены по Эрнст Добльхофер. Знаки и чуда. М., 1963, стр. 358, рис. 89.

⁹ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 94; Он же. По следам древне-хорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 115; Он же, Древности Верхнего Хорезма. ВДИ, 1941, I, стр. 163.

¹⁰ В. Л. Воронина. Строительная техника древнего Хорезма. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 89. Она же. Древняя строительная техника Средней Азии. «Архитектурное наследство» 3, М. 1952, стр. 6—7; М. И. Филианович. Сырцовые кирпичи с клеймами древнего Мерва. «Известия АН Турк. ССР». Серия обществ. наук. 1961, № 1, стр. 43. З. И. Усманова. Эрк-кала. «Труды ЮТАКЭ», т. XII, Ашхабад, 1963, стр. 50—52.

¹¹ А. М. Мандельштам, С. Б. Певзнер. Работы Кафирниганского отряда в 1952—53 гг. МИА, № 66, стр. 294—295; Е. Е. Кузьмина, С. Б. Певзнер. Оборонительные сооружения городища Кей-Кобад-шах. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 82; М. М. Дьяконов. Древняя Бактрия. — «По следам древних культур». М., 1954, стр. 225; Ш. С. Ташходжаев. Разрез городской стены Гяуркалы, «Труды ЮТАКЭ», т. XII, Ашхабад, 1963, стр. 108.

¹² Г. А. Пугаченкова. К истории античной строительной техники Бактрии—Тохаристана, СА, 1963, № 4, стр. 76.

¹³ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.) МИА, № 17, М.—Л., 1950, стр. 122.

та¹⁴. Среди этих разнообразных меток встречаются отдельные буквы, монограммы, двух- и трехбуквенные метки и целые надписи с именами мастеров наряду с условными знаками,

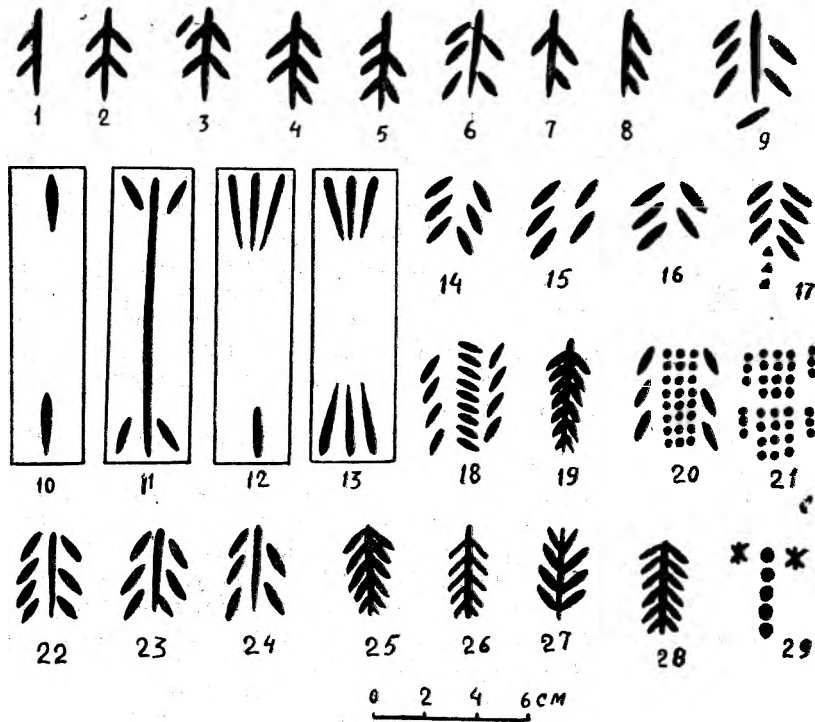

Рис. 3. Знаки на керамике Урцекского городища.

изображениями в виде различных животных, птиц, человека¹⁵. Интересно отметить также то, что среди херсонесских и саркельских амфор IX—X вв. имеются амфоры с клеймами, поставленными на верхней стороне ручек, как на керамике Урцекского городища. Клейма на этих амфорах буквенные и служат знаками ремесленников¹⁶.

Буквенные клейма известны и на черепицах раннесредневекового периода в Закавказье по раскопкам А. М. Апакидзе в 1944 г. в Багнители (Мцхета)¹⁷. Знаки, нанесенные на сосу-

ды еще до их обжига, зафиксированы на погребальных урнах, найденных при раскопках в Нижнем Гоми¹⁸. Б. А. Куфтин рассматривает их как знаки мастеров и сближает

с начертаниями букв греческого или семитского письма¹⁹. В значительном количестве обожженные керамические плиты со знаками, нанесенными еще до обжига их, обнаружены на кубанских городищах (III в. до н. э.—II—III вв. н. э.). Э. И. Соломоник связывает их с какими-то обычаями и верованиями меотских племен и предполагает, что эти плиты носили тотемный характер²⁰.

Знаки из Урцекского городища (третья группа) в виде точек, черточек, ямок, кружочков сближаются с таковыми знаками на кубанских плитках²¹.

Отдаленной аналогией к знакам на сосудах албано-сарматского времени (рис. 1, 8—9) могут служить знаки на сосудах из сарматских курганов в Оренбургской области по раскопкам М. Г. Мошковой²².

Часть Урцекских знаков имеет местное своеобразие,

близких аналогий которым не обнаруживается.

Среди знаков встречаются сочетания, такие как обозначенные на рис. 2, 36, 39, 42, 43, 62. Они сближаются с клеймами из Керчи и Боспора²³, со знаками на керамике из Саркела²⁴, и в этих сочетаниях прослеживаются все те знаки, которые выступают в единичном начертании²⁵. А. М. Щербак делает попытку рассматривать такие сочетания знаков как надписи, обозначающие владельцев производства или собственников готовой продукции,

¹⁴ М. А. Тихонова. Черепицы с метками из раскопок 1938 г.—Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп), МИА, № 34, М.—Л., 1953, стр. 430—432.

¹⁵ А. Л. Якобсон. Ук. соч., стр. 123; стр. 148—149, табл. 20, 21. Он же. Раннесредневековый Херсонес. МИА, № 63, М.—Л., 1959, стр. 304—305, рис. 159.

¹⁶ Там же, стр. 315, 316, рис. 160.

¹⁷ См. А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес, стр. 122, 123, рис. 88. Он же. Раннесредневековый Херсонес, стр. 305.

¹⁸ Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 78—82, рис. 19, табл. 26, 27.

¹⁹ Там же, стр. 78—82, стр. 146—147.

²⁰ Э. И. Соломоник. Указ. соч., стр. 40.

²¹ Там же, стр. 41, рис. VII.

²² М. Г. Мошкова. Сарматские курганы в Оренбургской области, стр. 115—126, рис. 47—12, рис. 48—4.

²³ Л. Ельницкий. О боспорских амфорных клеймах. ВДИ. 1940, № 3—4, стр. 322—323.

²⁴ А. М. Щербак. Знаки на керамике из Саркела, стр. 55.

²⁵ Там же, стр. 55.

хотя воздерживается от чтения их из-за малочисленности²⁶. Остальные же отдельные начертания рассматриваются им как тамги, упот-

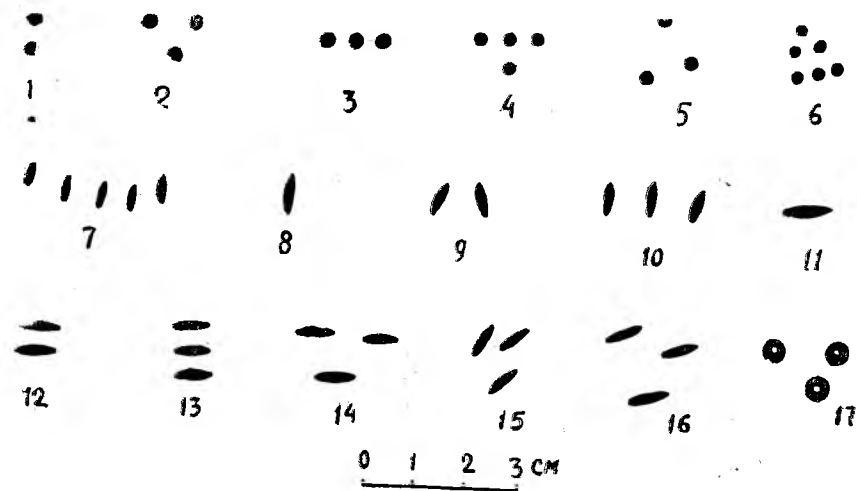

Рис. 4. Знаки на керамике Урцекского городища.

реблявшиеся для обозначения собственности.

Нужно отметить еще, что знаки, аналогичные знакам первой группы до недавнего времени бытовали у многих народов как тамги или как знаки собственности²⁷.

При рассмотрении знаков такого типа, как описанные выше, следует учитывать ряд обстоятельств, как-то: топографию находок, характер начертания самих знаков, способы их нанесения, объекты, на которые они нанесены и пр. Именно с учетом этих обстоятельств рассматривает знаки Северного Причерноморья Э. И. Соломоник, видя в них в каждом конкретном случае знаки собственности, именные знаки царей, знаки ремесленников, знаки, имеющие смысловое значение²⁸.

Рассмотрим эти обстоятельства по отношению к урцекским знакам. Путем картографи-

рования находок выяснено, что на одном раскопе, участке или в одном помещении обнаруживаются различные знаки, например, на раскопе № 13 обнаружены почти все разновидности знаков; или же на небольшом раскопе № 4 обнаружены знаки, показанные на рис. 2, 1, 6, 7, 14, 17, 20, 21, 32, 49, 58; рис. 3, 2, 10; рис. 4, 8, 11; в помещении № 12 раскопа № 2 обнаружены знаки в виде изображенных на рис. 2, 11, 41, 60; рис. 3, 7; рис. 4, 4.

Среди завала у башни, площадью в 10 м² на раскопе № 16 обнаружены обломки ручек и фрагменты сосудов со знаками, как на рис. 2, 7, 8, 18, 20, 32, 57, 60; рис. 3, 5, 22—24; рис. 4, 17 и др.

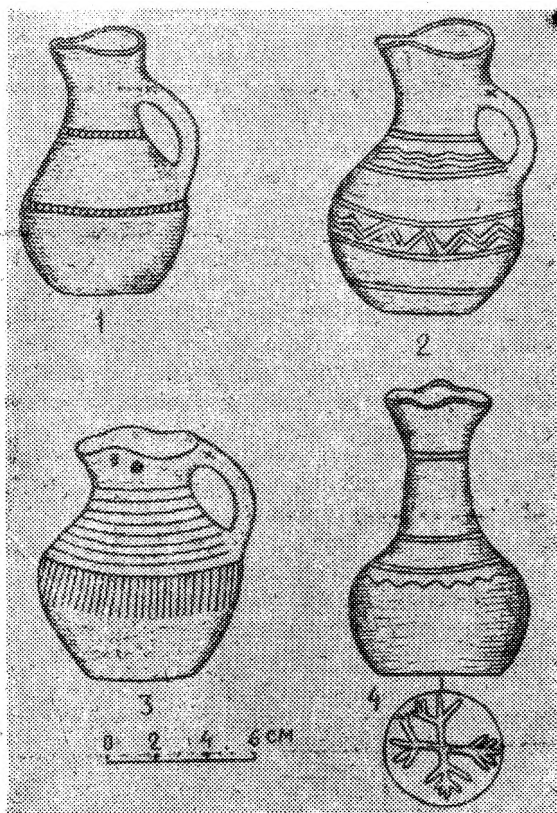

Рис. 5. Сосуды со знаками из Верхнего Чирюрта (1—2) и Южного Дагестана (3—4).

²⁶ Там же, стр. 56.

²⁷ Е. И. Соловьева. О необходимости изучения знаков собственности кавказских туземцев и других племен, населяющих Россию. «Труды V-го археологического съезда в Тифлисе». М., 1887, стр. 108—115, табл. XIV; Малицкий. О связи тюркских тамг с орхоно-енисейскими письменами. «Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии», 1897—1898, стр. 43—46; А. М. Щербак. Знаки на керамике..., стр. 55. Б. Х. Кармышева. К вопросу о происхождении локайцев. СЭ, 1932, № 4, стр. 19. В. П. Пожидаев. Кабардино-черкесская тамга и кавказский орнамент. Уч. записки Кабардинского научно-исследовательского института, т. IV, Нальчик, 1948, стр. 239—264.

²⁸ Э. И. Соломоник. Указ. соч., стр. 22—46.

Таким образом, в разнородных участках городища обнаруживается ряд одинаковых знаков, а на одном и том же участке (раскопе, помещении) различные знаки.

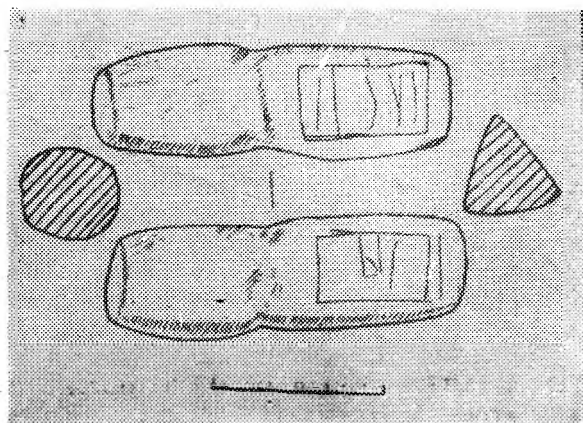

Рис. 6. Каменный стержень со знаками из Урцекского городища.

Керамика со знаками обнаружена и в некрополе Урцекского городища, при этом они тождественны знакам на городищенской керамике. Знаки, аналогичные урцекским, имеются и на керамике из Южного Дагестана (рис. 5, 4)²⁹. Совершенно аналогичные знаки встречаются на некоторых сосудах из Верхнечирюртовского могильника³⁰ (рис. 5, 1—2) и на сосудах из раннесредневековых городищ Дагестана — Эскиюрт, Чакауркент, Таргу и др. Сосуды со знаками на ручках, туловах, днищах известны и из горной Аварии³¹. Все эти обстоятельства не позволяют толковать знаки как родовые или семейные тамги. Так как знаки нанесены еще до обжига в процессе производства сосудов, то их нельзя рассматривать и как знаки собственности владельцев сосудов.

Если допустить, что мастер-гончар изготавливал продукцию не только на рынок, но и на заказ и он ставил на свою продукцию определенный знак в зависимости от вкусов заказчика (его личный, семейный или родовой знак), то в одном помещении, участке должны были

сосредоточиться только одинаковые знаки. Однако этого не наблюдается.

Исходя из всего сказанного, полагаем, что знаки на керамике из Урцекского и других раннесредневековых городищ Дагестана, нанесенные в процессе производства сосудов, являются ремесленными метками, т. е. гончарными клеймами. Часть из этих знаков возможно является письменными знаками, использованными в качестве ремесленных меток (клейм), как и знаки на керамике и других изделиях ремесленников из различных памятников. Если часть знаков на керамике Урцекского городища и других раннесредневековых памятников Дагестана возможно является буквами, использованными в качестве ремесленных меток, то встает вопрос были ли знакомы обитатели городища с письменностью, существовала ли доаравская письменность в Дагестане?

На этот вопрос может быть дан положительный ответ только при обнаружении самих памятников письменности, но ставить такой вопрос имеются уже некоторые основания.

На разведочном раскопе № 18 к югу от цитадели Урцекского городища в 1962 году был обнаружен каменный стержень длиной 6 см. Половина его обточена с двух сторон под углом и в сечении имеет треугольную форму, а другая половина — круглую. В середине имеется перехват, выточенный для удобства привязи и держащий камень на две равные части. Стержень являлся, вероятно, амулетом. На двух его выточенных плоских сторонах нацарапаны острым орудием квадратика со знаками внутри (рис. 6). Эти знаки сближаются с отдельными знаками на керамике городища. Незначительность добытого материала при сравнительно небольшом разведочном раскопе затрудняет точную датировку амулета, но данные стратиграфии позволяют предположить, что он относится к IV—V вв. н. э., может быть даже к более раннему периоду.

А. И. Харсекин, занимающийся интерпретацией этрусского языка, высказал предположение, что эти знаки являются буквами албанского алфавита³². Однако эти знаки обнаруживают хотя отдаленное сходство с начертаниями букв известного в настоящее время албанского алфавита, знаки же на керамике,

²⁹ М. И. Пикуль. Итоги археологических разведок в Южном Дагестане в 1959 г. РФ ИИЯЛ, д. № 2641, л. 108.

³⁰ Н. Д. Путинцева. Северо-Восточный Дагестан в эпоху раннего средневековья (по материалам раскопок в зонах строительства Чирюртовской ГЭС). РФ ИИЯЛ; д. № 2876, л. 209, табл. X, I, XI, 12.

³¹ Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963, стр. 160—162, рис. 23.

³² См. В. Г. Котович, А. И. Абакаров и др. Отчет о работе приморской археологической экспедиции ИИЯЛ Дагфалиала АН СССР в 1962 г. РФ ИИЯЛ, д. № 3254, лл. 69, 70.

как и знаки на стержне значительно отличаются от начертаний букв этого алфавита. Кроме того, важно и другое обстоятельство. Как известно, изобретение албанского алфавита связывается с деятельностью армянского ученого Месропа Маштоца. Алфавит был введен в V в. н. э. в Албании, в состав которой в известное время входил и Дагестан³³, и просуществовал до арабского нашествия. А сосуды со знаками встречаются и в слоях Урцекского городища, датированных ранее V в. н. э.

Но, как предполагает И. М. Дьяконов, в Албании до месроповского алфавита была в ходу какая-то другая, быть может арамейско-парфянская письменность³⁴. Характерно и то, что керамика и другой добытый материал, особенно нижних слоев городища, обнаруживают значительное сходство с керамикой и прочими вещами, выявленными на территории Азербайджана. Поэтому вывод о том, что знаки на керамике возможно являются знаками письменности, использованными в качестве ремесленных меток, приобретает определенную силу. Но являются ли эти знаки буквами арамейско-парфянской письменности или другой, арамейского происхождения — сказать трудно. Но кажется несомненным, что при определении характера письма следует учесть и описываемые знаки на керамике и на каменном стержне. Некоторую ясность в этот вопрос внесет расшифровка знаков на стержне.

Как мы отметили, урцекские знаки обнаруживают сходство и с тамгами, и со знаками письменности. Отмечая связь тамг и знаков с той или иной письменностью, некоторые исследователи допускали, что эти тамги и знаки служили основой письма, или при определенных условиях они становились знаками фонетического письма. Н. А. Аристов связывал развитие тюркской рунической письменности с развитием тамг³⁵. В. П. Пожидаев утвер-

ждал, что загадочные символические знаки превратились под давлением обстоятельств... в фонетическое письмо³⁶. Э. И. Соломоник считает, что многие сарматские знаки имеют сравнительно простую форму и относительно упорядоченное расположение — и это свидетельствует о тенденции развития их в стройную систему письма³⁷. Эта точка зрения находит некоторое признание у В. А. Истрина³⁸. Использование отдельных тамг, знаков, меток для букв рунического алфавита отмечают Е. Г. Кагаров³⁹ и С. В. Киселев⁴⁰. Однако, как полагает Турчанинов, образование фонетического письма из тамговых знаков невозможно, потому что тамги не являются обозначением предмета — его названием. К тому же тамга — нема, не имеет звучания и не может стать буквенным знаком⁴¹. Если тамга или знак не может стать буквой, то возможен обратный процесс — становление или использование букв в качестве тамги, знака собственности. Известны случаи, когда местное население использовало или заимствовало у других народов для своих знаков формы отдельных букв, — например, местным населением Северного Причерноморья формы букв греческого алфавита⁴². Образование знаков собственности из знаков письма отмечается также у древних греков и славян⁴³. Тамги казанских татар Г. В. Юсупов рассматривает как остатки древнеболгарской письменности⁴⁴. С древнетюркской письменностью связываются хакасские тамги⁴⁵, ненцы часть своих знаков заимствовали из русского алфавита⁴⁶. На использование в качестве знаков собственности остатков самудского письма современными бедуинами Аравии указывает Ч. Лоукотка⁴⁷.

36 В. П. Пожидаев. Указ. соч., стр. 240.

37 Э. И. Соломоник. Указ. соч., стр. 33—34.

38 В. А. Истрин. Развитие письма. М., 1961, стр. 291.

39 Е. Г. Кагаров. Несколько слов о происхождении древнегерманских рун. В сборнике «Памяти академика Н. Я. Марра». М.—Л., 1938, с. 248.

40 С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 508.

41 Г. Ф. Турчанинов. Рецензия на книгу Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. СА, 1962, № 4, стр. 253.

42 Э. И. Соломоник. Указ. соч., стр. 5.

43 К. В. Болсуновский. Родовой знак Рюриковичей. Киев, 1908, стр. 5. В. А. Истрин. Указ. соч., стр. 294.

44 Г. В. Юсупов. Указ. соч., стр. 44.

45 С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 638.

46 А. Шифнер. Об этнографической важности знаков собственности. Ученые записки АН, т. III, 1885, стр. 604.

47 Ч. Лоукотка. Развитие письма. М., 1960, стр. 90.

33 С. В. Юшков. К вопросу о границах древней Албании. «Исторические записки», т. I, 1937, стр. 138—149; Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957, стр. 22—30; К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М., 1959, стр. 29—31, 44—50.

34 И. М. Дьяконов. Письменность Кавказской Албании. В книге: И. Фридрих. Дешифровка забытых письменностей и языков. М., 1961, стр. 184—190. См. также К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 306—315, стр. 335.

35 Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. «Живая старина», вып. III—IV, СПб, 1896, стр. 418—419.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что среди сосудов из раскопок Двина и Ани в Армении наряду с сосудами, имеющими надписи на арабском языке, содержащими главным образом собственные имена, встречаются и сосуды со знаками-тамгами, представляющими собой имитацию арабских надписей⁴⁸. Для этих тамг, несомненно, были использованы формы букв арабского алфавита.

Следовательно, если образование знаков письма из тамг или знаков, как правило, исключается, а известно много случаев использования форм букв или самих букв как меток ремесленников, знаков собственности или тамг, то использование букв письменности (арамейско-парфянской?) в качестве ремесленных меток на керамике урцекского городища представляется возможным.

О наличии письменности в Дагестане в раннем средневековье свидетельствуют и письменные данные. В сирийских источниках отмечается существование письменности у гуннов. К VII в. в Северном Дагестане складывается одно из сильнейших княжеств на Восточном Кавказе — княжество гуннов со столицей Варачан⁴⁹. Под гуннами, обитавшими в Северном Дагестане, упоминаемыми в источниках, подразумевается, наряду с пришлым иноэтническим элементом, несомненно, местное аборигенное население.

В хронике Захарии Митиленского (Ритора) VI в. н. э. сообщается о том, что у гуннов лет 20 тому назад (до того времени, как писал автор хроники, по Н. Пигулевский в 544 году) «вышло писание на их языке»⁵⁰.

В этой хронике говорится, по нашему мнению, не о возникновении письменности у «гуннов», как это полагает Н. Пигулевская⁵¹, а лишь о появлении в 544 году на «гунском» (местном) языке литературы, связанной с распространением среди них христианства. Об этом может свидетельствовать и последующая часть той же хроники, где отмечается, что «выходцы из Албании Кардост и бывшие с ним мужья обучали некоторых из «гуннов». Тут опять речь идет, повидимому, не об обучении письму, а о подготовке людей — духовных служителей из числа «гуннов».

⁴⁸ Р. М. Жанполандян. Развитие письма, М., 1960, стр. 90.

⁴⁹ М. И. Артамонов. История хазар, стр. 181—192.

⁵⁰ Н. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР, М.—Л., 1941, стр. 84.

⁵¹ Н. Пигулевская. Указ. соч., стр. 84.

Надо полагать, что из-за соседства с христианской Албанией в «царстве гуннов» письменность начала распространяться еще до того, как на территории Дагестана возникло гуннское царство, а к середине VI века уже появляется литература религиозного содержания на местном языке в связи с усиленным проникновением христианства и пропаганды его среди населения.

В том, что уже в VI—VII вв. письменность в Дагестане получила распространение не приходится сомневаться, судя по описанным выше знакам на керамике, на каменном амулете из Урцекского городища и по ряду памятников эпиграфики, известных в различных районах Дагестана⁵², а также по той оживленной переписке, которую вел властитель «гуннов» с правителями соседних областей⁵³.

Следует остановиться на вопросе, связанном с обычаем нанесения знаков на ручки сосудов. Одной из отличительных особенностей знаков является их многозначность⁵⁴. Кроме того в одни и те же знаки вкладывалось различное содержание (значение) в зависимости от того, на что они нанесены⁵⁵. Поэтому нам представляется, что описываемые знаки на ручках сосудов имели определенное смысловое значение, т. е. они выполняли функцию оберега содержимого сосуда так же, как ручки и зооморфные элементы этих сосудов. Рассмотрим этот вопрос на конкретном материале. Среди керамического комплекса урцекского городища выделяются сосуды с ручками в виде реалистически выполненных фигурок животных (лошади) (рис. 1, 8). Сосуды с ручками в виде фигур различных животных (барана, кабана и пр.) и птиц известны на обширной территории и исследователи связывают их обычно с сарматским этническим элементом⁵⁶. Фигуры животных, заменяющие

⁵² К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 337—338.

⁵³ М. Каганкатваци. История агван. СПб, 1861, стр. 210—213.

⁵⁴ Б. Г. Кудрявцев. Письменность острова Пасхи. Сб. МАЭ, т. XI 1949, стр. 193.

⁵⁵ Э. И. Соломоник. Указ. соч., стр. 22.

⁵⁶ М. К. Салон. Изображения животных на керамике сарматского периода Государственный Эрмитаж. «Труды отдела истории первобытной культуры». Л., 1941, стр. 173—219; МАК VIII, 1900, стр. 161, рис. 156, стр. 190, рис. 166 и др., Е. Г. Кастанаян. Сарматские сосуды из Тиритаки. СА, XV, 1951, стр. 247—255; С. С. Сорокин. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры. СА, XXVI, 1956, стр. 105—109, рис. 2; И. Т. Кругликова. О местной керамике Пантикалаея и ее значении для изучения состава населения этого города, МИА, № 33, М., 1954, стр. 78—113; Е. И. Агеева, Г. И. Па-

ручки, служили оберегами сосудов⁵⁷. Пережитки этих древних представлений сохранялись в Дагестане до недавнего времени⁵⁸.

Постепенно изображения животных, как показала М. К. Скалон, теряют реалистический характер, происходит замена всего животного изображением его характерной части — глаз, ушей и т. д. Иногда изображение животного с течением времени настолько схематизируется, что без посредствующих звеньев очень трудно угадать образ реального животного. Такую схематизацию фигур животных, заменяющих ручки сосудов, исследователи объясняют утратой магического значения фигурок животных как оберегов⁵⁹.

Однако, имеющийся у нас материал позволяет говорить, что стилизация фигур животных, заменяющих ручки сосудов, связана также с необходимостью увеличения гончарной продукции, т. к. постоянно увеличивалась потребность в ней. Мастер-гончар тратил меньше времени на отделку сосудов и на оформление отдельных деталей, и потому изготавливал большее количество продукции. В сосудах из Урцекского городища, как и из Пантикапея⁶⁰, Тиритаки⁶¹, с ручками в виде фигур животных наблюдается устойчивость форм, в то время, как изображения животных стилизуются. Это свидетельствует о преемственности традиций в гончарном деле, а следовательно, и представлений, связанных с оберегающей ролью изображения животных.

Дальнейшим развитием сосудов с ручками в виде фигур животных являются красноангобированные кувшины из верхних слоев городища. Они имеют сравнительно короткие цилиндрические горловины, слегка расширяющиеся кверху, со слабо выраженными валиками по внешнему краю горловин, выпуклые, иногда биконические тулова и плоские днища

цевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. «Труды института истории, археологии и этнографии АН Казах. ССР», т. V, Алма-Ата, 1958, стр. 157—203; Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сунжи, стр. 26, рис. 23, 15; Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской, МИА, № 23, М.—Л., 1951, стр. 195, рис. 16; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА, № 23, стр. 263—265, рис. 19—21.

⁵⁷ М. К. Скалон. Указ. соч., стр. 183—184.

⁵⁸ А. А. Миллер. Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана. «Материалы по этнографии», т. IV, вып. I, М., 1927, стр. 73.

⁵⁹ И. Т. Кругликова. Указ. соч., стр. 109.

⁶⁰ И. Т. Кругликова. Указ. соч., стр. 109.

⁶¹ Е. Г. Кастанаян. Указ. соч., стр. 255.

(рис. 1, 10). Изготовлены они на гончарном круге из качественной глины, содержащей незначительные примеси шамота. Ручки у них ленточные или, в большинстве случаев, четырехугольные в сечении и имеют у верхнего основания выступ, образуя как бы горизонтальную площадочку. Прототипами этих ручек можно считать ручки в виде фигур животных, сравнивая при этом их эволюционное развитие в сторону схематизации изображений. На ручках ангобированных кувшинов знаки не обнаружены. Отсутствие их делает возможным предположение, что гончары-ремесленники ставили клейма только на определенный вид продукции, предназначенной для хранения или переноса определенного вида жидкости, и на сосуды ритуального назначения.

Возвращаясь к анализу рассматриваемых сосудов отметим, что традиции населения, связанные с оберегающей силой изображения животного, были настолько сильны, что считалось вполне достаточным давать условно-схематическое изображение его, лишь очень отдаленно напоминающее реальный образ. С другой стороны, с этими же традициями связывается обычай нанесения знаков на ручки сосудов. В этом случае гончар, нанеся знак, как бы закрывал сосуд от проникновения в него нечистых сил. В ручках со знаками неангобированных кувшинов не улавливается какого-либо сходства с образом животного. Оберегающую роль здесь выполняли видимо знаки.

Это положение, однако, не противоречит тому, что часть этих знаков вероятно является буквами, использованными в качестве ремесленных меток, ибо, как отмечает проф. П. С. Кузнецов, на сравнительно ранних ступенях развития человеческого общества, а порой и в более поздние времена, как письмо, так и язык, использовались нередко в магических целях⁶².

Известно также, что в древности рунические письмены служили магическим целям⁶³, как и отдельные знаки⁶⁴.

О культово-магическом значении подобного рода знаков на сосудах свидетельствует наход-

⁶² См. предисловие к книге Ч. Лоукотка. Развитие письма, М., 1950, стр. 8.

⁶³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, изд. второе, М., 1961, стр. 141; Ч. Лоукотка. Указ. соч., стр. 181, 239.

⁶⁴ Э. И. Соломоник. Указ. соч., стр. 30; Е. М. Штаерман. О загадочных знаках Северного Причерноморья. ВДИ, 1950, № 1, стр. 115.

ка кувшина в Шаракунском могильнике⁶⁵ со знаком на дне (рис. 5, 3), нанесенным на уже обсохший сосуд (но не после обжига, а скорее при лощении или нанесении орнамента). Судя по очертаниям линий, знак нанесен тем же тупым орудием, которым сделан орнамент на тулове и горловине сосуда — в виде горизонтальных линий и треугольников. Сосуд имеет низкое округлое тулово, плоское дно, длинное суживающееся кверху горло, заканчивающееся четырехлепестковым венчиком. М. И. Пикуль датирует сосуд I—II вв. н. э.⁶⁶ Знак на этом сосуде сближается со знаком на сарматском бронзовом зеркале, обнаруженном в б. Верхнеднепровском уезде Екатеринославской губернии, хранящемся в Киевском историческом музее⁶⁷. Подобные зеркала со знаками обнаружены в различных местах, в том числе и в Дагестане⁶⁸. Эти зеркала служили амулетами и продолжали оберегать своих владельцев после смерти⁶⁹. Знак же на указанном сосуде должен был выполнять функцию оберега (сосуд не имеет ручки) содержимого сосуда, так же, как и знаки на сосудах из Бахчисарайского историко-археологического музея, датируемом I—III вв. н. э.⁷⁰

В этой связи интересным представляется сосуд из раскопа № 2 Урцекского городища⁷¹. Сосуд имеет округлое тулово, плоское дно, широкое цилиндрическое горло со сливным носиком, круглую в сечении ручку, соединяющую край горловины с его основанием. На ручке сосуда помещен глубоко врезанный знак в виде косоугольного креста (перекрестие). По правой и левой сторонам его имеются два рельефных выступа, напоминающих уши животных. На тулове сосуда изображено «древо жизни», мотив довольно известный в переднеазиатском искусстве и получивший значительное распространение в раннесредневековом Дагестане⁷².

⁶⁵ М. И. Пикуль. Раскопки в Южном Дагестане в 1962 г. РФ ИИЯЛ, Дагфильяла АН СССР, д. № 3245, л. 31, 62—63, табл. XXVII, 3.

⁶⁶ Там же, л. 63.

⁶⁷ См. Э. И. Соломоник. Указ. соч., стр. 148, рис. 119.

⁶⁸ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники..., стр. 179, рис. 10, № 147.

⁶⁹ Э. И. Соломоник. Указ. соч., стр. 38. См. также о магическом значении зеркал и их связи с культом мертвых в статье: М. И. Максимова. Серебряное зеркало из Келермеса. СА, XXI, 1954, стр. 299.

⁷⁰ Э. И. Соломоник. Указ. соч., стр. 39; стр. 162, № 150.

⁷¹ В. Г. Котович, А. И. Абакаров и др. Указ. отчет, л. 29.

⁷² К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 321; Г. С. Чигая, Мотив «древа жизни» в лазском орнаменте. «Из-

Обломки аналогичного сосуда обнаружены в первом помещении раскопа № 14. Сосуды эти, вероятно, использовались для ритуальных целей. Знак на ручке сосуда из раскопа № 2, как и изображение части животного (ушей), выполнял функцию оберега; одновременным помещением их на одной ручке гончар стремился, по-видимому, усилить оберегающую функцию.

Оберегающую роль выполняло, несомненно, выпуклое изображение змеи на ручке сосуда из Бежтинского могильника⁷³. Изображение змеи должно было наводить страх на злых духов⁷⁴. На других сосудах из того же могильника, датируемого VIII в. н. э., имеются знаки, нанесенные на верхние основания ручек в процессе производства изделий. Нахождение в одном комплексе сосудов со знаками и сосуда с изображением змеи может в некоторой степени подтвердить мысль о том, что знаки на ручках имели также определенное смысловое значение, как и изображение змеи. Следовательно, традиции, связанные с представлениями об оберегающей роли изображения животных, птиц, змей и пр., в Дагестане сохранялись долго. Это еще раз свидетельствует о том, что стилизация фигур животных связана не только с утратой представлений о магических функциях изображений животных, заменяющих ручки сосудов, но и с определенными сдвигами в гончарном производстве. Живучесть этих традиций иллюстрируется представлениями, сохранившимися почти до наших дней у народов Дагестана. С этими древними представлениями связан обычай ношения бусин на ручке сосудов, как оберега от дурного глаза, описанный Е. М. Шиллингом⁷⁵, а также народное представление о том, что «сосуд без ручки надо закрывать, а в сосуд с ручкой шайтан не войдет»⁷⁶.

Таким образом, мы прослеживаем, что функцию оберега на сосудах выполняли не только изображения животных, птиц, но и знаки. Являясь ремесленными метками, рассмотренные знаки одновременно выполняли функцию оберега. В знаках на погребальных урнах в Нижнем Гоми Б. А. Куфтин усматри-

вестия ИЯИМК АН Груз. ССР». Тбилиси, 1941, стр. 321.

⁷³ Д. М. Атаев. Указ. соч., стр. 161, рис. 23, 3.

⁷⁴ Г. Ф. Чурсин. Амулеты и талисманы кавказских народов. Махачкала, 1929, стр. 11.

⁷⁵ Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.—Л., 1949, стр. 200.

⁷⁶ А. А. Миллер. Указ. соч., стр. 73.

вают также некоторые магические функции⁷⁷. (Знаки на урнах не имеют отношения к погребальному обряду)⁷⁸. Но, как справедливо отмечает Г. Ф. Турчанинов⁷⁹, вотивное, магическое назначение знака — это уже вторичное функциональное его использование. В данном случае основное назначение его — служить клеймом мастеров при ремесленном производстве и знаком собственности при домашнем производстве. Очевидно каждый мастер ставил одно определенное клеймо или один определенный знак, и каждый из них в одинаковой мере выполнял функцию оберега, равно, как и изображения различных животных, птиц, змей и пр. на ручках сосудов. Итак, если в одном случае в один и тот же знак вкладывалось различное содержание в зависимости от объекта, на который он наносился, то в другом случае, на однородных вещах (сосудах) в различные знаки вкладывалось одно определенное значение.

При анализе знаков на керамике Урцекского городища выяснено, что они ограничиваются несколькими десятками основных форм, с повторением их в различных вариантах. Наблюдаемую при этом эволюцию и усложнение знаков (рис. 2, 20—25; 26—31; 54—58; 59—61) следует объяснить наследственностью гончарного дела, учитывая, что эволюция и усложнение тамг⁸⁰, знаков собственности⁸¹ и гончарных клейм⁸² связывается с институтом наследственности.

Совпадение знаков на изделиях из различных районов свидетельствует и об одной основе источника и об общности идеологических представлений населения.

Известно, что гончарные клейма на обширной территории славянских земель сходны; это объясняется их происхождением: первоначально знаки были религиозными символами⁸³. Эти клейма обнаруживают сходство с полевыми метами и гранями⁸⁴. Впоследствии подобные знаки служили знаками собственности. В этой связи представляют интерес сосуды с клеймами на днищах из Гала, Бежта и Байтля⁸⁵. На дне сосуда из Байтля имеется клеймо в виде креста, заключенного в круг; судя по рельефному рисунку, клеймо было вырезано на верхней плоскости диска гончарного круга. На другом сосуде встречено клеймо в виде перекрещивающихся прямых линий. На ручках сосудов из Бежта, как уже отмечено, имеются изображения в виде креста, трехзубца и пр. Клеймо в виде перекрещивающихся линий сходно со знаками (перекрещивающимися линиями) на ручках сосудов из Урцекского городища и из Южного Дагестана. И здесь четко прослеживается, что знаки служили клеймами и имели определенное смысловое значение.

В заключение отметим, что высокий уровень керамического производства, тщательность отделки разнообразных по формам и назначению сосудов, наличие клейм, переход гончарного дела по наследству, значительная дифференциация в самом ремесленном производстве — все это позволяет рассматривать Урцекское городище как один из крупных центров гончарного производства в раннесредневековом Дагестане.

⁷⁷ А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, стр. 289; см. также Н. В. Тухтина. Средневековые славянские гончарные клейма. В кн.: «Археологический сборник». Труды ГИМ, вып. 37. М., 1960, стр. 148—156.

⁷⁸ Там же, стр. 78.

⁷⁹ Г. Ф. Турчанинов. Указ. рецензия, стр. 253.

⁸⁰ Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности. СА, 1960, № 3, стр. 96 и сл.

⁸¹ Е. Т. Соловьева. Указ. соч., стр. 111.

⁸² Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 181.

⁸³ А. А. Мансуров. Старо-рязанские и пропские клейма. СА, VIII, 1946, стр. 297.

⁸⁴ Д. М. Атаев. Некоторые средневековые монгольские Аварии. МАД, II, стр. 234, рис. 11; Он же. Нагорный Дагестан, стр. 13, рис. 4, 13.

⁸⁵ Д. М. Атаев. Некоторые средневековые монгольские Аварии. МАД, II, стр. 234, рис. 11; Он же. Нагорный Дагестан, стр. 13, рис. 4, 13.

Дорогому Алчагирову
учетливо, дружелюбно
от своего
23/18/41. Махаганава

Г. С. ФЕДОРОВ

СЛУЧАЙНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ИЗ КАРАБУДАХКЕНТА

В 1961 году житель с. Карабудахкент Ленинского района ДАССР Г. М. Алчагиров сообщил нам, что около нового колхозного клуба во время разравнивания строительной площадки обнаружили камни подземных

гировым места стало ясно, что разрушается интереснейший памятник. Нами привлечены были местные школьники с тем, чтобы по возможности спасти разрушенный могильник. Мы произвели расчистку уцелевших каменных ящиков. На участке площадью около 24 м² были обнаружены следы пяти разрушенных каменных ящиков. Из них удалось обследовать только один. Он также был потревожен. Верхняя покровная плита, части продольных и торцовых стенок были срезаны. Костяк располагался головой на ВВС, в вытанутом положении, лицевая часть черепа была повернута на ЮЮВ. Обнаруженный нами могильник мы условно называем карабудахкентский «№ 4».

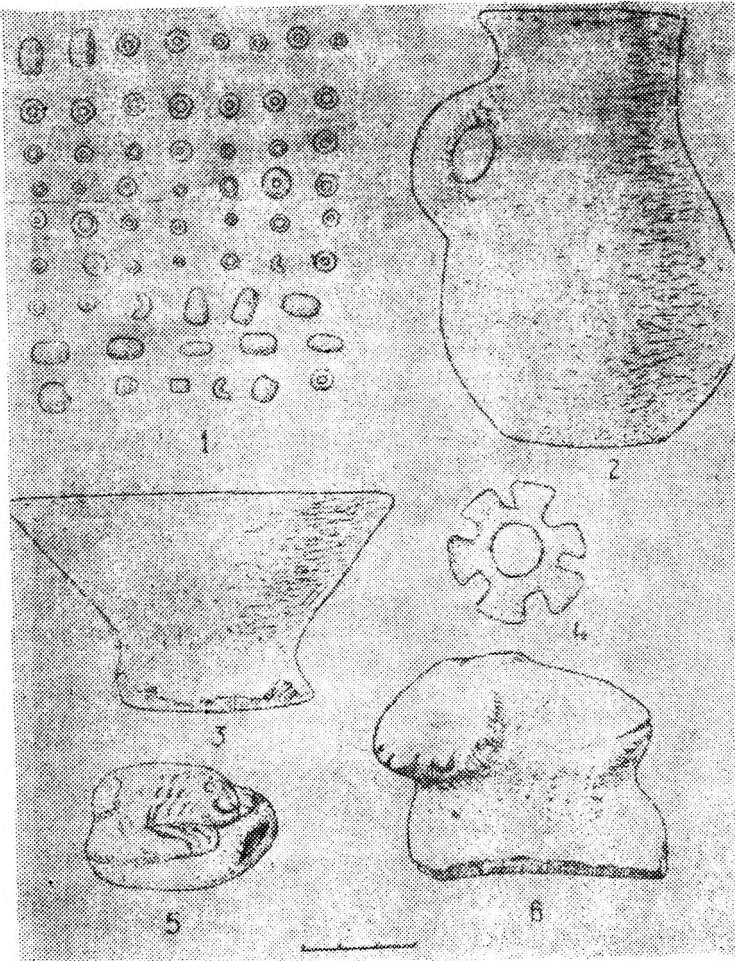

Табл. 1. Инвентарь из каменного ящика Карабудахкентского могильника № 4.

гробниц, человеческие кости, обломки сосудов и другие вещи. При осмотре указанного Алча-

гировым места стало ясно, что разрушается интереснейший памятник. Нами привлечены были местные школьники с тем, чтобы по возможности спасти разрушенный могильник. Мы произвели расчистку уцелевших каменных ящиков. На участке площадью около 24 м² были обнаружены следы пяти разрушенных каменных ящиков. Из них удалось обследовать только один. Он также был потревожен. Верхняя покровная плита, части продольных и торцовых стенок были срезаны. Костяк располагался головой на ВВС, в вытанутом положении, лицевая часть черепа была повернута на ЮЮВ. Обнаруженный нами могильник мы условно называем карабудахкентский «№ 4».

Каменный ящик (судя по оставшимся камням) имел прямоугольную форму и был сложен из восьми плохо подтесанных известковых плит. Длина каменного ящика 1,72 м., ширина 0,48 м. Продольные стенки были сооружены из трех почти одинаковых по длине и ширине плит, торцовые — из двух.

При костяке обнаружено большое количество бус — пастовые, гагатовые, стеклянные и халцедоновые (табл. 1, рис. 1); какой-то железный предмет, совсем окислившийся; небольшой красноангобированный сосуд с ручкой, очень хорошего обжига (табл. 1, рис. 2), ручка красноангобированного сосуда в форме головы барана (табл. 1, рис. 3), бронзовая фигурная пряжка с железным язычком (табл. 1, рис. 4).

Бусы, разнообразные по материалу, величине и форме, что в основном зависело от функционального назначения; мелкими обшивали ворот, рукава одежды, большие служили в качестве пуговиц. В основном же бусы составляли ожерелья.

Бусы из Карабудахкентского могильника «№ 4» находят аналогии в других Карабудахкентских могильниках № 1 и № 3¹, в Урцекском некрополе, а также среди бус меото-сарматского могильника четвертой хронологической группы².

Красноангобированный сосуд имеет следующие размеры: высота 13 см, диаметр горла 10,2 см., диаметр тулова 15 см, диаметр дна 10 см, ручка в сечении круглая.

Аналогичные сосуды с красной ангобой встречаются среди керамики Карабудахкентского могильника № 3³.

Ручка в виде головы барана находит аналогии среди керамики из Карабудахкента⁴, ее напоминает и ручка, изображенная на сосуде № 16, 8 из меото-сарматских погребений четвертой хронологической группы (I в. до н. э.—II в. н. э.)⁵.

Бронзовая пряжка с железным язычком находит себе аналогию среди вещей из каменных гробниц Карабудахкентского⁶ и Урцекского⁷ могильников.

Рядом с каменным ящиком, на расстоянии 7—8 м к СЗ, обнаружено грунтовое погребение, сильно разрушенное бульдозером: череп раздавлен, кости потревожены. Все же можно было определить, что костяк лежал в вытянутом положении, на спине, головой на ССВ.

При костяке находились бусы из зеленой пасты, очень хрупкие; два сосуда (один из которых представлен здесь, табл. 1, рис. 1) из серой глины; поверхность серая, лошенная, глина светлокорицевого, плохого обжига. Было обнаружено дно уцелевшей миски на высокой ножке. Высота миски 10×2 см, диаметр верхней части 20 см, диаметр дна 10 см. Аналогичная миска была обнаружена в коллективном погребении № 38 I Карабудахкентского могильника⁸.

¹ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент. МАД, II. Махачкала, 1961, стр. 212, рис. 31.

² Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской, МИА, 23, М., 1951, стр. 195, стр. 195.

³ К. Ф. Смирнов. Указ. раб., стр. 216, рис. 40, № 65.

⁴ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у с. Карабудахкент. МАД, II. Махачкала, 1961, рис. 31, 33, 35. 1. Карабудахкентский могильник; рис. 37, 38, 39. (3. Карабудахкентский могильник).

⁵ Н. В. Анфимов. Указ. раб., стр. 199, рис. 18.

⁶ К. Ф. Смирнов. Указ. раб., стр. 218.

⁷ М. М. Маммаев. Ремесло раннесредневекового Дагестана. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР.

⁸ К. Ф. Смирнов. Указ. раб., стр. 191, рис. 21, № 389.

Был обнаружен амулет в форме лежащего льва из голубой египетской пасты (табл. 1, рис. 3); бронзовое зеркало с боковым ушком (таб. 2, рис. 4), характерные для погребений I—II вв. н. э. Аналогичные зеркала обнаружены в Таркинском и I Карабудахкентском могильниках⁹.

По типологии А. М. Хазанова, выделившего 10 типов сарматских зеркал, наше зеркало относится к зеркалам IX типа, которые датируются I—II вв. н. э.¹⁰ Этим же временем мы должны датировать наше зеркало.

Весной 1965 года нам были переданы жителем Карабудахкента Яхьяевым Я. вещи, обнаруженные при постройке жилого дома: миниатюрный красноангобированный сосудик (высота его 3 см., диаметр верхней части — 2 см, диаметр нижней части — 3,5 см, (табл. 2, рис. 3); уникальный сосудик, напоминающий водоплавающую птицу (табл. 2, рис. 4); бронзовая пряжка с железным стержнем и нисходящими концами (на кондах изображение какого-то животного, возможно барана, (табл. 2, рис. 2). Эти вещи, по рассказам Яхьяева, были им извлечены из большого каменного склепа. Кроме того, в склепе были какие-то железные предметы, большие и малые сосуды, человеческие кости. Все они утеряны. Склеп находился на расстоянии 100—150 м к ЮВ от III Карабудахкентского могильника.

Аналогичные пряжки в количестве 7 экземпляров обнаружены в Урцекском некрополе. М. М. Маммаев датирует их концом II и началом V вв. н. э.¹¹

Таким образом, мы снова столкнулись с доказательством бытования в этом районе двух погребальных обрядов: в каменных ящиках и в грунтовых могилах.

Погребения в каменных ящиках становятся основным типом погребальных сооружений в Дагестане, начиная с эпохи бронзы. В следующем периоде встречаются и грунтовые могилы. Некоторые исследователи связывают их появление с сарматами¹².

⁹ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе селения Тарки. Материалы и исследования по археологии СССР, 1951, № 23, стр. 261, рис. 2.

¹⁰ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у с. Карабудахкент, МАД, II. Махачкала, 1961, рис. 4, № 12.

¹¹ М. М. Маммаев. Зооморфные пряжки Урцекского некрополя.

¹² К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе Дагестанского сел. Тарки. МИА, 23, стр. 258.

Карабудахкентский могильник,— как указывает К. Ф. Смирнов,— генетически связан с местной культурой предшествующего периода¹³. Сарматская традиция захоронения покойников в грунтовых могилах постепенно исчезает. Снова появляются каменные ящики: местный обряд вытеснил обряд пришельцев. Иначе трудно объяснить исчезновение грунтовых могил в районе Карабудахкента.

Как бы то ни было, одновременное бытование двух типов погребальных сооружений в районе Карабудахкента свидетельствует о существовании в этом районе двух этнических групп. Обе они являются; возможно, предками современных кумыков. Значительно позже население этих районов подверглось тюркизации, утеряв свой язык¹⁴.

Обнаруженный нами погребальный инвентарь разрушенного могильника может быть сопоставлен с погребальным инвентарем Карабудахкентских могильников № 1 и № 3. К. Ф. Смирнов датирует их I—III вв. н. э.¹⁵ Стало быть, разрушенный могильник, который мы условно назовем «№ 4», можно датировать этим же временем.

Некоторые вещи, обнаруженные нами в могильнике «№ 4», поистине уникальны для Дагестана. К ним относится, прежде всего, амулет в форме лежащего льва из голубой египетской пасты. Аналогичные амулеты известны во многих пунктах СССР, и они получают массовое распространение в I в. до н. э.— III в. н. э.¹⁶

Наш амулет пожалуй единственный среди подобных амулетов по своей сохранности и красоте.

При археологических работах в Северном Причерноморье, в Средней Азии, на Северном Кавказе было найдено много предметов, происходящих из Египта, или же изготовленных под влиянием египетской культуры. Эти вещи могли попасть на Северный Кавказ через Черное море, а в Причерноморье — из Навкратиса, Александрии при посредстве милетской торговли, связывавшей Египет с Грецией¹⁷.

В Государственном Эрмитаже в Ленингра-

де хранится около трехсот амулетов и мелких изделий из египетского фаянса, добытых при раскопках в Керчи. Б. Б. Пиотровский делит их на группы и относит к трем хронологическим периодам¹⁸. Для нас интересен третий период — I в. до н. э.— III в. н. э., время, которым датируется Карабудахкентский могильник «№ 4».

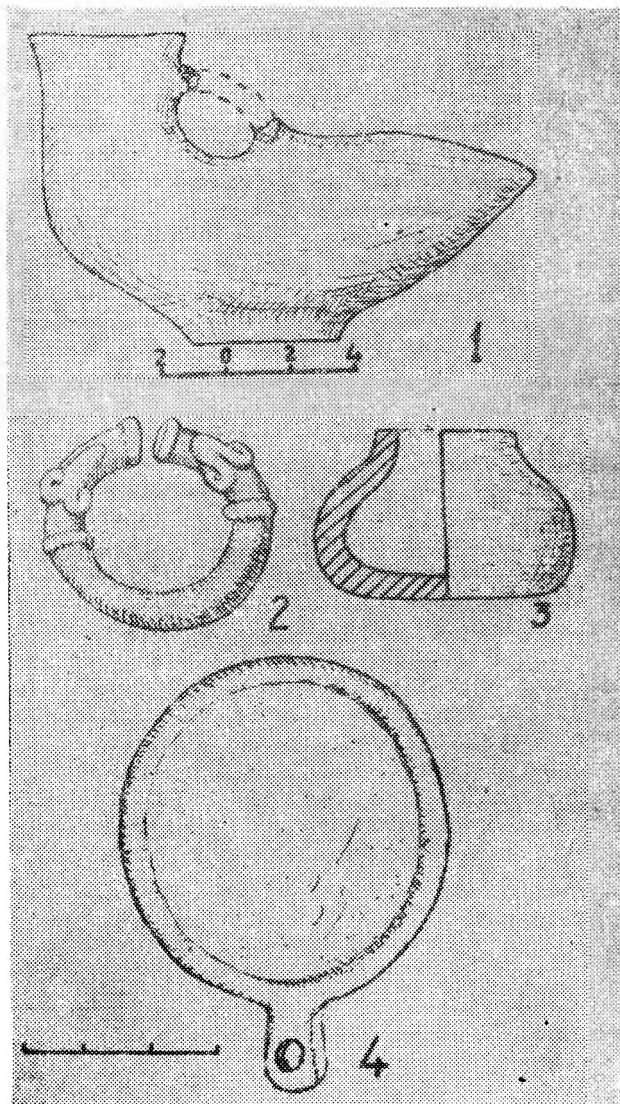

Табл. 2. Инвентарь из разрушенной карабудахкентской гробницы.

По поводу амулетов в форме лежащего льва Б. Б. Пиотровский приводит интересные данные: Зилигман и Бек, изучая восточное стекло, произвели химический анализ трех одинаковых амулетов в виде лежащего на

¹³ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени, стр. 209.

¹⁴ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени, стр. 219.

¹⁵ К. Ф. Смирнов. Там же, стр. 219.

¹⁶ Б. Б. Пиотровский. Египетские предметы в Северо-Кавказском крае, СГАИМК 1931, № 6. Он же. Древнеегипетские предметы, найденные на территории СССР, СА, 1958, № 1, стр. 20—27.

¹⁷ Б. Б. Пиотровский. Указ. раб., стр. 23.

¹⁸ Там же, стр. 23—24.

плакетке льва. По заключению исследователей один из этих амулетов происходит из Египта, второй — из Ирана, третий — из Китая¹⁹. Возможно, что наш карабудахкентский амулет также попал в Дагестан из Ирана.

Большое количество амулетов из голубой египетской пасты обнаружено в Осетии²⁰. Известны находки египетских вещей в Курской²¹ и Пермской²² областях, Чечено-Ингушской АССР²³.

Все указанные предметы, распространенные на обширной территории, обнаруживают полное сходство. Без сомнения, все они распространялись из одного производственного центра²⁴.

Находки импортных вещей на территории Северного Кавказа не только отражают реальные связи местного населения со странами Средиземноморья, но являются также датированным материалом. Находка египетского амулета на территории Дагестана имеет большое значение, как показатель проникновения импортных вещей в глубь Северного Кавказа. Нам известна еще одна находка из голубой египетской пасты, обнаруженная Е. И. Крупновым в Таркинском могильнике²⁵. Наличие египетских вещей в сарматских погребениях в Дагестане (Карабудахкент, Таркинские могильники) свидетельствует о далеких связях наших предков с античным культурным миром. Эти связи существовали издревле, продолжали развиваться и в первые века нашей эры. Известно, что через Дербентский проход осуществлялись древние торговые связи

с Предкавказьем, Кавказской Албанией и отсюда с Передней Азией и другими странами. В результате меновых связей Дагестана с окружающим миром в первых веках н. э. в Карабудахкент мог попасть и амулет в форме льва из голубой египетской пасты.

Оригинальной находкой является также небольшой красноангобированный сосуд-бокал с ручкой, сделанный в виде водоплавающей птицы (утки) (табл. 2, рис. 1). Бокал имеет кольцевидную опору (ножку) с диаметром — 4,8 см, высотой — 1,5 см. Ручка бокала прикреплена на 2,1 см. ниже основания горла и переходит в тулово бокала. Длина ручки 3,2 см. Ручка продолжается в виде невысокого гребня до самого «хвоста» стилизованной утки. Высота в хвостовой части — 3,5 см. Сосуд-бокал тщательно обработан. В известных нам описаниях археологических находок точную аналогию Карабудахкентскому сосуду-бокалу найти не удалось. Схожая с нашим «бокалом» зооморфная посуда встречается среди керамики в Мингечауре Азербайджанской ССР²⁶.

Сосуды в виде птиц и животных известны в Передней и Малой Азии, Западной Европе, Монголии, Северном Китае, Иране и во многих других местах. Для чего понадобился бокал нашим предкам в виде птицы?

Известно, что по законам конвергенности в разных местах возникают однотипные вещи. Зооморфные образы отражали, видимо, тотемические представления и имели магическое значение.

¹⁹ Б. Б. Пиотровский. Указ. раб., стр. 26.

²⁰ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа (МАК), т. VIII, М., 1900, стр. 233, 322.

²¹ Отчеты археологической комиссии (ОАК) за 1908 и СПб, 1912, стр. 126.

²² А. В. Шмидт. Древний Восток и Русский Север. «Новый Восток», 1926, стр. 343, № 13—14.

²³ В. Б. Виноградов. Египетские предметы из сарматского погребения близ г. Грозного. СА, № 3, 1960, стр. 231.

²⁴ Б. Б. Пиотровский. указ. раб., стр. 27.

²⁵ Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, 1951, № 23, стр. 216, рис. 8, № 1.

²⁶ Т. И. Голубкина. О зооморфной керамике из Мингечаура. «Материальная культура Азербайджана», т. II, Баку, 1951, стр. 112—113.

А. Р. ШИХСАИДОВ

НЕСКОЛЬКО АРАБСКИХ НАДПИСЕЙ ИЗ ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА

Первая сессия советских арабистов, состоявшаяся в июне 1935 г., в числе важнейших задач, стоящих перед арабистикой, наметила «систематическое соби́рание, издание и изучение материалов по арабской эпиграфике и палеографии»¹. После этого проделана большая работа по сбору и систематизации огромного эпиграфического наследия в нашей стране. Появились сводные работы по арабской эпиграфике Кавказа².

Однако большое число надписей остается неизданным. В настоящей статье даются в основном датированные надписи, представляющие интерес для палеографии.

1. Близ селения Архит, в 2-х км к юго-западу от селения, у местечка «Келез-шегьер»³ («Город крепости») расположено мусульманское кладбище, датированные надписи которого относятся к началу XIV в. Одна из них (рис. 1) высечена на большой четырехугольной плите (дневная поверхность 70×44×10 см), в восточной стороне. В верхней части плиты, по бокам — два симметрично расположенных солярных знака. Большую часть нижней половины занимает четырехугольник, составляющий поле для надписи и завершающийся солярным знаком с остроконечной вершиной.

Текст высечен в 7 строк:

- 1) Во имя аллаха ми-
- 2) лостивого, милосердного
- 3) Скончался вла-
- 4) делец этой могилы
- 5) Мухаммед в семь-
- 6) сот тридцать
- 7) седьмом году.

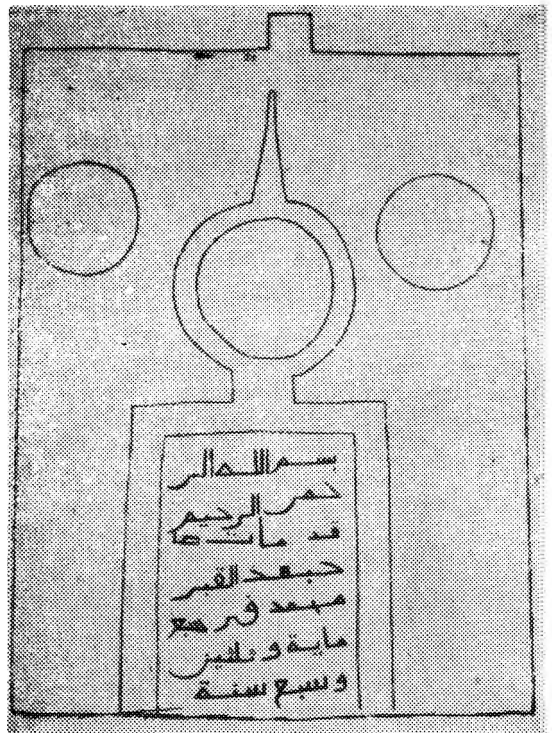

Рис. 1. Надпись 1336—1337 гг. из сел. Архит.

737 г. хиджры соответствует 10. VIII. 1336—29. VII. 1337 г.

Перевод этой надписи и арабский текст

¹ Труды I сессии арабистов. М.—Л., 1937, стр. 9.

² М. С. Нейматова. Эпиграфические памятники Азербайджана (XVII—XVIII вв.). Баку, 1963 (на азерб. яз.); Она же. К истории изучения Ширвана XIV—XV веков (на основе эпиграфических памятников). Баку, 1959 (на азерб. яз.); Эпиграфические памятники Северного Кавказа. На арабском, персидском и турецком языках, ч. I. Надписи X—XVII вв. Переводы, комментарии, введение и приложения Л. И. Лаврова. М., 1966; ч. II. Надписи XVIII—XX вв. М., 1968.

³ Местечко это и надписи близ него показаны нам жителем сел. Архит Вердиевым Махмудом и директором Архитской семилетней школы Бугаевым Бугаем. Всего — 8 надписей, из них 2 датированных.

был издан дважды⁴, но рисунок публикуется впервые.

2. Находится примерно в 1 км к с-з от Архита, близ дороги к сел. Хив, в покрытом редким лесом местечке «Эгъвехъвевай чка». Место нахождения плиты с надписью указано нам участковым инспектором Хивского райФО Исмаилом Абдуллаевым. На местечке «Эгъвехъвевай чка» было расположено древнее мусульманское кладбище, о чем свидетельствует несколько (около 5) сохранившихся надмогильных плит. Надпись (рис. 2) сохранилась только на одной плите (62×37×9), причем не на центральном поле (напоминающем стилизованный человеческий корпус), но по краям его. Возможно, что надпись⁵ на центральном поле уничтожена временем. Камни глубоко

ушли в землю, потому читается часть надписи:

- 1) *Во имя Аллаха*
- 2) *милостивого*
- 3) *милосердного.*
- 4) *Аллах. Вла(делец).*

Письмо — угловатое, текст имеет 4 строки: «Именем бога милостивого, милосердного».

3. Примерно в 2 км к западу от селения Тпиг, по левой стороне от дороги, ведущей в сел. Рича, в местности Зулеран-хюр расположено старое мусульманское кладбище с несколькими сохранившимися надгробными плитами⁶. Одна из этих плит отмечена датой. Плита (1,19×95×10) изготовлена из камня песчаниковой породы и имеет полукруглую верхнюю часть. Надпись относится к 741 г. х., т. е. 1340 г. Почерк тонкий, размашистый насх с элементами куфи (особенно это относится к буквам алиф и лям). Текст надписи заключен в раму, образованную двумя линиями, идущими вдоль краев плиты. Приводим его перевод.

- 1) «Аллах
- 2) *Во имя Аллаха милостивого, милосердного,*
- 3) *скончался добывающийся*
- 4) *прощения Аллаха и...*
- 5) *Сулейман сын Абдаллаха*
- 6) *(в день) пятый месяца шаввала*
- 7) *семьсот и один*
- 8) *и сорок по хиджре пророка*
- 9) *(Мухаммеда) да благословит (его Аллах и да приветствует)».*

5 шаввала 741 г. соответствует 20. III. 1340 г.

4. Эта надпись находится близ датированной (№ 3) и может быть отнесена к XIV в. Массивная надмогильная плита из песчаника, на котором низким и широким рельефом нанесена надпись (рис. 3), имеет в высоту около 85 см (над землей) и ширину 67 см. В центре плиты — два круга, касающихся друг друга и расположенных один над другим. Верхний круг заканчивается остроконечной вершиной. В первом круге цветущим куфи вписано слово «Аллах». Нижний круг (вернее два концентрических круга с отходящими от них в симметричном порядке ветками) содержит имя покойного, написанное насхом.

Имя полностью не читается:

- 1) *Эта*
- 2) *Могила Б...*

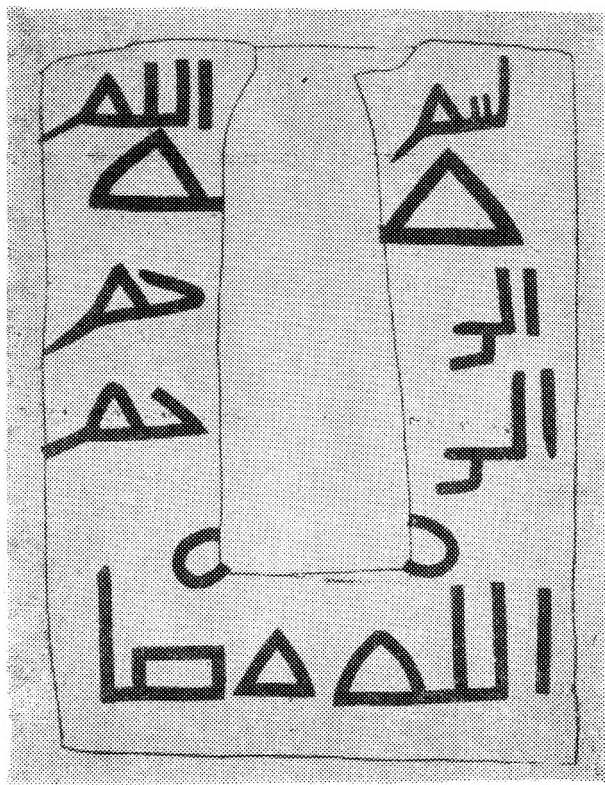

Рис. 2. Сел. Архит. Надпись XI—XII вв.

⁴ А. Р. Шихсаидов. Распространение ислама в Южном Дагестане в X—XV вв. «Ученые записки» Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, т. VI, Махачкала, 1959, стр. 144. Перепечатка: Л. И. Лавров. Указ. соч., ч. I, стр. 116.

⁵ Рисунок издается впервые. Текст и перевод — см. А. Р. Шихсаидов. Указ. соч., стр. 145. Перепечатка: Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 98.

⁶ Кладбище и надписи показаны нам жителем сел. Тпиг Багаутдиновым Багадаем.

3) ... Аллах

По левому и правому краям плиты крупным широким вычурным куфи выписан арабский текст. Левый край содержит текст, который можно читать:

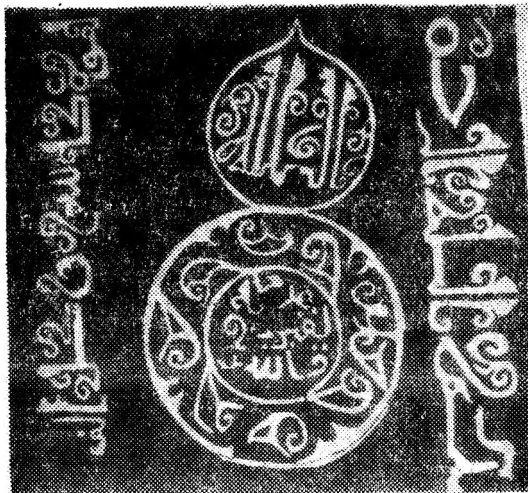

Рис. 3. Сел. Тпиг. Надпись XIV в.

«Власть принадлежит Аллаху, единому, всепобеждающему».

По правому же краю тем же письмом написана «басмала».

Надпись интересна также тем, что говорит о сосуществовании в ряде случаев двух почерков в XIV в.

5. В Курахе, у входа в мечеть находится четырехугольный каменный столб⁷ с надписями на обеих сторонах. Одна из надписей, зафиксировавшая пределы союза сельских общин во главе с Курахом, издана Л. И. Лавровым⁸. Вторая же надпись (рис. 4) не опубликована. Она датируется на основе первой надписи, т. е. 1356 г. Надпись читается так:

«Нет бога кроме аллаха. Истина. Истина. Подлинно. Аллах вечен».

Следующие две надписи вводят нас в обстановку взаимоотношений двух лезгинских аулов — Рутул и Хурюг и подчиненных им селений.

⁷ Столб поддерживает навес над входом в мечеть. Высота столба 2,65 м, ширина — 42 см, толщина — 15 см.

⁸ Л. И. Лавров. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции. «Сборник музея археологии и этнографии», т. XVII, 1957, стр. 375—377, рис. 4; Он же. Эпиграфические памятники Северного Кавказа, стр. 118, 287 (рис. 287); Е. И. Козубский, возможно, имел в виду эту надпись, когда писал: «В мечети сел. Курах камень с греческой надписью». — См.: «Дагестанский сборник», вып. I. 1902, стр. 161.

6. В сел. Хурюг над входными воротами дома Омарова З. в стену вмонтирована четырехугольная каменная плита, центральное поле которой занято надписью (рис. 5). Надпись состоит из четырех строк:

- 1) *Произошло сражение между нами и Рутулом.*
- 2) *Дата — 1143⁹. Потом пришел великий хан Сурхай хан*
- 3) *с большим числом алимов и благочестивых людей и пребывали они среди нас*
- 4) *чтобы примирить нас. Дата по хиджре пророка — 1152.*

1143 г. хиджры соответствует 17. VII. 1730—7. VI. 1731, а 1152 г. хиджры начался 10. IV. 1739 г.

Сурхай хан, упоминаемый в тексте — это известный казикумухский хан (ум. 1748).

7. В южной стене Хрюгской мечети, над входом в мечеть, вмонтирована четырехугольная (90×27) плита из обработанного камня. В центре, в кругу — надпись (рис. 6) о политических событиях начала XVIII в. Плита богато орнаментирована. Текст читается так:

- 1) *Вот произошло сражение*
- 2) *между нами и между рутульцами с ма-*
- 3) *халла и ахтынцами с их махалла*
- 4) *в течение трех лет*
- 5) *и было убито из нас большое число*
- 6) *мужчин.*
- 5) *Затем примирились они с нами в дату*
- 6) *пророка, в году 1190.*

1190 г. хиджры соответствует 21. II. 1776 — 11. I. 1777.

8. В надписи 6 упоминается имя казикумухского хана Сурхая сына Гирея (ум. 1748), при котором ряд южнодагестанских селений подчинялся Казикумуху. Впоследствии, в конце XVIII в. это также имело место, что отразилось в надписи из сел. Хпедж Курахского района. Камень с арабской надписью в три строки помещен в стене дома Худаева Ахмеда.

Перевод:

- 1) *Построил (бана) эти благословенные*
- 2) *дома уста*
- 3) *Хасад и брат его Иуз бек сын*
- 4) *Замир бека во время*
- 5) *правителя Сурхай хана. Дата пророка*
- 6) *Мухаммеда — да благословит его Аллах*
- 7) *и приветствует — 1202 (год).*

1202 год хиджры начался 13 октября 1787 г. Сурхай данной надписи это уже казикумухский хан Сурхай хан сын Мухаммад хана (1744—1827).

⁹ Дата написана как бы между двумя строками, вернее над словом «Тарих».

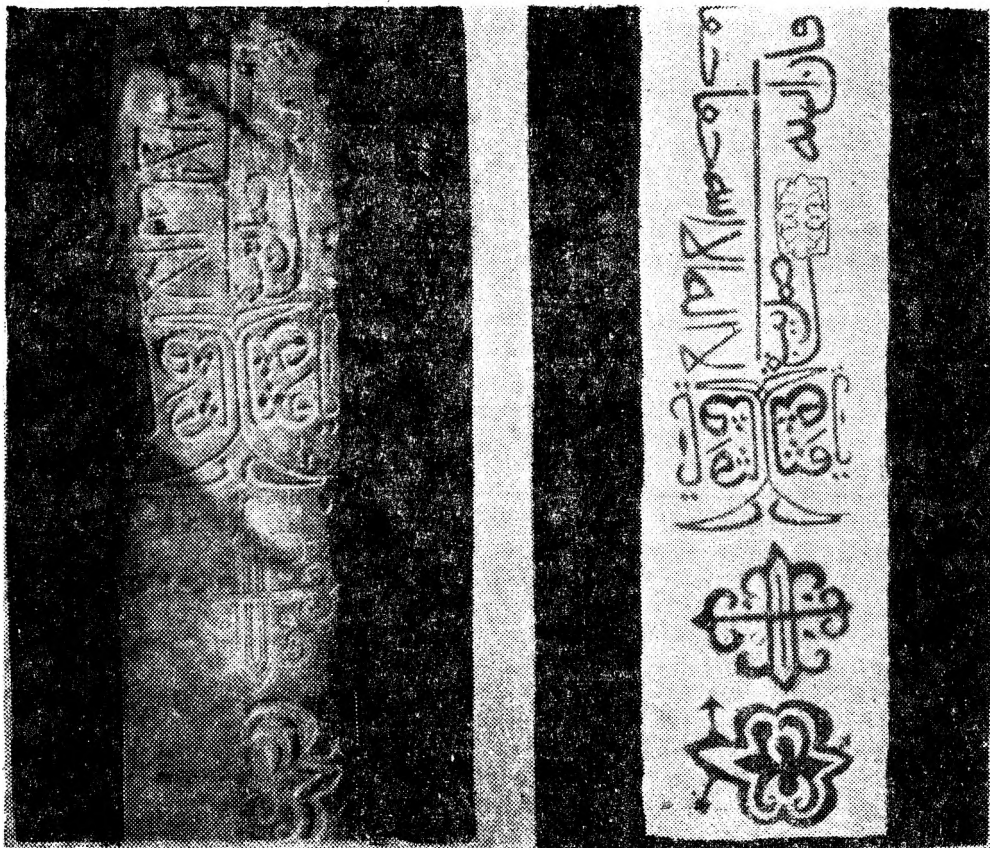

Рис. 4. Сел. Курах. Надпись 1356 г. (фото и прорись).

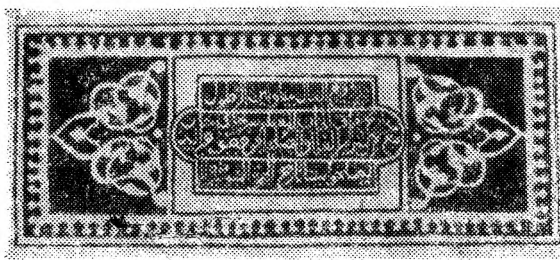

Рис. 5. Сел. Хурюг. Надпись 1730—1731 гг.

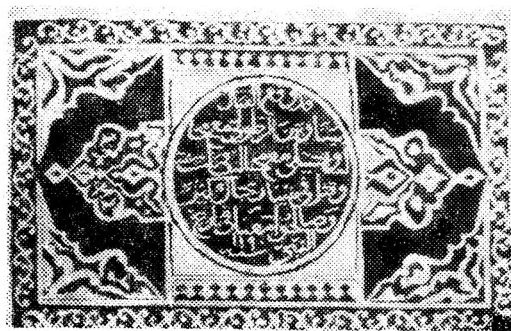

Рис. 6. Сел. Хурюг. Надпись 1776—1777 г.

9. Имя Сурхай хана упоминается и в другой надписи из того же селения (Хпедж). Каменная плита с надписью находится над входом в пятничную мечеть и содержит 5 строк, помещенных в трех полях, отделенных друг от друга двумя тонко врезанными параллельными линиями.

Перевод:

- 1) *Во имя Аллаха, милостивого, милосердного.*
- 2) *Возобновил (джаддада) эту мечеть*
- 3) *Рамазан сын Джамала сына Шабана— да смилостивится над ним Аллах—*
- 4) *во время Сурхай хана — по хиджре пророка избранного*
- 5) *после 1209 года.*

1209 г. соответствует 29.7.1794—17.7.1795 г.
10. Надпись на плите (65×30 см) в стене пятничной мечети сел. Курах также упоминает имя Сурхай хана (надпись состоит из двух «сдвоенных» строк).

Перевод:

1) *Реставрировал (джаддада) эту мечеть Абдулхамим во время справедливого амира Сурхай хана... покойный, паломник в Мекку и Медину,*

2) *в дату— тысяча двести восемнадцатый год по хиджре (пророка) Мухаммеда, да благословит его Аллах и приветствует... Мухаммед, Абдаллах, Амир-Кули, Ибрахим.*

1218 год хиджры падает на 23.4.1803—11.4.1804 г.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

МАТЕРИАЛЫ ПО КРАНИОЛОГИИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

Интенсивное накопление антропологических и палеоантропологических данных за годы Советской власти, являющееся следствием широкого развертывания научно-исследовательской работы в области антропологии, позволяет дать достаточно полную характеристику антропологического типа древнего и современного населения СССР¹. Это справедливо и по отношению к Дагестану, на территории которого были проведены обстоятельные работы по изучению физического типа², дерматоглифики³ и групп крови⁴ разных народов Дагестана. Заполняется постепенно и «белое пятно» в палеоантропологических материалах по Дагестану⁵. Однако прямое сопоставление антропологических данных о современном населении и результатов исследования палеоантропологических материалов в целях решения этногенетических вопросов невозможно без привлечения краниологических материалов из могильников эпохи позднего средневековья и более близкого к нам времени. Они играют роль связующего звена между первыми и вторыми, и поэтому их значение в любом антропологическом исследовании, имеющем этногенетические цели, трудно переоценить. Краниологические материалы о народах Дагестана полно-

стью отсутствуют, что вместе с фрагментарностью имеющихся пока палеоантропологических данных, этнической пестротой Дагестана и, как следствие этого, многообразием этногенетических проблем затрудняет полноценное использование антропологических материалов в качестве исторического источника. Автор делает попытку до некоторой степени заполнить этот пробел, публикуя описание небольших серий черепов аварцев и удин.

Череп аварцев хранятся в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде под инвентарными номерами 5021 и 5027. Череп, хранящийся под номером 5021—1, был доставлен Н. К. Зейдлицом в 1858 г. и описан К. Бэрром⁶. Остальные черепы были доставлены в музей М. И. Астафьевым в 1859 году. Как они, так и череп, присланный Н. К. Зейдлицом, происходят из погребений в верховьях Аварского Койсу. Погребения принадлежали воинам, погибшим в начале XIX века в стычке с русскими войсками. Это подтверждается и морфологическим обликом всех исследованных черепов. Признаки мужского пола выражены на них настолько резко, что в принадлежности их мужчинам не может быть ни малейших сомнений.

Черепы удин хранятся в Государственном музее антропологии МГУ под номерами 3955—3964. Единственное исключение составляет один череп удина, хранящийся в Музее антропологии и этнографии АН СССР под номером 4590—1. Все они происходят из кладбища селения Варташен бывш. Нухинского уезда (ныне Нухинский район Азербайджанской ССР). Черепы из Государственного музея ан-

¹ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, «Труды Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия)», т. IV, М.—Л., 1948.

² Г. Ф. Дебец. Антропологические исследования в Дагестане, «Труды Ин-та этнографии АН СССР (нов. серия)», т. XXXIII, М., 1956.

³ А. Г. Гаджиев. Данные по дерматоглифике народов Дагестана. «Вопросы этнографии», вып. 3, 1962.

⁴ Неопубликованные материалы А. Г. Гаджиева.

⁵ Н. Н. Миклашевская. Новые палеоантропологические материалы с территории Дагестана. «Материалы по археологии Дагестана», т. I, Махачкала, 1959. Она же. Антропологический состав населения Дагестана в алао-хазарское время. «Вопросы антропологии», вып. 5, 1960.

⁶ К. Е. Ваег. Die Makrocephalen im Boden der Krum und Osterreich, verglichen mit den Bildungs-Abrechnung. Welche Blumenbach Makrocephalus genannt hat Mem. de l'Acad. des Sc. de St.-Petersburg, t. II, N 6, 1860.

тропологии МГУ доставлены К. А. Горбачовым в 1890 году, череп из музея антропологии и этнографии АН СССР был прислан Маншитовым в 1861 году. Датировка погребений, из которых происходят все удинские черепа, не очень определена. Не исключено, что эти погребения отстоят от современности на несколько столетий. Хранящиеся в Государственном музее антропологии МГУ черепа были впервые изучены А. О. Бачинским. Однако его сообщение о них осталось неопубликованным⁷.

Кроме того в литературе имеются данные еще о шести черепах удин, добытых на том же кладбище⁸, но мы не смогли разыскать их в краниологических собраниях нашей страны: по видимому, они не сохранились до настоящего времени. Таким образом, приходится удовлетвориться рассмотрением девяти удинских черепов. Суждение об их половой принадлежности составлено на основании морфологии черепа. Черепа под номерами 3955—3957, 3959, 3961 определены как мужские, черепа под номерами 3958, 3960, 3964 и череп из Музея антропологии и этнографии АН СССР как женские.

Результаты индивидуальных измерений и вычисления средних исследованных серий аварских и удинских черепов представлены в табл. 1. Так как обе серии обнаруживают существенные отличия друг от друга в некоторых антропологических признаках, рассмотрим их в отдельности.

Аварские черепа характеризуются короткой, широкой и довольно высокой черепной коробкой. Форма черепной коробки при взгляде сверху чаще всего круглая. Надбровье развито довольно сильно так же, как и сосцевидные отростки, что свидетельствует о сильном развитии рельефа черепа. Лобная кость сравнительно узкая, лоб скорее прямой, что, по видимому, находится в прямой корреляции с высотой и формой черепной коробки при взгляде сверху. В отличие от лобной, затылочная часть скорее широкая и отличается сильно развитым рельефом в местах прикрепления шейной мускулатуры.

Размеры лица довольно большие. Если по ширине лица аварцы все же значительно уступают европеоидным вариантам с максимальной шириной лица, то отличия их от евро-

пеоидных вариантов с максимальной высотой лица незначительны. Лицевой скелет характеризуется резко выраженным ортогнатным лицевым профилем и очень сильной профилировкой в горизонтальной плоскости. Нос — высокий и узкий, характеризующийся очень высоким переносьем, орбиты — средней ширины и довольно высокие, небо — удлинённой формы. Носовые кости очень сильно выступают по отношению к линии лицевого профиля.

Таким образом, первое, что бросается в глаза при рассмотрении аварских черепов — исключительно резкая выраженность особенностей европеоидной расы. В этом отношении аварская серия не уступает серии черепов армян⁹. Внутри европеоидной расы она сближается с круглоголовыми и широколицыми вариантами, характерными для населения Центрального Кавказа.

Удинские черепа имеют очень длинную, узкую и сравнительно низкую черепную коробку. Для характеристики масштаба различий в длине черепной коробки между удинскими и аварскими черепами можно указать, например, на то обстоятельство, что в женской удинской серии она больше чем в мужской аварской. Лобная кость узкая, но это справедливо лишь по отношению к абсолютным величинам широтных диаметров. По отношению к ширине черепной коробки лобная кость довольно широка, она характеризуется резким наклоном. Надбровье развито сильно. То же можно сказать и о развитии сосцевидных отростков. В соответствии с удлинённой формой черепной коробки при взгляде на нее сверху преобладают овоидные и эллипсоидные варианты. По высоте лицевого скелета удинская краниологическая серия не отличается от большинства краниологических серий представителей европеоидной расы. Широтные размеры лица попадают в категорию малых величин этого признака. Лицевой скелет характеризуется отчетливой ортогнатностью в вертикальной плоскости и очень сильной профилировкой в горизонтальной плоскости. Размеры орбит — средние, такие же, как и размеры носа и неба. И по высоте переносья, и по выступанию носовых костей к линии лицевого профиля удинские черепа не уступают аварским. Таким образом, краниологический тип удин так же, как и краниологиче-

⁷ См. «Труды антропологического отдела об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. XVIII, М., 1897, стр. 499.

⁸ А. А. Арутинов. К антропологии кавказского племени удин, «Труды антропологического отдела общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. XVIII, М., 1897.

⁹ См. данные по краниологии армян в статье М. Г. Абдушелишвили. Материалы к краниологии Кавказа. «Труды института экспериментальной морфологии АН Груз. ССР», т. V, Тбилиси, 1955.

ский тип аварцев отличается исключительно сильной выраженностью тех особенностей, которые характерны для представителей европеоидной расы. Но в отличие от аварцев удины сближаются не с круглоголовыми и широколицыми, а с длинноголовыми и узколицими вариантами европеоидной расы.

В какой же мере результаты рассмотрения краниологического типа аварцев и удин совпадают с данными, полученными при изучении современного населения? Антропологический тип аварцев был обстоятельно исследован М. С. Акимовой, М. А. Булатовой¹⁰ и Г. Ф. Дебецом¹¹. Полученные ими результаты совпадают. На основании их работ аварцев можно охарактеризовать как сравнительно высоко-рослую и круглоголовую группу с сильно выраженным комплексом признаков европеоидной расы и большими размерами лица. После того, как грузинскими исследователями был изучен антропологический тип народов центральных предгорий Кавказского хребта, стало ясно, что характерный для аварцев комплекс признаков имеет широкое распространение по всему Центральному Кавказу¹². В антропологической литературе он получил наименование «кавказского». Краниологические особенности кавказского типа известны много меньше, чем его отличительные признаки в современном населении. Все же на основании отличительной для аварской краниологической серии комбинации сильной выраженности европеоидных особенностей с широким лицом и круглой формой черепной коробки можно с достаточной определенностью утверждать, что комплекс признаков кавказского типа проявляется в краниологическом типе аварцев. Таким образом, наличие согласованности выводов, которые могут быть сделаны на основании рассмотрения краниологических и соматологических данных.

До революции полное антропологическое обследование удин было произведено А. А. Арутиновым¹³. Они оказались круглого-

ловыми. На этом основании А. А. Арутинов считал даже, что черепа, добытые при раскопках кладбища в селении Варташен и характеризующиеся удлинённой формой черепной коробки, не могли принадлежать удинам. Однако, тот факт, что на кладбище хоронили непосредственных предков современных жителей селения Варташен, подтверждается устной традицией, бытующей среди современных жителей этого селения. Таким образом, нет оснований сомневаться, как это делал А. А. Арутинов, в принадлежности кладбища селения Варташен, а, следовательно, и изученных нами черепов ближайшим предкам удин. Но, с другой стороны, круглоголовость современных удин получила подтверждение после того, как антропологический тип их был изучен повторно в 1951 году М. Г. Абдушелишвили¹⁴. Повидимому, в данном случае можно говорить о быстрой перестройке формы черепной коробки под влиянием процесса так называемой «брахикефализации», то есть расширения черепной коробки, происходящем под воздействием пока неизвестных факторов. Это явление имеет едва ли не повсеместное распространение на территории Советского Союза и происходит часто на протяжении двух-трех веков¹⁵. Было отмечено оно и на Кавказе¹⁶. Следовательно, разная форма черепной коробки у современных удин и исследованных нами удинских черепов не может рассматриваться как результат несогласованности краниологических и соматологических данных. Просто, те и другие дают представление о населении одного района в разные периоды, и хотя различие между этими периодами не превышает нескольких столетий, антропологический тип населения успел измениться. Однако, это изменение касается только формы черепной коробки и не распространяется на другие признаки. В частности, несомненно отмеченная выше принадлежность удин к узколицим вариантам европеоидной расы, так как она выявляется и по соматологическим данным. Что же касается брахикефалии, то она, повидимому, представляет собою позднее явление в физическом типе удин, и поэтому пользо-

¹⁰ М. С. Акимова, М. А. Булатова. К антропологии аварцев. «Краткие сообщения ин-та этнографии АН СССР», вып. III, 1947.

¹¹ Г. Ф. Дебец. Антропологические исследования в Дагестане.

¹² А. Н. Натишвили, М. Г. Абдушелишвили. Предварительные данные об антропологических исследованиях грузинского народа. «Кр. сообщения ин-та этнографии АН СССР», вып. XXII, 1955.

¹³ А. А. Арутинов. К антропологии кавказского племени удин. Он же. Удины (материалы для антропологии Кавказа). «Труды антропологического отдела об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. X^{III}, М., 1905.

¹⁴ М. Г. Абдушелишвили. К вопросу антропологии удинов. «Сообщения АН Грузинской ССР», т. XVII, № 5, Тбилиси, 1956.

¹⁵ См. об этом. Г. Ф. Дебец. О направлении изменений в строении черепа современного вида. «Сов. этнография», 1961, № 2.

¹⁶ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, стр. 278—282. В. В. Бунак, Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении, Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. XIV, М.—Л., 1953.

ваться этим признаком для установления их родства с другими этническими группами следует с большой осторожностью.

Аналогии обоим типам в палеоантропологическом материале могут быть найдены на самой территории Дагестана. В эпоху средневековья широколицый круглоголовый тип был представлен в могильниках Гоцатля и Миатлинском¹⁷, узколиций и длинноголовый — в могильниках Агачкалинском и Дегва¹⁸. Несмотря на разницу в черепном указателе, можно предполагать вслед за Н. Н. Миклашевской, что первый из этих типов восходит к населению скифской и сарматской эпохи, представленному находками черепов в Ачикулакском и Карабудахкентском могильниках¹⁹. Узколиций и длинноголовый тип удинских черепов обнаруживает большое сходство с краниологическим вариантом, зафиксированном в могильниках бронзовой эпохи Манас²⁰ и Гинчи²¹. Однако, это обстоятельство не означает, что этот тип может считаться более древним на территории Дагестана, чем тип, характерный для аварской краниологической серии. Но для определения их истинного возраста следует выйти за пределы территории Дагестана.

Обширные материалы по палеоантропологии Северного Кавказа и Закавказья суммированы в обводных работах Г. Ф. Дебеца²², В. В. Бунака²³, М. Г. Абдушелишвили²⁴ и Р. М. Касимовой²⁵. Эти материалы показывают, что широколицый тип в своем длинноловом варианте не менее древен на террито-

рии Кавказа, чем узколиций. Правда, разница в величине черепного указателя у массивных широколицых европеоидов эпохи бронзы, с одной стороны, и современных представителей кавкасионского типа, с другой, довольно значительна. Но мы уже отмечали возможность быстрого изменения черепного указателя, поэтому этой разнице не следует придавать существенного значения. У представителей кавкасионского типа брахикrania также, по видимому, является вторичным образованием, как и круглая форма черепной коробки у узколиций европеоидов. Различия в ширине лица между исследованными нами группами гораздо более важны и отражают имеющую древнее происхождение дифференциацию населения Кавказа на две обширные группы типов внутри европеоидной расы. Все эти типы восходят корнями своего формирования по меньшей мере к населению эпохи бронзы, а может быть и к населению более раннего времени. Таким образом, краниологические материалы позволяют утверждать, что непосредственная преемственность объединяет изученные нами народы — аварцев и удин, с древним населением Северного Кавказа и, в частности Дагестана, а также поставить вопрос об их местном северокавказском происхождении. Детализация этого общего вывода и более тщательное сравнение аварцев и удин с окружающими народами на краниологическом материале наподобие того, которое было произведено с помощью соматологических данных, невозможны, так как изучение последнего, как уже отмечалось в начале статьи, находится в зачаточном состоянии. Накопление краниологических материалов по народам Дагестана — одна из первоочередных задач антропологии Северного Кавказа.

¹⁷ Н. Н. Миклашевская. Антропологический состав населения Дагестана в алано-хазарское время.

¹⁸ В. В. Бунак, Черепки из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении.

¹⁹ Н. Н. Миклашевская. Новые палеоантропологические материалы с территории Дагестана, стр. 189, 194.

²⁰ Н. Н. Миклашевская. Новые палеоантропологические материалы с территории Дагестана, стр. 189, 194.

²¹ Неопубликованные материалы А. Г. Гаджиева, любезно предоставленные автору для ознакомления. Пользуясь случаем приношу А. Г. Гаджиеву глубокую благодарность.

²² Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР.

²³ В. В. Бунак. Черепки из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении.

²⁴ М. Г. Абдушелишвили. К палеоантропологии Самтаврского могильника. Тбилиси, 1954. Он же. Палеоантропологический материал из поздних погребений Самтаврского могильника. Труды ин-та экспериментальной морфологии АН Груз. ССР, т. VIII, Тбилиси, 1960.

²⁵ Р. М. Касимова. Антропологическое изучение черепов из Мингечаура (в связи с изучением этногенеза азербайджанского народа). Баку, 1960.

А. Г. ГАДЖИЕВ

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ПО КРАНИОЛОГИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

Данные по краниологии Северо-Восточного Кавказа имеют чрезвычайно большой интерес. Это объясняется не только тем, что эта территория находится на стыке северокавказских и закавказских культур, но и сравнительно слабой археологической изученностью края, слабой разработанностью вопросов его истории. Имеющийся в нашем распоряжении краниологический материал происходит с территории Чечено-Ингушетии, т. е. с той территории Северо-Восточного Кавказа, которая наиболее слабо изучена. Имеющиеся до сих пор палеоантропологические данные по Чечено-Ингушетии ограничивались периодом позднего средневековья¹ и конца эпохи железа². Эпоха бронзы была представлена всего лишь одним черепом из Хорочоя³.

Развернувшиеся за последние годы работы доставляют очень большой археологический материал и, к сожалению, незначительный краниологический.

Так, небольшой краниологический материал получен в результате раскопок, проведенных археологическими отрядами северокавказской археологической экспедиции под руководством Р. М. Мунчаева и В. И. Марковина в 1959—60 гг. Он происходит из разных могильников и хронологически неоднороден. Сохранность материала, в целом, удовлетворительная.

Наибольший интерес представляют черепа из могильника Гатынкала, который датируется II тысячелетием до н. э.⁴ В нашем распо-

ряжении имеются три черепа хорошей сохранности. Данные измерений очень однородны, что и сделало возможным вычисление общей средней. Черепа сравнительно грацильные, особенно если учесть, что черепа эпохи бронзы вообще массивны. Продольный и поперечный диаметры черепной коробки сравнительно небольшие, черепной указатель средних величин, черепная коробка средневысокая. Лицевая часть черепа средней высоты, орбиты невысокие.

Как уже упомянуто, с территории Чечено-Ингушетии за исключением черепа из Хорочоя до сих пор не известен антропологический материал эпохи бронзы. Поэтому для сравнения приходится искать материал в основном за пределами этой территории. Могильник Гатынкала В. И. Марковин характеризует как важный памятник эпохи бронзы всего Северного Кавказа, сочетающий черты северокавказской культуры эпохи бронзы с чертами древней дагестанской культуры, представленными в Дагестане такими памятниками, как могильник Карабудахкентский II, Гоно, Гинчи и др. Это позволяет считать могильник Гатынкала характерным для зоны взаимосвязей и контактов древних племен Северного Кавказа и Дагестана⁵.

Это своеобразное положение могильника Гатынкала заставляет нас искать параллели и в палеоантропологическом отношении к югу и к северу от территории Чечни. Поэтому данные по Гатынкала сравнены с краниологическими сериями из Гинчи (Дагестан)⁶, Самтавро I (Грузия)⁷, Мингечаур (I пе-

¹ В. В. Бунак. Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении. МАЭ, т. XIV, М.—Л., 1953

² Н. Н. Миклашевская. Некоторые данные по палеоантропологии Дагестана, МАД, т. I, Махачкала, 1959.

³ В. В. Бунак. Указ соч.

⁴ В. И. Марковин. Археологические работы в Аргунском ущелье, КСИА АН СССР, вып. 84, 1960.

⁵ В. И. Марковин. Указ. соч.

⁶ А. Г. Гаджиев. Данные по палеоантропологии Дагестана. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, т. X, 1962.

⁷ М. Г. Абдушелишвили. К палеоантропологии Самтаврского могильника. Тбилиси, 1954.

риод)⁸, Севан⁹ и серией черепов из Заволжья¹⁰, которая по своему антропологическому типу определенно отличается от южных серий. Если южные серии являются все без исключения характерными для индо-средиземноморского расового типа (конечно, постольку, поскольку переносим на краниологический материал термин расовой классификации современного населения), то серия из Заволжья все еще сохраняет черты протоевропеоидного типа (относительно низкое лицо, низкие орбиты, значительная скуловая ширина и общая массивность).

Сравнение с этими сериями показывает, что исследованные черепа, если исключить общую грацильность, ближе к волжской серии (по черепному, лицевому, орбитному, носовому указателю и т. д.), чем к южным сериям. Но по своей грацильности они ближе к южному типу. Учитывая это, мы можем высказать некоторые соображения относительно антропологического типа черепов из Гатынкала. Во-первых, можно допустить, что их антропологический тип представляет собой грацилизированный протоевропеоидный тип, во-вторых, что он представляет вариант южного типа, в-третьих, что это результат смещения, взаимовлияния южного и северного (протоевропеоидного) типов.

Трудно отдать предпочтение одной из этих трех гипотез при наличии данных только по трем черепам. Однако в пользу той или иной гипотезы можно привести некоторые соображения.

Как известно, племена северокавказской культуры во II т. до н. э. находились в довольно тесных взаимоотношениях с племенами северных степей и Закавказья. Возможно, что результатом этих этнических контактов и являются своеобразные особенности исследованных черепов. Но все же смещение между протоевропеоидным и южным типом дало бы промежуточные величины скулового диаметра, что на черепах из Гатынкала не прослеживается. На наш взгляд более предпочтительно считать, что гатынкалинские черепа являются либо резко выраженным локальным вариантом южного типа, либо результатом влияния типа носителей северокавказской,

майкопской культуры, где согласно Дебеду Г. Ф., определяется центр относительной брахикрании¹¹. Это тем более вероятно, что территория Чечено-Ингушетии является по всеобщему признанию контактной зоной между культурами как эпохи бронзы, так и более ранней эпохи энеолита, Северного Кавказа и Закавказья¹².

Череп из могильника Бети-Махк (I т. до н. э.) по своим основным данным очень сходен с черепами из Гатынкала. Конечно, нельзя говорить, опираясь на измерения одного черепа, о сохранении в течение тысячелетия на данной территории антропологического типа, но само наличие большого сходства между названными группами привлекает внимание и является очень интересным фактом.

Черепки из могильников близ с. Советское и с. Бамут, хронологически очень близкие, по измерительным данным обнаруживают некоторые различия между собой. Прежде всего обращает внимание различие в головном указателе и скуловом диаметре, а именно черепа из Бамута имеют значительные величины головного указателя и скулового диаметра. Величины этих данных у них достигают цифр, характерных для современного населения Чечено-Ингушетии. Эти различия указывают на возможно разную этническую принадлежность населения, оставившего эти могильники. Такой вывод вполне совпадает с характером культуры могильника Бамут, которая носит черты культуры адыгов. Однако можно выдвинуть и другое объяснение этих различий. Возможно, что они определяются хронологической разницей между могильниками. В таком случае, различия в головном разделе и скуловом диаметре можно объяснить как результат эпохальной изменчивости. Известно, что на территории Кавказа головной указатель резко увеличился за какие-нибудь 2—3 столетия. В свете этих данных, на наш взгляд, могильник около села Бамут должен был бы быть по времени более поздним, чем это диктуется археологическими данными.

При сопоставлении измерений черепов из могильников Советский и Бамут с некоторыми краниологическими сериями эпохи средневе-

¹¹ Г. Ф. Дебед. Палеоантропология СССР. М., 1948, стр. 107.

¹² В. И. Марковин. Указ. соч., М. Г. Гаджиев. Гинчинский могильник эпохи бронзы. «Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфиллиала АН СССР», т. X, Махачкала, 1962, Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. М., 1961, Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1961.

⁸ Р. М. Касимова. Антропологическое исследование черепов из Мингечаура. Баку, 1960.

⁹ В. В. Бунак. Черепа железного века из Севанского района Армении. РАЖ, № 17, 19—29.

¹⁰ Г. Ф. Дебед. Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры среднего Заволжья МИА, 42. М., 1954.

Таблица № 1

Индивидуальные измерения и средние V исследованных черепов

Продолжение I таблицы I

Место хранения и инвентарный номер	Возраст	Индивидуальные измерения и средние V исследованных черепов																											
		1. Продольный диаметр	8. Поперечный диаметр	17. Высотный диаметр от базона	20. Высотный диаметр от порионов	5. Длина основания черепа	9. Наименьшая ширина лба	10. Наибольшая ширина лба	11. Ушная ширина	12. Ширина затылка	32. Угол лба наклон-метопион	Угол лба глабелла-метопион	29. Лобная хорда	Высота изгиба лобной кости	Общий вид сверху	Надбровье (1—6 по Мартину)	Сосцевидный отросток (1—3)	8:1. Черепной указатель	17:1. Высотно-продольный указатель	17:8. Высотно-поперечный указатель	9:8. Лобно-поперечный указатель								
МАЭ, 5021—1	adultus	172	153	140	119	103	94	128	132	117	86	81	109,5	24,0	Pent.	3	3	89,0	81,4	91,5	61,4								
» , 5027—1	»	169	151	132	112	98	99	129	131	115	84	76	110,0	26,0	Sphaer.	3	2	89,3	78,1	87,4	65,6								
» , 5027—2	»	192	152	147	128	108	97	121	136	—	83	74	123,5	25,0	Ov.	5	3	79,2	76,6	96,7	63,8								
» , 5027—4	»	168	141	132	113	97	93	119	121	—	77	72	108,0	22,0	Sphen.	3	1	83,9	78,6	93,6	66,0								
» , 5027—5	»	176	146	128	—	98	94	121	—	—	—	—	110,5	23,5	»	2	2	83,0	72,7	87,7	64,4								
» , 5027—6	»	178	151	136	117	107	95	126	130	114	83	74	111,0	23,0	»	3	3	84,8	76,4	90,1	62,9								
» , 5027—7	»	183	135	139	117	103	96	113	119	105	86	78	111,5	24,0	El.	3	2	73,8	76,0	103,0	71,1								
» , 5027—8	»	180	142	136	116	102	97	115	126	—	84	77	115,0	23,5	Pent.	2	1	78,9	75,6	95,8	68,3								
» , 5027—9	»	182	154	138	125	99	97	124	133	116	88	84	115,0	24,0	»	2	2	84,6	75,8	89,6	63,0								
» , 5027—10	»	170	143	135	118	97	99	129	120	104	99!	93!	107,0	29,0	Sphaer.	3	2	84,1	79,4	94,4	69,2								
» , 5027—11	»	186	145	144	121	111	—	121	132	117	—	—	111,5	20,0	Ov.	4	3	78,0	77,4	99,3	—								
» , 5027—12	»	176	149	133	116	102	95	121	129	111	90	86	115,0	32,0?	Pent.	2	3	84,7	75,6	89,3	63,8								
Средняя	—	177,7	146,8	136,7	118,4	102,1	96,0	122,2	128,1	112,4	86,0	79,5	112,3	24,8	—	—	2,92	2,25	82,8	77,0	93,2	65,4							
МГУ, 3955	senilis	190	137	131	112	103	92	110	125	107	82	72	112,0	21,0	Ov.	5	3	72,1	69,0	95,6	67,2								
» , 3956	maturus	191	137	134	109	104	91	114	124	107	—	—	117,5	21,5	»	4	3	71,7	70,2	97,8	66,4								
» , 3957	senilis	186	135	125	109	93	94	113	114	105	77	69	115,0	26,0	»	3	1	72,6	67,2	92,6	69,6								
» , 3959	adultus	191	134	133	110	111	95	109	124	117	71	63	101,0	18,0	El.	3	3	70,2	69,6	99,3	70,9								
» , 3961	»	182	134	134	113	99	—	120!	115!	101	—	—	109,0	22,0	Ov.	2	3	73,6	73,6	100,0	—								
Средняя	—	188,0	135,4	131,4	110,6	102,0	93,0	113,2	120,4	107,4	76,7	68,0	110,9	21,7	—	3,40	2,60	72,0	69,9	97,1	68,5								
МГУ, 3958	senilis	182	132	131	112	104	95	113	118	109	—	—	117,0	28,0	El.	2	2	72,5	72,0	99,2	72,0								
» , 3960	adultus	173	131	125?	106	95	88	110	110?	—	82	78	106,5	23,5	Ov.	1	1	75,7	72,3?	95,4?	67,2								
» , 3964	»	178	126	—	—	—	93	—	—	—	—	—	—	—	»	2	—	70,8	—	—	73,8								
МАЭ, 4590—1	»	182	138	129	108	101	93	116	118	111	84	78	104,5	23,0	Pent.	3	1	75,8	70,9	93,5	67,4								
Средняя	—	178,8	131,8	128,3	108,7	100,0	92,2	113,0	115,3	110,0	83,0	78,0	109,3	24,8	—	2,00	1,33	73,7	71,7	96,0	70,1								

Место хранения и инвентарный номер	Возраст	Продолжение I таблицы I																											
		9:10. Лобный указатель	Указатель высоты изгиба лобной кости.	40. Длина основания лица	43. Верхняя ширина лица	45. Скуловая ширина	46. Средняя ширина лица	47. Полная высота лица	48. Верхняя высота лица	50. Межглазничная ширина	51. Ширина орбиты от максиллофронтале	51а. Ширина орбиты от докриона	52. Высота орбиты	54. Ширина носа	55. Высота носа	62. Длина нёба	63. Ширина нёба	43(1). Биорбитальная хорда	Высота назона над биорбитальной хордой	Зигомаксиллярная хорда	Высота субспинале над ней								
МАЭ, 5021—1	adultus	73,4	21,9	93	106	138	100	124	76	19,0	44,0	41,0	33,5	24	57	42	—	99,5	20,0	99,0	26,0								
» , 5027—1	»	76,7	23,6	94	108	134	96	122	71	17,0	44,0	40,5	33,0	25	51	—	44	100,0	19,0	95,5	24,0								
» , 5027—2	»	80,2	20,2	102	115	150	97	132	78	20,0	46,5	44,0	35,0	26	54	43	41	107,0	19,0	95,0	21,5								
» , 5027—4	»	78,1	20,4	93	104	129	84	—	74	18,0	41,0	37,5	36,0	19!	53	—	—	96,0	18,0	84,0	24,0								
» , 5027—5	»	77,7	21,3	94	102	128	86	—	61	19,0	40,0	38,0	32,5	25	45	—	40	93,5	18,5	86,0	23,5								
» , 5027—6	»	75,4	20,7	99	107	139	—	120	70	—	43,0 (np)	—	35,0 (np)	—	57	—	—	99,0	12,5	—	—								
» , 5027—7	»	85,0	21,5	98	105	129	84	—	69	21,5	43,0	39,0	33,0	24	50	46	38	99,5	22,5	81,5	21,0								
» , 5027—8	»	84,4	20,4	103	105	134	96	139	80	18,5	40,0	37,0	35,5	25	57	47	41	97,0	18,0	96,0	27,0								
» , 5027—9	»	78,2	20,9	95	105	134	102	118	73	19,0	42,5	40,0	36,0	24	51	—	40	97,0	20,5	101,5	22,0								
» , 5027—10	»	76,7	29,0	93	103	133	86	—	70	22,5	39,5	38,0	33,0	21	52	42	—	96,0	20,5	85,0	27,0								
» , 5027—11	»	—	17,9	102	—	140	—	113	68	—	44,5 (np)	41,0 (np)	33,0 (np)	—	52	42	—	—	—	—	—								
» , 5027—12	»	78,5	27,8?	90	100	135	89	—	75	17,0	41,5	39,0	35,0	21	59	—	41	94,5	20,5	90,5	27,0								
Средняя	—	78,6	22,1	96,3	105,5	135,3	92,0	124,0	72,1	19,1	42,5	39,5	34,2	23,4	53,2	44,0	40,9	98,1	19,0	91,4	24,3								
МГУ, 3955	senilis	83,6	18,8	100	108	134	96	—	64?	21,0	41,0	40,0	31,0	28	50	43	—	100,0	17,0	90,5	26,5								
» , 3956	maturus	79,8	18,3	—	105?	134	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—								
» , 3957	senilis	83,2	22,6	85	100	125	90	—	72	18,0	41,0	38,0	32,0	26	51	39	—	94,5	19,5	91,0	26,0								
» , 3959	adultus	87,2	17,8	106	107	130?	104	—	74	—	44,0	41,5	35,0	—	56	47	46	100,5	21,5	100,5	30,5								
» , 3961	»	—	20,2	—	—	127	—	—	—	21,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—								
Средняя	—	83,4	19,5	97,0	105,0	130,0	96,7	—	70,0	20,0	42,0	39,8	32,7	27,0	52,3	43,0	46,0	98,3	19,3	94,0	27,7								
МГУ, 3958	senilis	84,1	23,9	—	101	125	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	92,5	17,0	—	—								
» , 3960	adultus	80,0	22,1	91	95	116?	88	—	64	18,5	38,5	37,0	32,0	23	49	41	37	89,5	15,5	84,5	22,0								
» , 3964	»	—	—	—	102	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—								
МАЭ, 4590—1	»	80,2	22,0	93	98	123	89	—	67	15,5	40,5	—	32,5	20!	50	—	—	91,5	18,0	85,0	24,0								
Средняя	—	81,4	22,7	92,0	99,0	121,3	88,5	—	65,5	17,0	39,5	37,0	32,2	21,5	49,5	41,0	37,0	91,2	16,8	84,7	23,0								

Сравнительные данные о некоторых сериях черепов с территории Кавказа

Признаки	Происхождение исследованных черепов	Гатинкала (Чи АССР)	Гинчи (ДАССР)	Самтавро I (Гр. ССР)	Севан (Арм. ССР)	Заволжье (Юж. группа)	Советское (Чи АССР)	Бамут (Чи АССР)	Дубаюрт (Чи АССР)	Гизельск. ущелье (СО АССР)	Армхи (Ин-гужская)	Суажен. группа ГИАСР	Средневеков. погреб. (Дагестан.)	Дигорск. ущелье (СО АССР)
	Датировка	II т. до н. э.	Втор. пол. II т. до н. э.	XIII—IX вв. до н. э.	II—I т. до н. э.	II—I т. до н. э.	IV—VI вв. до н. э.	IV—VI вв.	IX—X вв.	XIII—XVIII вв.	XVI—XVIII вв.	XVIII—XIX вв.	XIV—XVII вв.	XVII—XVIII вв.
	Исследователь	Гаджиев	Гаджиев	Абдуше-лишвили	Бунак	Дебеч	Гаджиев	Гаджиев	Алексеев	Бунак	Бунак	Бунак	Бунак	Бесле-кочва
Продольный диаметр	180,7/3/ 136,7/3/	194,1/10/ 136,6/12/	190,4/14/ 139,6/14/	189,7/14/ 137,8/24/	191,0/11/ 141,4/10/	176/3/ 141,3/3/	174/4/ 144,5/4/	189,7/6/ 138,8/6/	180,8/42/ 141,9/42/	179,4/45/ 143,1/45/	176,6/10/ 149,1/45/	188,5/ 142,5	184,9/ 144,4	
Поперечный диаметр	135,0	140,0/3/	137,3/6/	131,7/24/	134,8/2/	134/2/	134/4/	138,1/6/	131,5/41/	130,5/45/	138,5/10/	140,0	133,1	
Высотный диаметр	75,7/3/	68,6	73,6/14/	72,8/24/	74,1/10/	80,5/3/	83/4/	73,2/6/	78,1/42/	79,9/45/	84,4/10/	75,1	78,2	
Черепной указатель	74,8	70,9/2/	71,2/6/	69,9/24/	73,8/2/	76,8/2/	76,7/4/	72,6/6/	72,9/42/	73,2/45/	78,6/10/	74,8	72,2	
Высота продольн. указат.	100,0	102,6/3/	100,5/6/	95,6/24/	95,7	94,1/2/	90,5/4/	99,0/6/	93,6/42/	92,0/45/	93,4/10/	98,4	92,2	
Высота поперечн. указат.	129/3/	133,6/3/	127,0/4/	130,4/16/	137,0/8/	131	134,7/4/	132,8/4/	131,7/42/	134,8/45/	136,6/10/	134,0	136,1	
Скуловая ширина	68/3/	73,8/8/	77,6/5/	70,3/20/	69,2/9/	67/3/	66/4/	70,8/4/	70,4/42/	68,8/45/	72,1/10/	72,0	74,4	
Высота лица	52,5/3/	56/5/	59,6/2/	55,5/13/	50,3	53,4	50,7/4/	53,4/4/	53,7/42/	51,1/45/	53,3/10/	54,1	54,2	
Лицевой указатель	48/2/	45,4/8/	42,0/4/	45,5/22/	46,5	51/3/	48,6/4/	47,0/4/	46,6/42/	48,2/45/	47,5/10/	45,1	47,7	
Носовой указатель	78,6/2/	85,4/7/	91,3/2/	82,5/23/	79,2/9/	76,8/2/	79,3/4/	76,7/4/	—	—	—	—	81,9	
Орбитный указатель	84/2/	88/6/	85,8/4/	—	85,0/6/	88	86,7/4/	91,0/4/	—	—	—	—	87,5	
Общий угол лица	29/2/	34,1/7/	33,0/4/	—	34,9/8/	32,5/2/	29/3/	31,0/2/	—	—	—	—	—	
Угол высг. п. к. л. проф.	27/3/	3,5/12/	2,0/27/	—	3,8	2,5/3/	3/4/	3,7/3/	—	—	—	—	—	
Надпереносье	2,3/3/	—	—	—	—	1,3/3/	2,2	—	—	—	—	—	—	
Сосцевидный отросток	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	

Индивидуальные измерения исследованных черепов

№№ пп	Происхождение исследованных черепов	Датировка	Пол	Возраст	1. Продольный диаметр	8. Поперечный диаметр	17. Высотн. диам. (ва-вч)	20. Высотн. диам. (ро-вч)	5. Длина основан. черепа	9. Наимен. шир. лба	10. Наибол. шир. лба	11. Биацикуляр. ширина	12. Шир. затылка	29. Лобная хорда	Высота изгиба л:к	32. Угол лба (п-пт)	Общий вид (погла verticalis)	Надбровье (1-6 по Маргину)	Сосцевидный отросток (1-3)	8:1. Черепной указатель	17:1. Высотн-прод. указат.	17:8. Высотн-поперечный указатель	9:8. Лобно-поперечный указатель	9:10. Лобный указатель	Указатель высоты изгиба л. к.	40. Длина основ. лица	43. Верхн. шир. лица	Угол лба (g!-пт.)	
1.	Гатын-кала, погреб. № 14	II т до н. э.	м.	—	180	135	—	118,2	—	92	116	117	108	110	21,0	86	Ov.	3	2	75,0	—	—	68,1	79,3	19,1	—	104	82	
2.	—»— —»—	—»—	»	»	180	140	—	117,1	—	95	115	124	—	113	20,0	73	Ov.	3	3	77,8	—	—	67,9	82,6	17,7	—	106	70	
3.	—»— —»— № 30	—»—	»	»	182	135	135	—	98	92	115	114	—	—	—	90	Ov.	2	2	74,2	74,8	100,0	68,1	80,0	—	98	—	87	
	Суммарно				181,0	137,0	135,0	—	96,0	93,0	115,	118,0	108,0	111,5	20,5	83		2,7	2,3						25,3	90	102	82	
4.	Бети-Махк, каменный склеп	Сер. I т. до н. э.	»	»	185	143	133	118,2	94	93	116	117	113	118,5	30,0	89	.	2	2	77,3	71,9	93,0	65,0	80,2	25,3	90	102	82	
5.	Итум-кала (хут. Гойчакала), скл. 2	XIV—XV вв.	м.	—	168	—	—	—	—	93	—	—	114	110	27,0	—		3	1	—	—	—	—	—	24,5	—	104	—	
6.	—»— —»—	—»—	»	»	169	—	—	—	—	98	—	—	—	107	25,0	—		1	2	—	—	—	—	—	23,4	—	—	—	
7.	С. Бамут, раск. 26/11	—»—	м.	»	168	130	132	114,1	95	89	113	123	108	110	23,5	81		2	2	77,4	78,6	101,5	68,5	78,7	21,4	95	72	73	
8.	—»— скл. № 24	—»—	»	»	171	149	129	107,1	100	97	120	134	110	107	25,4	87		3	1	87,1	75,4	86,6	65,1	80,7	23,7	91	105	79	
9.	—»— —»—	—»—	»	»	173	151	135	108,0	103	95	122	134	114	106	22,0	78		2	3	87,3	78,0	89,4	62,9	77,9	21,1	99	111	70	
10.	—»— кург. 12, погр. № 1	—»—	»	»	185	148	140	113,5	102	98	120	122	110	115	24,0	82		5	3	80,0	75,7	94,6	66,2	81,7	20,9	103	109	74	
11.	—»— » 10, » № 1	—»—	ж.	»	181	138	127	112,5	101	91	—	114	107	113	26,0	86		3	2	76,2	70,2	92,0	65,9	—	23,1	103	102	80	
12.	—»— грунт. мог., погр. № 4	XV—XVI вв.	м.	—	187	141	130	115,7	101	100	123	115	—	113	26,5	91		3	3	75,4	69,5	92,3	70,9	81,9	26,5	98	105	84	
	Бамут (суммарно)		»	»	174	145	134	114,1	100	95	119	128	111	109,5	23,7	82		3	2,2	83	76,7	90,5	65,7	79,8	21,6	97	99	74	
13.	С. Советское, пещера № 1	XIV—XVI вв.	м.	—	182	137	—	114,6	—	91	115	120	—	110	26,0	—	Ov.	3	1	75,3	—	—	66,4	79,2	23,6	—	105	—	
14.	—»— —»—	—»—	»	»	169	151	130	113,2	—	102	—	130	110	—	—	—		3	2	89,3	76,9	86,7	67,5	—	—	110	—	—	
15.	—»— —»—	—»—	»	»	180	136	138	118,0	105	98	120	123	106	118	25,0	84	Ov.	2	1	77,8	76,7	101,5	72,0	81,7	21,2	96	106	80	
16.	—»— —»—	—»—	ж.	»	162	133	—	—	—	94	115	—	—	104	24,0	—		1	1	82,1	—	84	70,7	81,7	23,1	—	64	—	
17.	—»— —»—	—»—	»	»	173	—	—	—	95	—	—	—	—	—	—	—	Ov.	2	2	—	—	—	—	—	—	97	—	—	
	Суммарно		м.	—	176	141/3/	134/2/	—	—	97/3/	—	—	—	—	—	84/1/		—	2,5/3/	1,3	80,5/3/	76,8/2/	94,1/2/	68,3/3/	80,5/2/	22,4/2/	96/1/	107/3/	80/1/
18.	Гатын-кала, Средневеков. мог. погр. № 4	XII в.	ж.	—	176	145	130	113,7	102	96	120	128	—	110	28,0	87		2	—	82,4	73,9	89,9	66,2	80,0	25,4	—	—	—	

№№ пп	Происхождение исследованных черепов	Датировка	Пол	Возраст	73. Угол профиля ср. части лица	74. Угол профиля альвеоляр. час. лица	75. Угол носов. костей к горизонт.	75(1). Угол носов. костей к лин. профиля	77. Назомалярный угол	Зигмаксиллярный угол	47:45. Общ. лицев. указатель	48:45. Верхне-лицевой указатель	48:17. Вертик. кранио-фациальный указатель	52:51. Орбитный указатель от mf. (лев.)	52:51 а. Орбитный указат. от da (лев.)	54:55. Носовой указатель	63:62. Небный указатель	DS:DC. Дакриальный указатель	SC:SS. Симогическ. указатель	40:5. Указатель выпячивания лица	Указат. высоты нзгнбск. кости (по Бу)	65. Бикондильярная ширина	66. Бигональная ширина	68. Длина нижн. челюсти от углов	68(1). Длина нижн. челюсти полная	70. Высота ветви нижн. челюсти	71. Наименьш. шир. ветви нижн. челюсти	79. Угол ветви нижн. челюсти	Угол выпячивания подбородка (inf — ро)		
																														1. Гатын-кала, погр. № 14	II т. до н. э.
2.	—»— —»—	»	»	»	—	—	55	28	—	—	56,4	—	80,9	82,9	—	—	61,5	62,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
3.	—»— —»— № 30	»	»	»	85	85	55	30	—	—	50	45,9	73,7	77,8	51	—	71	66,7	98,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
	Гатын-кала (суммарно)	»	»	»	85	85	55/2/	29/2/	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
4.	Бети-махк. камен. склеп.	I т. до н. э.	м.	»	89	89	59	30	—	—	—	52,5/3/	45,9	77,3	80,3	48/2/	—	66,2/2/	65,1	98,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
5.	Итум-кала (хут. Гойчакала), скл. № 2	XIV—XVI вв.	м.	»	—	—	—	43	—	—	—	—	—	88,1	92,5	—	—	41,2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
6.	—»— —»—	»	ж.	»	—	—	—	39	—	—	—	—	—	82,5	84,6	55,6	85,7	56,3	45,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
7.	С. Бамут, раск. № 26/11	»	м.	»	83	83	55	28	—	—	93	55,4	54,5	85,4	87,5	42,6	87	82,0	43,7	100,0	20,6	115	108	79	111	62	32	127	62	—	
8.	—»— склеп № 24	»	»	»	95	95	67	28	—	—	—	48,9	51,2	46,7	80,5	44,2	100	63,7	50,0	91,0	22,6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
9.	—»— —»—	»	»	»	86	81	53	32	—	—	78	43,3	45,2	77,3	81,9	52	97,8	55,5	41,2	96,1	14,9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
10.	—»— кург. мог., кург. № 12, п. № 1	»	»	»	83	86	—	—	—	—	93,9	56,8	53,6	69,8	71,4	55,8	84,3	72,5	59,3	101,0	20,4	120	103	82	128	69	30	136	48	—	
	—»— № 10, п. № 1	»	ж.	»	89	80	62	25	—	—	94,2	59,5	56,7	69,8	75,0	48,1	79,2	66,1	52,9	102,0	23,5	114	91	80	102	60	32	115	74	—	
12.	—»— грунт. пог. № 4	XV—XVI вв.	м.	»	92	82	53	37	—	—	—	55,1	53,8	78	82	50	88,8	62,9	76,9	97,0	25,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Бамут (суммарно)	»	»	»	87	86	59/3/	29/3/	—	—	88,3/3/	50,7/3/	51	77,3	79,3	48,6	89,5	66	44,4	95,7	23,4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
13.	С. Советское, пещера № 1	»	м.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	65,5 Пр	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
14.	—»— —»—	»	»	»	—	—	—	36	—	—	—	—	52,3	74,4	54	100	69	61,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
15.	—»— —»—	»	»	»	90	82	59	29	—	—	—	53,4	50,7	76,6	77,5	48,1	—	64,3	42,0	96,2	22,2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
16.	—»— —»—	»	ж.	»	—	—	—	21	—	—	—	—	—	84,6	86,8	51,1	100	44,3	26,7	—	23,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
17.	—»— —»—	»	»	»	—	—	—	29	—	—	—	—	—	73,8	75,6	—	—	51,9	45,4	—	23,2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Советское (суммарно)	»	м.	—	90	82	59	32,5/2/	—	—	—	53,4	51,5/2/	72,1/3/	76,8/2/	51/2/	100	66,6	51,7/2/	96,2	22,2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
18.	Гатын-кала средневек. мог., погреб. № 4	XVII в.	ж.	—	90	85	58	31	—	—	90,2	53,4	54,6	78,6	82,5	51	91,3	62	51,0	95,1	18,7	123	104	74	102	59	34	122	73	—	

№№ пп	Происхождение исследованных черепов	Датировка	Пол	Возраст	45. Скуловая ширина	46. Сред. шир. лица	47. Полн. выс. лица	48. Верх. выс. лица	50. Максиллофронт. хорда	51. Шир. орбиты . . от mt. (лев.)	51 а. Шир. орбиты . . от da (лев.)	52. Высота орбиты (лев.)	54. Ширина носа	55. Высота носа	Форма нижнего края грушевидн. отв.	Передне-носов. остъ (1—5 по Брока)	Глубина клыков. ямки (лев. в мм)	62. Длина неба . .	63. Ширина неба	43(1). Биорбит. хорда	Высота над биорбит. хорд.	Зигмаксиллярная хорда	Высота субспинале над загомож. хорд.	Дс. Дакриальная хорда	Дс. Дакриальная высота	Симотическ. хорда	Симотическ. высота	72. Угол профиля лица, общий	
1.	Гатын-кала, погреб. № 14	II т. до н. э.	м.	»	131	96	—	67	—	—	—	30	—	49	—	3 пр.	—	—	97,0	17,5	92,0	22,5	—	—	—	—	—	—	—
2.	—»— —»—	»	»	»	133	89	—	75	29,5	42	41	34	23	51	»	—	8,5	49	98,0	20,5	90,5	26	20,8	12,8	8,0	5	83	—	
3.	—»— —»— № 30	»	»	»	124	—	—	62	18,0	38 пр.	36 пр.	28 пр.	25	49	»	—	4,5	I	—	—	—	—	19,0	13,5	9,0	6	85	—	
	Гатын-кала (суммарно)																												
4.	Бети-махк, каменный склеп	I т. до н. э.	»	»	129	92,5	—	68	25,7	—	—	31	24	49,7	—	5,7	49	—	97,5/2/	19,0/2/	91,2	24,2	19,9	13,1	8,5	5,5	84	—	
5.	Итум-кале, (хут. Гойчакала) скл. № 2	XIV—XV вв.	»	»	123	94	—	64	19,5	38	37	29	23	44	»	4	—	40	92,0	18,0	94,5	21,0	21,0	12,1	9,0	4	89	—	
6.	—»— —»—	»	ж.	»	—	—	—	73	—	42	40	37	—	52	»	3	4	—	98,0	16,0	—	—	—	8,5	3,7	—	—	—	
7.	С. Бамут, раскоп 26/11	XIV—XVI вв.	м.	»	130	85	121	72	—	41	40	35	23	54	»	6	46	40	93,0	14,5	84,0	22,5	15,0	12,3	10,3	4,5	83	—	
8.	—»— склеп № 24	»	»	»	135	100	—	66	—	43	41	33	23	52	»	4,5	41	41	98,0	16,8	97,0	22,0	19,0	12,1	8,0	4	95	—	
9.	—»— —»—	»	»	»	141	107	110	61	21,5	44	41,5	34	26	50	»	4	46	45	105,0	16,2	101,0	25,0	22,5	12,0	8,5	3,5	85	—	
10.	—»— курган. мог., кург. № 12, погр. № 1	»	»	»	132	97	124	75	—	43	42	30	29	52	»	3	4	51	97,0	17,8	97,0	28,0	20,0	14,5	11,8	7,0	84	—	
11.	—»— кург. 10, погр. № 1	»	ж.	»	121	90	114	72	17,0	43	40	30	25	52	»	3	5	48	94,0	15,0	89,0	26,5	17,5	12,5	8,5	4,5	87	—	
12.	—»— кург. 10, погр. № 1	»	ж.	»	127	94	—	70	—	41	39	32	25	50	»	3	5	45	97,0	19,0	92,3	20,5	18,6	11,7	9,0	5	90	—	
13.	Бамут (суммарно)	XV—XVI вв.	м.	»	134,7	100	115/3/	66/4/	21,5	43	41	33	25	52,7	»	2,5	4,6	46	42,2	98,0	2,3	95,0	2,4	19,1	12,6	16,5	4,6	36,7	—
14.	С. Советское, пещера № 1	XIV—XVI вв.	м.	»	—	—	—	63	—	41 пр.	—	27 пр.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
15.	—»—	»	»	»	—	—	—	68	21,5	43	42	32	27	50	—	—	45	45	104,0	17,0	—	—	21,0	14,5	13,5	8,3	—	—	
16.	—»—	»	»	»	131	97	—	70	21,0	41	40	31	25	52	»	3	3,5	43	100,0	22,0	96,0	24,0	21,0	13,5	10,0	4,2	88	—	
17.	—»—	»	ж.	»	—	90	—	64	—	39	38	33	23	45	»	4,5	38	38	96,0	20,4	88,0	20,0	21,0	9,3	9,0	2,4	—	—	
18.	Советское (суммарно)	»	м.	»	—	—	—	68	21,0	42	41	31	—	—	»	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	
19.	Гатын-кала, ср. век. мог. погр. 4	XVII в.	ж.	»	131	97	—	67/3/	21,2/2/	41,7	41,2	30	26/2/	51/2/	—	2,5/2/	3,5	45	44/2/	102,0/2/	19,5/2/	96,0	24,2	19,9	13,1	8,5	5,5	84	—
20.					133	—	120	71	23,0	42	40	33	26	51	—	3	4	46	42	97,0	17,5	—	—	22,5	14,0	10,2	5,2	89	—

ковья с территории Чечено-Ингушетии, Дагестана, Осетии наблюдается наличие большого сходства с более поздними по времени сериями. При этом отмечается большее сходство между черепами из с. Советское и Гизельское ущелье, с одной стороны, и между Бамутской и Ингушской серией из Армхи и Сунженскими черепами, с другой. Армхи и Сунженская серия имеют более позднюю датировку по сравнению с черепами из Гизельского ущелья. Это обстоятельство еще более склоняет к мысли о возможно более поздней датировке могильника Бамут.

Два черепа из Итумкала, один мужской и один женский, датируемые тем же временем, что и черепа из Бамута, очень плохой сохранности, вследствие чего невозможно было получить данные о столь важных для нас признаках, как скуловая ширина и головной указатель. Судя по сравнительно большим размерам поперечного диаметра черепной коробки, верхней ширины лица, ширины затылка, можно с некоторой вероятностью заключить, что лицевая часть не была узкой, а головной указатель, по-видимому, был близок к брахикрании. С большей уверенностью мы можем говорить о значительной круглолобости и широколицистости женского черепа из позднесредневекового могильника близ Гатынкала. Беря во внимание датировку могильника XVII веком, можно предполагать, что брахикранный и широколицистый этого черепа надо воспринять как характерные признаки той популяции, которая оставила могильник и свидетельствует наряду с материалом других средневековых могильников Чечни о происшедших в позднее средневековье сдвигах в антропологическом типе населения Северо-Восточного Кавказа.

Сравнивая черепа из Гатынкала, Бети-Махк со значительно более поздними черепами из с. Советское, Бамут мы можем отметить их некоторые общие особенности: большая брахикранный, по сравнению с более южными сериями черепов, относительно низкое лицо, низкие орбиты, большой носовой указатель. Несколько более высокий черепной указатель и более широкое лицо поздних черепов, по-видимому, являются результатом эпохальной изменчивости. Наличие сходства между хронологически удаленными друг от друга малочисленными сериями само по себе не явилось бы основанием для широкого вывода о прямой преемственности типа на территории Северо-Восточного Кавказа. Но преемственность культуры этой территории делает возможным постановку вопроса о преемственности антропологического типа населения Северо-Восточного Кавказа с эпохи бронзы до наших дней.

Одновременно нужно подчеркнуть весьма важную особенность — на территории Северо-Восточного Кавказа в эпоху бронзы обнаруживается своеобразный антропологический тип, не совсем идентичный с типами южного, индосредиземноморского кругов. Учитывая к тому же особенности археологической культуры Северо-Восточного Кавказа, Чечено-Ингушетии, отличающие ее от куроаракского мира, куда входит и соседний с территорией Чечни Дагестан, можно сделать вывод об особом, специфическом, сравнительно самостоятельном этно-культурном процессе, происходящем на названной территории, который явился в историческом развитии своеобразным буфером, предохранившим более южные области, в частности Дагестан, от резкого влияния северных культур.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЕРХНЕЧИРЮРТОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Строительство крупнейшей на Северном Кавказе Чир-Юртовской ГЭС в Северном Дагестане, на границе предгорья и степи, на р. Сулак, дало возможность расширить раскопки памятников в этом районе. Для антрополога особенно ценен один из этих памятников, а именно, могильник раннего средневековья близ Чир-Юрта Кизил-Юртовского района, поскольку при его раскопках был получен большой костный материал¹. При раскопках было вскрыта площадь в 3000 м². На ней обнаружено 150 могил с 208 погребениями. Преобладающим типом погребального обряда являлись катакомбы — камеры с боковыми коридорами и выходами на дневную поверхность. Подбойные и грунтовые могилы составляли незначительную часть. Вход в катакомбу закрывался каменными плитами или сырцово-кладкой и наглухо замуровывался². Встречались иногда групповые захоронения (до 9 человек), но чаще они были индивидуальными. Положение костяков, как правило, вытянутое на спине с положенными вдоль туловища руками. Ориентировка не постоянна.

Погребальный инвентарь разнообразен. Он представлен глиняной и деревянной посудой; большим числом украшений — бронзовыми подвесками, серьгами, шейными гривнами, фибулами, браслетами, перстнями, множест-

вом сердоликовых, хрустальных, янтарных, стеклянных бус, золотыми монетами, используемыми в качестве подвесок, бронзовыми и железными поясными пряжками, бляшками от поясных наборов; предметами туалета — бронзовыми зеркалами и пинцетами; вооружением — копьями со втульчатými железными наконечниками. Найдены также остатки одежды и головных уборов из шелка, железные удила, стремена, ножи.

На основании материальной культуры могильник датируется V—VII вв. н. э., т. е. дохазарским и раннехазарским временем (И. П. Костюченко, В. И. Канивец).

В. И. Канивец считает, что найденные в могильнике монеты византийского облика при полном отсутствии иранских монет указывают на северокавказское направление политических связей местного населения в это время.

Хорошую сохранность из всего костного материала имеют 29 черепов, из них 15 мужских, 12 женских и 2 детских. Всего лишь в 10 случаях у черепов нет искусственной деформации (4 мужских, 4 женских и 2 детских).

Возраст умерших равен в среднем 35—40 годам. Почти полное отсутствие детских черепов объясняется, вероятно, трудностью взятия их в полевых условиях. Поэтому более полные данные еще понизили бы, а не повысили среднюю величину возраста.

Морфологическую характеристику серии в основном следует давать на основании недеформированных черепов, поскольку деформация сильно изменяет форму черепа. (См. таблицу 1).

Недеформированные черепа имеют средние или небольшие величины основных диаметров мозгового отдела, брахикранию, хорошее развитие рельефа. Лицо у них средне широкое и средне высокое, в профиль ортогнатное.

¹ Раскопки могильника велись Институтом истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР в 1956—57 гг. (нач. экспедиции В. И. Канивец). В наше распоряжение поступил материал раскопок 1956 г., руководство которыми осуществлял сотрудник ИИЯЛ Даг. ФАН СССР И. П. Костюченко.

² Кроме сведений, присланных И. П. Костюченко в Институт антропологии МГУ, были использованы данные статьи: В. И. Канивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 году. «Ученые записки Института истории, языка и литературы Даг. ФАН СССР», т. III, М-кала, 1957, стр. 157—167.

Размеры черепов из Верхнечирюртовского могильника Дагестанской АССР
Раскопки И. П. Костюченко, 1956 г.

Номер погребения	Инвентарный номер музея антропологии	Пол	Возраст	1. Продольный диаметр	2. Продольный диаметр	8. Поперечный диаметр	17. Высотный диаметр базион-брегма	Наибольшая высота черепа базион-антибазион	5. Длина основания черепа	20. Высотный диаметр порион-брегма	9. Наименьшая ширина на лба	11. Ушная ширина	12. Ширина затылка	7. Длина заглавного отверстия	
31	10524	М	35—45	181	179	143	141	142	104	—	—	122	—	—	36
486	10533	М	40—50	168	165	136	137	137	99	118	92	112	123	110	—
92	10541	М	30—35	186	179	138	138	138	103	119	101	121	127	113	37
96в	10543	М	45—55	175	174	150	127	129	100	113	96	119	136	112	36
Число случаев (n)				4	4	4	4	4	4	3	3	4	3	3	3
Средняя арифметическая величина (μ)				177,5	174,2	141,7	135,8	136,5	101,5	116,7	96,3	118,5	128,7	111,7	36,3
40	10530	Ж	30—35	167	165	132	124	130	94	106	90	110	119	105	36
62	10536	Ж	30—40	172	173	146	121	126	91	104	85	—	130	105	33
79	10540	Ж	30—35	177	177	135	126	128	95	104	86	108	123	104	35
Число случаев (n)				3	3	3	3	3	1	3	3	2	3	3	3
Средняя арифметическая величина (μ)				172,0	171,7	137,7	123,7	128,0	93,4	104,7	87,0	109,0	124,0	104,6	34,6
33а	10527	М	30—40	175	172	143	144	147	102	122	98	120	129	111	37
34	10526	М	40—50	170	163	142	135	139	100	119	93	117	126	104	36
37а	10528	М	50—60	171	170	150	144	143	101	120	97	125	134	111	37
39	10529	М	20—30	171	168	149	137	137	98	119	94	120	132	105	37
48а	10532	М	45—55	159	158	137	134	139	93	115	89	110	126	113	32
74	10538	М	20—30	168	168	143	141	141	99	122	95	124	126	112	—
77	10539	М	40—50	—	—	—	—	—	—	—	91	114	—	—	—
96а	10542	М	30—40	160	155	135	147	149	97	123	90	109	123	99	33
104	10545	М	35—40	167	161	143	136	143	97	116	90	117	134	107	39
717	10547	М	18—22	161	157	132	133	136	98	115	96	114	123	95	33
32	10525	Ж	55—65	167	159	134	135	144	96	119	98	112	117	107	33
55	10534	Ж	30—40	167?	—	138	130	—	100	112	94	116	124	116	—
61	10535	Ж	35—45	168	157	133	139	144	96	115	91	109	116	102	37
103	10544	Ж	40—50	186	174	122	122	124	99	107	90	109	111	105	36
119а	10551	Ж	50—60	159	157	134	138	143	95	122	92	—	119	106	33
119б	10548	Ж	18—20	158	154	132	138	142	92	122	91	116	117	104	33
140б	10550	Ж	18—22	173	161	123?	—	—	—	—	91	104	—	—	—

Горизонтальная профилировка выражена сильно.

Размеры глазниц и их указатель показывают резкие половые различия: у женщин и относительная и абсолютная высота глазниц заметно выше. Нос не широкий, сильно выступающий. Переносье также выступает сильно.

В целом для серии характерны черты европеоидной расы. Можно отметить, однако, наличие в ней небольшой монголоидной примеси. Так очень слабая горизонтальная профилировка сочетается со слабо выступающим носом у погребенных из могил 62 и 67, причем у последнего слабо выражена и клыковая ямка.

Различий в антропологических типах у погребенных в катакомбах и подбоях не выявилось. Кроме того, и искусственная деформация представлена у тех и других.

У большинства деформированных черепов наблюдается кольцевой тип деформации.

В этом случае череп имеет уплощенный лоб и затылок. Такое уплощение получается, по-видимому, при помощи специальной повязки. Оно отмечается на черепах из погребений 28а, 33а, 48а, 61, 77, 104, 140б. Иногда накладывалась также вторая повязка. Она проходила вдоль венечного шва и через подбородок. Ее следы вместе с первой наблюдаются на черепах из погребений 32, 34, 55, 96а, 117. Несколько черепов имеют другой тип деформации, затылочный, возникающий чаще всего в результате длительного лежания ребенка на спине. В этом случае уплощалась затылочная область при отсутствии изменений в строении лба. Такой тип деформации наблюдается на черепах из погребений 37а, 39, 74, 119а, 119б. Степень выраженности деформации различна. Использовать какие-либо указатели для ее определения оказалось трудно потому, что черепа испытали влияние чаще не одной, а двух деформирующих повязок. О степени деформации пришлось судить лишь на основании визуального впечатления. (Таблица 2).

Таблица 2

Степени искусственной деформации черепов

№№ пп	Номер погребения	Пол	Деформация		
			кольцевая		при повязке темя-
			при лобно-затылочной повязке	подбородок затылочная	
1	28а	Ж	слабая	—	—
2	32	Ж	средняя	слабая	—
3	33а	М	слабая	—	—
4	34	М	средняя	слабая	—
5	37а	М	—	—	сильная
6	39	М	—	—	слабая
7	48а	М	сильная	—	—
8	55	Ж	средняя	слабая	—
9	61	Ж	слабая	—	—
10	74	М	—	—	слабая
11	77	М	слабая	сомнительная	—
12	96а	М	сильная	слабая	—
13	104	М	средняя	—	—
14	117	М	слабая	слабая	—
15	119а	Ж	—	—	средняя
16	119б	Ж	—	—	средняя
17	140б	Ж	сильная	—	—

Примечание. Череп 103 очень сильно сжат с боков. Не ясно, произошли ли эти изменения при жизни или посмертно.

Специальное исследование, посвященное проблеме восстановления «истинных» размеров деформированных черепов было опубликовано Шапиро³. Он исходил из предположения, что длина основания черепа не изменяется под влиянием деформации и, что укорочение продольного диаметре вызывает компенсаторное увеличение либо поперечного и высотного диаметров, либо одного из этих размеров.

Формулы Шапиро, составленные на основании изучения корреляции диаметров мозговой коробки на большом числе недеформированных серий черепов, могут быть представлены в виде следующих уравнений:

$$Lc = Ln + 1,49 (Nd - Nn)$$

$$Vc = Vn + 0,99 \left[\frac{33,333 (Ld + Bd + Hd)}{Lc} - \frac{33,333 (Ln + Vn + Hn)}{Ln} \right]$$

$$Hc = Vc \left[\frac{100 Hn}{Vn} - 0,80 (Vc - Vn) \right]$$

где

Lc, Vc, Hc — коррелированные величины продольного, поперечного и высотного диаметров.

Ld, Bd, Hd — величины тех же диаметров деформированных черепов.

Ln, Vn, Hn — величины тех же диаметров нормальных (недеформированных) черепов.

Nn, Nd — величины длины основания нормальных и деформированных черепов.

В тех случаях, когда отсутствуют данные о величинах нормальных черепов Шапиро предлагает пользоваться средними величинами, найденными им для всего человечества:

$$Ln = 181,85 \text{ мм};$$

$$Vd = 139,87 \text{ мм};$$

$$Hn = 135,12 \text{ мм};$$

$$Nn = 101,06 \text{ мм}.$$

Однако отношение между продольным диаметром и длиной основания черепа само по себе является расовым и филогенетическим признаком. Поэтому лучше, по-видимому, пользоваться средними величинами какой-либо подходящей серии. Критическому рас-

³ H. G. Shapiro. A correction for artificial deformation of skulls. *Anthr papers of the Amer. Mus of Nat. Hist.* 1. 1928, XXX.

смотрению этого приема посвящена работа Г. Ф. Дебеца⁴.

В Верхнечирюртовском могильнике есть недеформированные черепа. Но количество их слишком мало. Поэтому в качестве основы для вычислений коррелированных величин можно взять средние величины мужских недеформированных черепов не только из Верхнечирюртовского могильника, но также близкие к ним из могильников Северной Осетии — Змейской⁵ (по данным автора и К. Х. Беслекоевой) и Херхского⁶ (по данным Г. Ф. Дебеца). Полученные величины равны:

продольный диаметр 179,7 мм,

поперечный диаметр 144,9 мм,

высотный диаметр 136,2 мм,

длина основания черепа 101,5 мм.

При помощи приведенных выше уравнений получены следующие коррелированные значения для серии мужских деформированных черепов Верхнечирюртовского могильника:

продольный диаметр 174,9 мм,

поперечный диаметр 144,7 мм,

высотный диаметр 136,2 мм.

Если взять за основу четыре недеформированных черепа Верхнечирюртовского могильника, то получим, конечно, несколько иные значения:

продольный диаметр 172,7 мм,

поперечный диаметр 142,6 мм,

высотный диаметр 135,6 мм.

Суммировав коррелированные данные по деформированным черепа с данными по недеформированным получаем:

а) при вычислении коррекции на основе суммарных величин (Верхний Чирюрт, Змейская, Херх):

продольный диаметр 175,7 мм,

поперечный диаметр 143,8 мм,

высотный диаметр 136,1 мм,

длина основания черепа 99,3 мм;

б) при вычислении коррекции на основе данных о недеформированных черепах Верхнечирюртовского могильника:

продольный диаметр 174,2 мм,

поперечный диаметр 142,3 мм,

высотный диаметр 135,7 мм,

длина основания черепа 99,3 мм.

⁴ Г. Ф. Дебец. К вопросу о влиянии искусственной деформации на головной указатель. Краткие сообщения ИИМК, вып. XIV, 1947.

⁵ К. Х. Беслекоева. Краниология осетин и происхождение осетинского народа. «Известия Североосетинского научно-исследовательского института», т. 19. Орджоникидзе, 1957, стр. 1—7.

⁶ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая». Новая серия, т. IV, М.—Л., 1948, стр. 273.

В обоих случаях верхнечирюртовская серия в целом характеризуется брахикранией (черепной указатель меньше 82), при малой величине продольного диаметра, средней величине поперечного и высотного. Подкрепляется, таким образом, сделанная выше на основании недеформированных черепов характеристика серии.

Была сделана также попытка коррелировать с помощью уравнения регрессии поперечный диаметр деформированной части серии по ушной ширине, исходя из предположения об отсутствии влияния искусственной деформации на величину ширины основания черепа

(биаурикулярной ширине) и учитывая большую связь между поперечным диаметром и шириной основания (см. таблицы 3 и 4).

Величина коэффициента корреляции для мужской группы между поперечным диаметром и ушной шириной ($r=0,1702$) вычислялась при помощи критерия Фишера Z^7 . Коэффициенты корреляции отдельных этнических групп рассматривались при этом как коэффициенты корреляции выборок из нормальной совокупности. Величины этих коэффициентов приводятся ниже (см. таблицу 4).

Таблица 3

Степень деформации и величина биаурикулярного диаметра у мужских черепов

Г р у п п а	Тип деформации	Степень деформации	Число случаев	Биаурикулярный диаметр (№ 11 по Мартину)
Узбеки (По Жирову, 1941)	Затылочная деформация	0—1	7	131,57
		2	14	129,71
		3—4	16	131,00
Русские современные (по Жирову, 1941)	Затылочная деформация	0—1	34	126,71
		2	33	127,06
		3—4	15	124,60
Азербайджан. Мингечаур VI период (I—VII вв. н. э.) (по Касимовой, 1955).	Кольцевая (лобно-затылочная) деформация	отсутствует	26	122,30
		слабая	10	123,00
		средняя и сильная	19	120,70

Таблица 4

Этническая группа	n	$r \pm m (r)$
Буряты (Н. Н. Мамонова)	147	$4,734 \pm 0,038$
Ханты (М. Г. Левин)	99	$0,680 \pm 0,054$
Осетины (В. В. Бунак)	245	$0,652 \pm 0,037$
Лопари (К. Е. Шрейнер)	176	$0,685 \pm 0,040$
Селькупы (Н. С. Розов)	38	$0,736 \pm 0,032$
Чулымцы (Н. С. Розов)	44	$0,691 \pm 0,079$
Чуваши (М. С. Акимова)	73	$0,653 \pm 0,067$
Эскимосы (Г. Ф. Дебец)	112	$0,761 \pm 0,040$

Полученная величина поперечного диаметра деформированной части серии оказалась равной 141,3 мм, а всей серии с учетом недеформированной ее части — 141,5 мм. В этом случае величина черепного указателя равна 81,1 (при привлечении черепов из Херха и Змейска — 80,4). Она также указывает на брахикранию.

⁷ В. И. Романовский. Применение математической статистики в опытно-деловом деле, 1947, стр. 189 и 347.

Палеоантропологический материал на территории Дагестана

Датировка	Место раскопок могильника	Что найдено	Исследователь	Антропологическая характеристика
II тыс. до н. э.	Кахибский район, урочище Гинчи . (М. И. Пикуль, 1955—56)	Два женских черепа фрагм. сохранности	Н. Н. Миклашевская, 1960	Долихокраничные узколицие черепа
II тыс. до н. э. (первая половина)	Махачкалинский район, Манас , урочище Каркома-хола. (К. Ф. Смирнов, 1950)	Женский череп фрагм. сохранности	Н. Н. Миклашевская, 1959	Мозговой отдел черепа имеет искусственную деформацию. Лицо средневысокое и среднеширокое
II тыс. до н. э. (первая половина)	Дербентский район, Джеми-Кент . (А. П. Круглов, 1939)	Три черепа	В. В. Бунак, 1953	Долихокраничные, узколицие, узконосые черепа
I—III вв. н. э.	Карабудахкентский район, Карабудахкент . (К. Ф. Смирнов, 1950—51)	Пять мужских черепов (четыре из них неполные своды) и два женских (один плохой сохранности)	Н. Н. Миклашевская, 1959	Мужской массивный долихокраничный череп с широким низким лицом и женский мезокраничный со среднешироким лицом.
I—III вв. н. э.	Каякентский район, хутор Мамай-Кутан . (М. И. Пикуль, 1953)	Мужской череп	Н. Н. Миклашевская, 1959	Брахикраничный со среднешироким лицом
I—III вв. н. э.	Махачкалинский район, с. Тарки . (К. Ф. Смирнов, 1950)	Женский череп плохой сохранности	Н. Н. Миклашевская, 1960	Мезокраничный крупный череп
I—III вв. н. э.	Гумбетовский район, Пиру . (М. И. Пикуль, 1956)	Мужской череп	Н. Н. Миклашевская, 1960	Долихокраничный узколициый череп
I—III вв. н. э.	Новолакский район, Новолакское. (М. И. Пикуль, 1953)	Мужской череп	Н. Н. Миклашевская, 1959	Долихокраничный узколициый череп
Конец IV—V вв. н. э.	Махачкалинский район, станция Манас , урочище Каркома-хола. (К. Ф. Смирнов, 1950)	Мужской череп	Н. Н. Миклашевская, 1959	Череп с европеоидными чертами
VI—VIII вв. н. э.	Гумбетовский район, Цилитль . (М. И. Пикуль, 1955—56)	Мужской череп плохой сохранности	Н. Н. Миклашевская, 1960	Долихокраничный череп
IX—X вв. н. э.	Сергокалинский район, Дегва . (К. Ф. Смирнов, 1951)	14 мужских и 5 женских черепов разной сохранности	В. В. Бунак, 1953 Н. Н. Миклашевская, 1959	Долихокраничные узколицие черепа

Датировка	Место раскопок могильника	Что найдено	Исследователь	Антропологическая характеристика
IX—X вв. н. э.	Буйнакский район, Агач-Кала . (К. Ф. Смирнов, 1950)	Три мужских черепа (два из них плохой сохранности) и два женских плохой сохранности	Н. Н. Миклашевская, 1959	Мезокранные черепа
VIII—X вв. н. э.	Гергебильский район, Гоцатль . (М. И. Пикуль, 1955—56)	Два мужских черепа	Н. Н. Миклашевская, 1959	Брахикранные черепа
XII—XIII вв. н. э.	Казбековский район, Миатли . (М. И. Пикуль, 1955—56)	3 мужских и 4 женских черепа средней сохранности	Н. Н. Миклашевская, 1960	Брахикранные черепа
XI—XII вв. н. э.	Кизилюртовский район, Чирюрт (Верхний Чирюртовский могильник). (И. П. Костюченко, 1956)	15 мужских и 12 женских черепов хорошей сохранности	Т. С. Кондукторова, 1960	Брахикранные черепа

Как известно, антропологи располагают ограниченными сведениями о территории Дагестана. В статье дается краткая сводка имеющегося материала. Он датируется в большинстве случаев довольно поздним временем. Большую его часть описала Н. Н. Миклашевская⁸ (см. таблицу 5).

Черепы II тысячелетия до н. э. — наиболее древние с территории Дагестана — характеризуются в основном долихокранией и узколицестью. (Гинчи, Джемикент, возможно Манас). Костные остатки I тысячелетия не найдены.

Более полные данные имеются о населении начала н. э. Н. Н. Миклашевская отмечает его разнородность. Так к этому периоду относятся массивные долихокранные черепа с большой шириной лица (Карабудахкент), долихокранные с малой шириной лица (Пиру, Новолакское), брахикранные с лицом среднешироким (Мамай-Кутан, см. таблицу 6).

⁸ Н. Н. Миклашевская. Новые палеоантропологические материалы с территории Дагестана. «Материалы по археологии Дагестана». Труды ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, том I, 1959, стр. 186—194; Н. Н. Миклашевская. Антропологический состав населения Дагестана в алано-хазарское время. «Вопросы антропологии», М., 1961.

Конечно, эти различия трудно считать основанием для признания в этот период времени реально существующих двух, а может быть трех антропологических типов, поскольку количество черепов для выделения типов несомненно недостаточно. Все эти различия безусловно могут оказаться случайными. Но отметить их следует. Они тем более интересны, что в более позднее хазаро-аланское время можно признать реальным существование двух антропологических типов, а именно долихокранного узколицего (Дегва, Гоцатль, в какой-то мере Агач-Кала) и брахикранного широколицего (Миатли).

Серия черепов Верхнечирюртовского могильника безусловно ближе по морфологическому строению ко второму типу. Но она не тождественна ему. Серия, как указывалось выше, брахикранна, имеет относительно широкое лицо, сильно выступающий нос, хорошо выраженную, в большинстве случаев горизонтальную профилировку. В то же время за счет меньшей величины поперечного диаметра у нее брахикрания представлена значительно умеренней (на границе с мезокранией) немного меньше и ширина лица. Кроме того, отмечается в серии искусственная деформация и небольшая монголоидная примесь.

Сравнительная таблица размеров мужских черепов Северного Кавказа

Могильники Признаки	Дагестан				Осетия		Грозненская область, Дюбаюрт IX—X вв. н. э.	Кубань, Мошеная Балка VI—VIII вв. н. э.	Азербай- джан, Мингечаур VII—IX вв. н. э.
	Верхне- чирюр- товский V—VII вв. н. э.	Миатлин- ский XII— XIII вв. н. э.	Дегва VIII—X вв. н. э.	Агач- Калинский VIII—X вв. н. э.	Херх X—XIII вв. н. э.	Змейск XI—XIII вв. н. э.			
1 Продольный диаметр	177,5(4)	175,7(3)	182,4(9)	186,0(2)	182,0(6)	181,1(19)	189,7(6)	191,4(5)	175,9(16)
8 Поперечный диаметр	141,7(4)	152,5(2)	138,1(8)	144,0(2)	149,8(6)	143,9(17)	138,8(6)	143,2(5)	149,2(16)
17 Высотный диаметр	135,8(4)	132,0(2)	135,5(6)	—	136,3(3)	136,1(13)	138,1(6)	139,0(5)	133,2(16)
40 Длина основания лица	95,0(4)	97,7(3)	92,7(6)	—	96,6(3)	99,0(11)	95,8(4)	101,2(5)	95,7(17)
45 Скуловой диаметр	135,7(4)	137,0(3)	129,8(6)	—	141,6(3)	136,2(15)	132,8(4)	137,8(5)	136,7(17)
48 Верхняя высота лица	70,7(4)	73,7(3)	69,7(10)	—	72,5(4)	70,4(17)	70,8(4)	74,8(5)	71,9(16)
55 Высота носа	51,9(4)	53,3(3)	51,2(14)	53,0(1)	55,0(4)	51,9(17)	52,8(4)	54,8(5)	53,6(16)
54 Ширина носа	25,2(4)	24,2(2)	23,1(13)	25,6(1)	27,2(4)	25,6(16)	24,5(4)	25,0(5)	24,7(17)
52 Высота орбиты	32,6(4)	35,2(3)	31,2(14)	32,6(1)	33,2(4)	31,7(18)	31,4(4)	35,4(5)	34,6(16)
51 Ширина орбиты от макс.-ф.	40,4(4)	43,6(3)	40,4(13)	43,5(1)	43,4(4)	41,5(18)	42,3(4)	45,5(5)	42,2(17)
32 Угол лба	83,5(3)	86,0(2)	82,4(8)	81,0(1)	81,0(4)	86,6(13)	86,0(2)	80,2(5)	81,3(16)
72 Общий угол лица	88,2(3)	85,3(3)	84,0(5)	—	85,7(4)	85,4(11)	91,0(4)	85,2(5)	86,1(16)
71, Угол носа	95,2(3)	40,5(2)	29,7(3)	—	35,3(3)	32,4(12)	31,0(2)	32,5(4)	31,1(16)
77 Назо-малярный угол	137,0(3)	137,0(3)	139,1(13)	133,0(1)	141,3(3)	139,0(16)	135,4(5)	—	138,1(16)
Z Зиго-максиллярный угол	128,0(4)	124,7(3)	124,9(10)	133,0(1)	127,2(3)	124,6(14)	122,0(3)	—	126,4(17)
8:1 Черепной указатель	80,0(4)	82,7(2)	76,4(6)	77,5(2)	82,4(6)	79,4(17)	73,2(6)	74,8(5)	84,9(16)

На Северном Кавказе за пределами Дагестана материалов с близкой датировкой также немного. Черепа из Мощеной Балки на Кубани и из Дюбаюрта Грозненской области отличаются от верхнечириуртовских. Они сходны с серией из Дегвы. К верхнечириуртовским близки черепа из могильников Осетии: Змейска и Херха. Правда, последние несколько крупнее. Близкий тип встречается и в более южных районах Кавказа, а именно в Азербайджане в христианских погребениях Мингечаура VI—IX вв. н. э. (седьмой период). Следует подчеркнуть, что как и в случае с Миатлинским могильником, речь идет лишь о сходстве, а не о тождестве морфологического строения.

Таким образом, верхнечириуртовские черепа могут быть отнесены с некоторыми оговорками к широколицему брахикранному европеоидному типу, отмеченному в ряде памятников Северного Кавказа в алано-хазарское время. Брахикранный европеоидный тип, кроме Кавказа, в сарматское время и позднее встречается на довольно широкой территории: в районе левобережья Дона и Нижнего Поволжья, в степных районах Причерноморья, в Крыму.

Антропологическое сходство населения Северного Кавказа и Нижнего Поволжья является, вероятнее всего, следствием их тесной взаимосвязи в сарматский, а может быть и в более ранний период.

Нельзя, конечно, исключить возможность совершенно независимого появления этого типа на Северном Кавказе может быть еще с древних времен. Но доказать мы этого в настоящее время не можем из-за отсутствия материала I тыс. до н. э. из Дагестана и вообще из Северного Кавказа, и очень ограниченного числа черепов других эпох. Однако, если даже допустить совершенно независимое возникновение брахикранного широколицего типа в целом для Дагестана, то необходимо указать, что непосредственно в верхнечириуртовской серии имеются следы связи с северо-востоком.

В I тыс. искусственная кольцевая деформация, характерная для верхнечириуртовцев, довольно широко была распространена и в южно-русских степях, и в Крыму. Она встречается и в более южных районах Кавказа, чем Чириурт, например, в Азербайджане (катакомбные погребения Мингечаура II—VII вв. н. э.). Но там ее наблюдаем у населения, обладающего другим антропологическим типом. Как известно, широкое распростране-

ние кольцевой деформации связывают с грандиозным передвижением народов из центра Азии, в частности с нашествием гуннов, а некоторые авторы допускают в какой-то мере влияние раннего догуннского передвижения народов. Те же связи, вероятно, имеет и затылочная деформация.

Наличие деформации в верхнечириуртовской серии безусловно указывает на какую-то связь с населением более северных областей. Определеннее о связи с северо-востоком говорит, правда, небольшая монголоидная примесь в верхнечириуртовской серии.

Верхнечириуртовцы безусловно принимали участие в формировании современного населения Дагестана, которое довольно едино по своему морфологическому облику с небольшими отличиями между востоком и западом. Для него характерна высокая степень брахикефалии, большой скуловой диаметр, сравнительно невысокий процент темных глаз. Это большое сходство с современным населением не исключает, конечно, участия в его формировании также типа, представленного в Дегва, тем более при учете возможностей процесса брахикефализации и метизации.

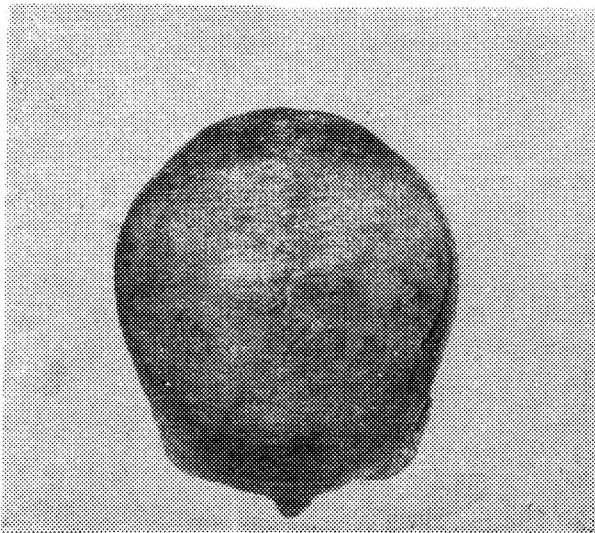
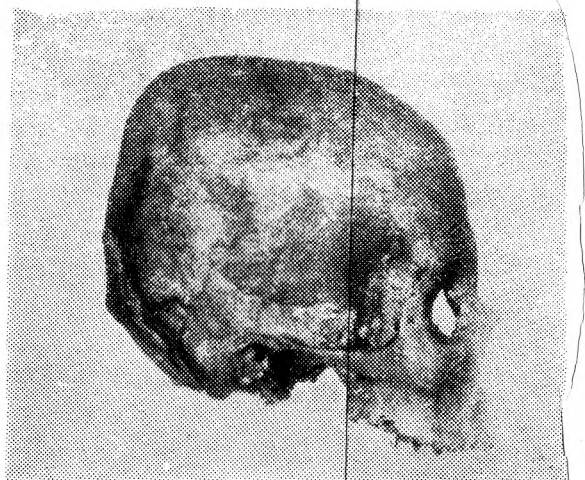
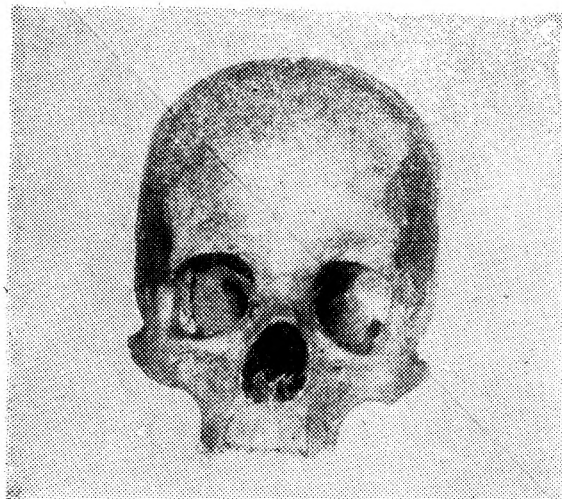
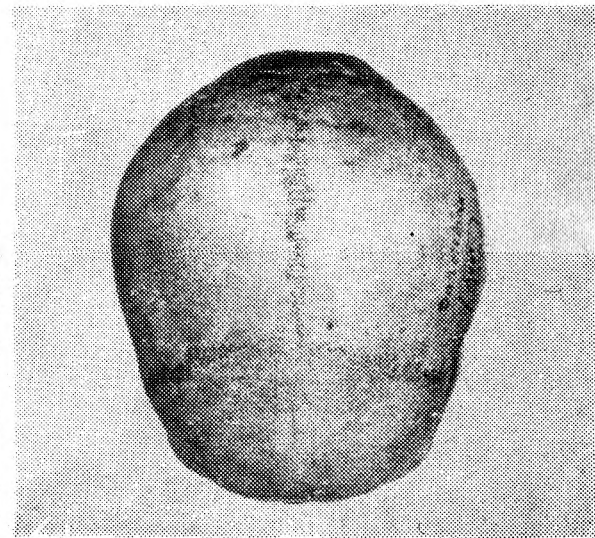
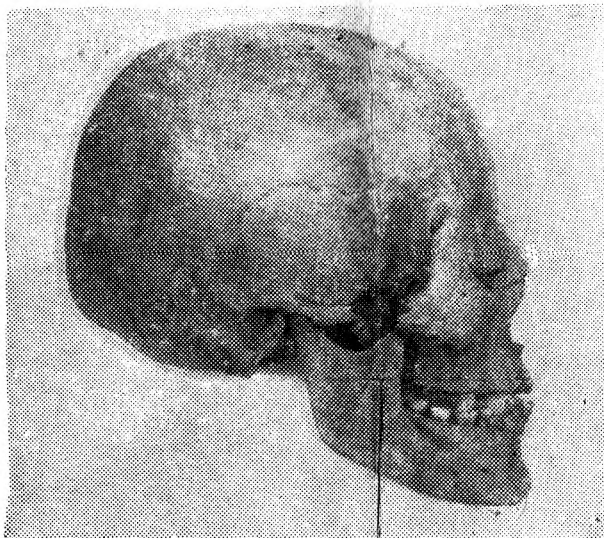
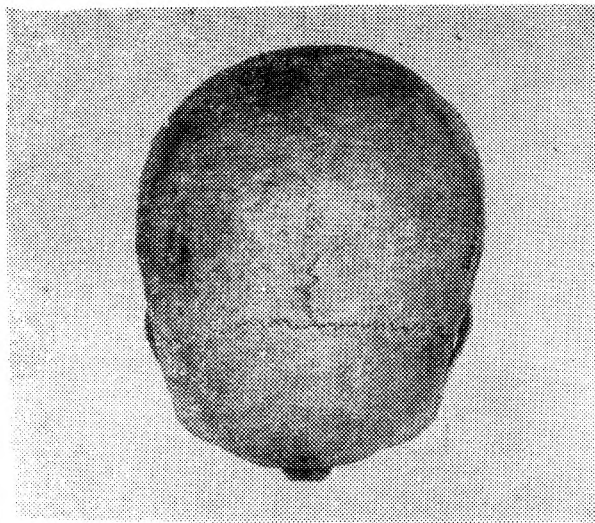
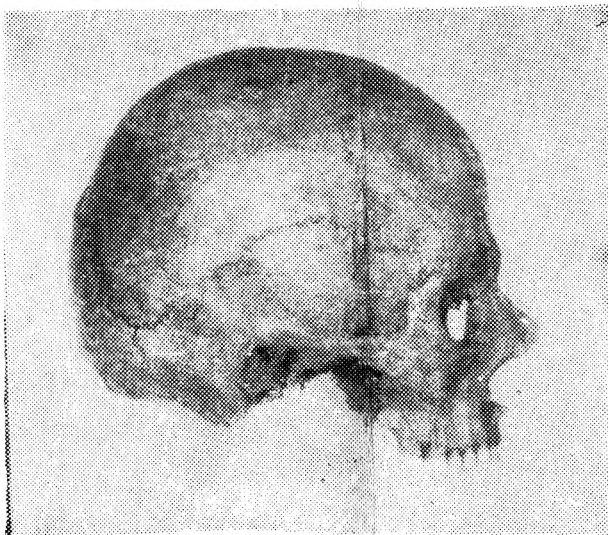
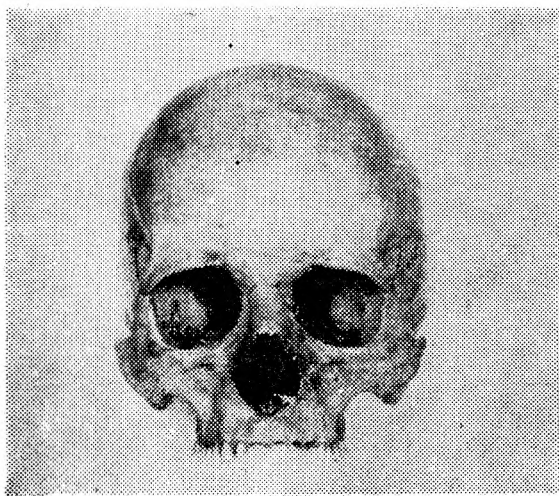
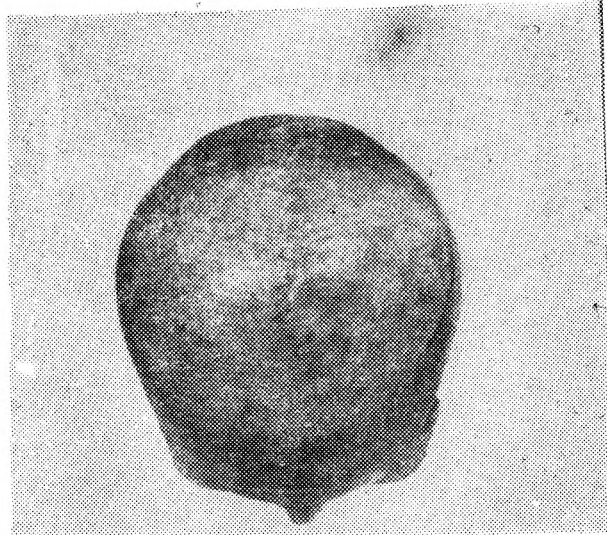
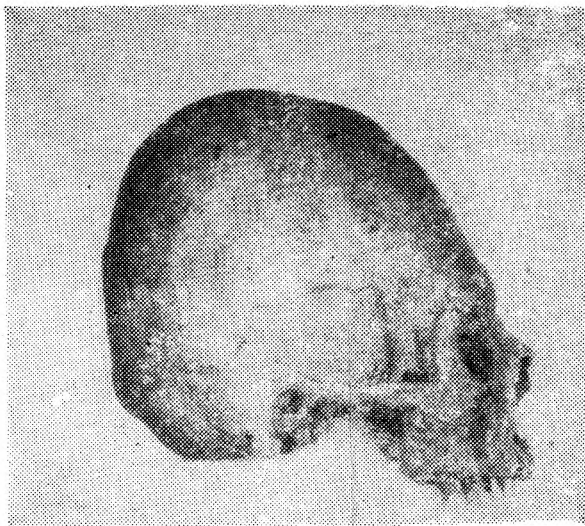
К выводу об участии двух типов в формировании современного населения Дагестана пришел Г. Ф. Дебеч⁹ на основании последних исследований, а именно кавкасионского и каспийского. Первый тип преобладает на западе Дагестана, второй — в центре и на востоке. Область распространения каспийского типа уходит за пределы Кавказа в Иран и Туркмению. Область распространения кавкасионского типа находится в пределах Кавказа. Возможно, последний тип образовался при участии элементов восточно-европейского происхождения. Основанием для этого предположения, по мнению Г. Ф. Дебеца, является относительно более светлая пигментация и, возможно, большая ширина лица. Иными словами, Г. Ф. Дебеч предлагает при исследовании этногенеза народов Дагестана иметь в виду не только южные закавказские связи, но и северные, связанные с территорией Русской равнины¹⁰.

Н. Н. Миклашевская¹¹ брахикранный широколицый тип Миатлинского могильника свя-

⁹ Г. Ф. Дебеч. Антропологические исследования в Дагестане. «Труды Института этнографии им. Миклухо-Маклая. Новая серия», т. XXXIII, Антропологический сборник № 1, М., 1956, стр. 204—237.

¹⁰ Г. Ф. Дебеч. Указ. соч., стр. 204—237.

¹¹ Н. Н. Миклашевская, Антропологический состав населения Дагестана в алано-хазарское время. Вопросы антропологии, вып. 5, стр. 1961 г.

Череп из Верхнечирюртовского могильника.

зывает с кавкасионским типом современного населения, долихокраний узколиций тип из Дегвы — с кавкасионским. Более определенно об этом судить поможет новый палеоантропологический материал. Сейчас нет оснований возражать против этого предположения.

Какова же этническая принадлежность верхнечирюртовцев? В могильниках центрального Предкавказья у Змейской и Херха, которые также относятся к аланскому времени, представлен в общем более или менее сходный тип. Однако в других могильниках аланского времени на Северном Кавказе (Дегва, Дюбаюрт) и в Верхнесалтовском могильнике, который теперь единодушно считают алан-

ским, представлен иной тип — долихо-мезокраний и сравнительно узколиций.

Наличие двух типов в могильниках аланского времени позволяет предполагать существование этнических различий. Один из этих типов может быть собственно аланским, другой может принадлежать местному населению, в какой-то мере ассимилированному аланами. Исторические источники сообщают о савирах, этнически отличных от аланов. Может быть один из двух типов и принадлежал савирам. Однако, вследствие полного отсутствия данных об антропологическом типе савиров, судить об этом пока преждевременно.

К. Н. ЗОЛотов

К ИСТОРИИ КОНЕВОДСТВА В ДАГЕСТАНЕ

В литературе отсутствуют исчерпывающие указания, как глубоко простиралась биологическая перестройка тела животного после одомашнивания. Наименее изученным животным в этом отношении является лошадь, т. к. одомашнивание лошадей произошло сравнительно недавно, тогда как другие животные (собаки, мелкие и крупные жвачные) одомашнены в 8—12 тысячелетии до н. э. Но несмотря на непродолжительность времени влияния человека на организм лошадей, из-за их большого хозяйственного и военного значения происходил усиленный искусственный отбор¹.

Современные лошади Дагестана являются потомками лошадей средневековья. Активная работа жителей древнего Дагестана заключалась в том, что они с помощью доступных средств — отбор, эксплуатация — перестраивали организм животного после одомашнивания. Считается, что кости домашних и диких лошадей не имеют различий. Признается почти полная законченность формирования конечностей лошадей в процессе их исторического развития до одомашнивания². Мы избрали в качестве рабочей гипотезы мысль, что за время одомашнивания некоторые биологические изменения тела лошади, происходившие до одомашнивания и ценные для человека, должны были проявиться сильнее.

Лошадь, используемая в сельском хозяйстве в горах и на плоскости древнего Дагестана, по росту выше, чем современная³. Если классифицировать лошадей по И. Р. Черскому (1891) на малорослых (до 1,37 м. высоты

в холке), среднерослых (1,38—1,48 м), рослых (1,49—1,58) и высокорослых (выше 1,59 м.), то лошади древнего Дагестана могут быть отнесены к среднерослым, а лошади современного Дагестана относятся к малорослым в горах и среднерослым на плоскости. Об этом свидетельствует таблица 1.

Таблица 1.

Зоны	Высота лошади в холке в см. (средние данные)		
	Древний Дагестан		Современный Дагестан
	По пясти	По плюсне	
Горы	143,7	142,5	134,5
Плоскость	145,5	148,5	143,9

При изучении костей лошадей из Урцекского городища⁴, нами найдено в нижней челюсти утолщение угла. Хорошо развитый угол нижней челюсти, утолщенный, с развитыми гребнями для жевательного мускула, глубокой ямкой для крылового мускула — все это указывает на более мощное развитие жевательной мускулатуры у древних лошадей. Соответственно развита сильнее и артериальная система — отверстия для сосудов (надглазничное, подглазничное, решетчатое); также и желоба для сосудов на костях сильнее выражены. Так надглазничное отверстие у урцекских лошадей овальной формы размером 5 × 3 мм, а у современных лошадей Дагестана оно круглее и его размер не более 4 × 2,5 мм.

Надглазничное отверстие древних дагестанских лошадей располагалось ближе к пе-

¹ В. И. Цалкин. Материалы к истории скотоводства и охоты в древней Руси. МИА, 1956, № 51, стр. 149. Дюрст У. Экстерьер лошади...

² Например, В. Громовой, А. Браунерем, Боголюбским и другими.

³ Вычисление по Кизевальтеру.

⁴ Материалы хранятся в рукописном фонде ИИЯЛ Дагфилнала АН СССР.

реднему орбитальному краю, чем у современных.

В литературе указывается на процесс увеличения блокового гребня на дистальном конце метаподия (плюсны и пясти), происшедший у лошадей исторически в третичный и начале четвертичного периодов⁵. В. Громова заканчивает рассмотрение фактического материала по этому вопросу периодом каменного века, т. е. рассматривает этот процесс увеличения блокового гребня у метаподий лошадей за период эволюционного их развития в диком состоянии. Но этот процесс видимо продолжается у лошадей и в домашнем состоянии, хотя работ в этом направлении пока еще почти нет. Нами изучалась величина блокового гребня у современных лошадей Дагестана и сравнивалась с величиной блокового гребня у древних лошадей (живших 1,5—3 тысячи лет назад) и современных. Результат изучения показан в таблице № 2. В дополнение к известным выводам В. Громовой об увеличении блокового гребня мы можем указать на исторический процесс увеличения толщины (передне-заднего диаметра) суставных валиков (латерального и медиаль-

Таблица 2

№№ п/п	Наименование	Лошади (результат в %)	
		древние	современные
1.	Ширина дистального конца метаподия в (суставе)	59,6	61,3
2.	Ширина в связочных буграх	61,1	60,7
3.	Толщина латерального валика	35,9	37,2
4.	Толщина медиального валика	39,2	39,7
5.	Диаметр блокового гребня	46,5	48,0

ного). Доказана нами и математическая достоверность разницы относительных размеров медиального валика и блокового гребня метаподиев современных и древних лошадей, а также достоверность разницы и по другим измерениям метаподиев. См. таблицу 3.

Таблица 3

№№ п/п	Наименование	М				M ₁ —M ₂	т. раз.	Показатель достоверности разницы
		Лошади		Лошади				
		современные M ₂	древние M ₁	современные	древние			
1.	Размер блокового гребня плюсны (в %).	7,72	5,8	0,261	0,250	1,92	0,360	5,33
2.	Размер блокового гребня (в %): а) плюсны б) пясти		5,8 7,5		0,250 0,444	1,70	0,509	3,34
3.	Размер блокового гребня (в %): а) плюсны б) пясти	7,72 8,11		0,261 0,468		0,390	0,536	0,72
4.	Угол отхождения заднего отростка у верхней суставной площадки плюсны (верхний конец в градусах).	32,42	23,6	0,655	0,891	2,82	1,101	8,0
5.	Ширина верхнего конца плюсны (в %).	59,0	55,3	0,871	0,784	3,7	1,160	3,1
6.	Ширина передней площадки проксимального сустава плюсны (в %).	21,2	19,2	0,649	0,460	2,0	0,251	7,9
7.	Поперечник передней площадки плюсны (в %).	11,8	10,4	0,496	0,444	1,4	0,210	6,6
8.	Поперечник всей площадки верхнего сустава плюсны (в %).	44,9	40,8	1,215	0,682	4,1	1,380	3,0

В. Громова указывает на историческое увеличение блокового гребня на дистальном конце метаподия. Этот же процесс прослеживается и у лошадей Дагестана. (См. таблицу 4).

Таблица 4

№№ п/п	Лошади	Размер медиального валика метаподия (%)	Размер латерального валика метаподия (%)	Размер блокового гребня (%)
1.	Современные	100	96,6	123,3
2.	Из Сигитмы 3	100	90,0	121,9
3.	Из Урцеки	100	91,1	119,6
4.	Из Великента	100	87,9	118,1

Соотносительно с медиальным валиком дистального сустава метаподия латеральный валик исторически утолщается. Искусственный отбор среди домашних лошадей, применяемый людьми, а также влияние рабочих нагрузок на лошадь в процессе трудовой деятельности человека ускорили формирование конечности лошадей в сторону однопалости, т. е. продолжили развитие одной из биологических особенностей этих животных, несмотря на измельчание лошадей. У дагестанских лошадей движение между MT_3 и MT_4 исторически увеличивается, а степень подвижности костей MT_3 и MT_2 уменьшается. В связи с усилением прочности в дистальном суставе метаподия — расширение сустава, увеличение блокового гребня и валиков — блоковые гребни астрагала у современных лошадей уменьшаются. Например, сумма размеров гребней (в %) от диаметра суставного желоба между гребнями таранной кости у древних лошадей больше. (См. табл. 5).

Промеры заплюсневой третьей и заплюсневой центральной показывают, что исторически изменения этих костей у лошадей древнего Дагестана происходили в том же направлении, как и костей плюсны, т. е. в сторону уменьшения подвижности в нижних этажах заплюсневого сустава, особенно в соединении между заплюсной и плюсной. В таблице № 6 даны промеры заплюсневой третьей современных и древних лошадей, причем показатель Т выше трех, что указывает на достоверность и существенность разницы между промерами

№№ п/п	Время существования лошадей (приблизительно)	Место раскопок	Сумма относительных размеров блоковых гребней астрагалов
1.	Третье тыс. до н. э.	Великент	321,0 и 331,3
2.	Античное время	Урцеки	310 и 317
3.	Рубеж I—II тыс. н. э.	Бавтугай	302,5 и 303
4.	Середина II тыс. н. э.	Ириб	303,5
5.	Современные	—	303,5 и 305,3

(средними) этой кости у современных и древних лошадей.

За прошедшие 3—5 тысяч лет произошли следующие изменения:

1. Подвижность в нижних рядах заплюсны у лошадей древнего Дагестана была большая, чем у современных лошадей.

2. Степень развитости суставного прикрепления между плюсневой третьей и плюсневой второй и четвертой неравномерна: больше суставные площадки для MT_4 , чем для MT_2 . У урцекских лошадей часть давления, падающего на MT_2 и MT_4 в силу особого, более косоного положения боковых площадок, с MT_2 могла передаваться обратно на MT_3 . Подобная передача давления с редуцирующихся лучей на MT_3 у современных лошадей почти отсутствует.

3. К заднему отростку заплюсневой центральной кости у современных лошадей чаще можно встретить присоединение пяточной кости.

4. Тяжесть тела в силу особого по крутизне и размерам расположения площадок T_{4+5} больше передавалась на MT_4 , а также на MT_3 .

5. Боковая стенка центральной заплюсневой кости современных лошадей имеет сверху и снизу, у края, борозды для межкостных связок (по этажам), а у урцекских лошадей этих борозд нет. Это свидетельствует о слабости межэтажных связок заплюсневого сустава у древних лошадей Дагестана.

6. Учитывая общую тенденцию изменения в костях заплюсны, мы можем с большей или меньшей степенью вероятности считать, что исторически шло все большее рассеивание давления тяжести тела на все кости заплюсны с последующей передачей его в конечном направлении на MT_3 , с освобождением MT_2 и MT_4 . Однако, в силу более отвесного наклона зад-

ней косой площадки для соединения T_{4+5} и T_3 тяжесть тела через T_{4+5} у урцекских лошадей передавалась MT_4 , а у современных лошадей давление вновь передается T_3 и MT_3 .

7. Бугристость (между суставными площадками) на нижней поверхности заплюсневой третьей кости исторически расширяется: у современных лошадей относительная вели-

Таблица 6

№№ п/п	Измерения (основание для % — сумма всех площадей)	М		Ошибка средней		$M_2—M_1$	Ошибка разности	Т
		Лошади современные M_2	Лошади урцекские M_1	Лошади современные	Лошади урцекские			
1.	Площадь передней верхней площадки заплюсневой третьей (мм ²)	611,41	534,28	26,8	4,8	77,21	29,8	2,5
2.	То же (%)	30,2	32,7	0,484	0,667	2,5	0,825	3,08
3.	Площадь верхней бугристой поверхности T_3 (в мм ²)	185,83	103,71	2,0	14,3	82,13	14,4	5,7
4.	То же (%)	9,0	6,3	0,742	0,966	2,7	1,212	2,25
5.	Площадь нижней бугристой поверхности заплюсневой третьей (кв. мм.)	312,33	150,57	33,5	17,0	161,83	37,5	4,3
6.	То же (%)	15,4	9,1	1,160	0,955	6,3	1,500	4,20
7.	Площадь нижней передней суставной поверхности MT_3 (мм ²)	649,33	581,71	63,4	5,4	67,63	63,5	1,0
8.	То же (%)	32,3	35,6	0,550	0,895	3,3	1,06	3,12
9.	Общая площадь суставная и бугристая вверху и внизу заплюсневой третьей (кв. мм.)	2027,0	1636,14	100	20,9	391,17	101,0	3,88

чина ее равна 12,4%, у лошадей из бывшего поселения Бавтугай — 10,5%, у бывших урцекских лошадей — 9,1%. Ввиду того, что соотношение разности сравниваемых средних и ошибки разности больше трех (при статистической проверке достоверности разности) разность относительных величин существенна, достоверна.

8. Нижняя суставная площадка на боковом отростке пястной кости современных лошадей имеет закругление, ее край гребешком опущен вниз, опираясь на закругление верхней площадки T_{4+5} и передавая ей тяжесть не только сверху, но и боковым давлением, отчего T_{4+5} прижимается к T_3 и Т. Подобного гребнеотросткового края у урцекских лошадей не было.

9. Ланцетовидная площадка на держателе таранной кости у урцекских лошадей длиннее и передает в суставном движении большую тяжесть и энергию движения глубокого сгибателя пальцев. Да и сам отросток-держатель таранной кости толще, массивнее. Суставная нижняя площадка на клювовидном отростке пяточной кости у урцекских лошадей шире, от нее без перерыва идет вниз узкая латерально-каудальная суставная поверхность. У современных лошадей расположение площадок таково, что они скошены в латеральном направлении на боковом отростке пяточной кости, отчего этот отросток упирается в астрагал не только сверху, но и сбоку, как бы охватывая его, чего нет у ископаемых лошадей Дагестана.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.

ГИМ — Государственный исторический музей.

ДАГФАН — Дагестанский филиал Академии наук.

ДАЭ — Дагестанская археологическая экспедиция.

ИАК — Известия археологической комиссии.

ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры.

ИИМК — Институт истории материальной культуры.

КНИИ — Кабардинский научно-исследовательский институт.

КСИИМК — Краткие сообщения института истории материальной культуры.

КСИА — Краткие сообщения института археологии.

МАД — Материалы по археологии Дагестана.

МАК — Материалы по археологии Кавказа.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

МКА — Материальная культура Азербайджана.

ОАК — Отчет археологической комиссии.

РАНИОН — Российская ассоциация научных институтов общественных наук.

СА — Советская археология.

УЗ — Ученые записки.

ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
1. В. И. Марковин. Каменные орудия с желобчатыми пере- хватами на территории Дагестана и Северного Кавказа	5
2. В. М. Котович, В. И. Марковин, Т. Д. Хехнева. Древние и современные ареалы диких копытных на территории Да- гестана	20
3. Д. М. Атаев и М. Н. Погребова. Поселение эпохи бронзы у с. Ирганай Унцукульского района (предварительное сообщение)	28
4. М. И. Пикуль. Мугерганский могильник	35
5. Д. М. Атаев. Археологические исследования в горном Да- гестане осенью 1962 г.	51
6. М. А. Агларов. Две деревянные чаши из Анчиha	60
7. В. Б. Ковалевская. Производство и импорт средневеко- вых бус Дагестана	62
8. М. Г. Магомедов. Остатки оборонительных стен у Андий- ских ворот	80
9. М. Маммаев. Знаки на керамике Урцекского городища	88
10. Г. С. Федоров. Случайные археологические находки из Карабудахкента	100
11. А. Р. Шихсаидов. Несколько арабских надписей из Юж- ного Дагестана	104
12. В. П. Алексеев. Материалы по краниологии народов Да- гестана	109
13. А. Г. Гаджиев. Некоторые данные по краниологии Севе- ро-Восточного Кавказа	113
14. Т. С. Кондукторова. Антропологическая характеристика Верхнечирюртовского могильника	116
15. К. Н. Золотов. К истории коневодства в Дагестане	130

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ДАГЕСТАНА, ТОМ III

Редактор *З. А. Колмакова.*

Тех. редактор *В. А. Махулова.*

Корректор *Т. Б. Гаджиева.*

Сдано в набор 2/II-1973 г. Подписано в печать 6/XII-1973 г.

Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 8,5. Уч.-изд. л. 10,2. С 01643.

Заказ № 21. Тираж 1000 экз. Цена 81 коп.

Типография Дагестанского филиала АН СССР,
Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10.

Цена 1 коп.